

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следомыт

12 '86

«...Время здесь словно остановилось, и кажется: вот-вот появится из белой метельной круговерти огромный мамонт...»

Чувство бесконечности времени, о котором говорит ненецкая писательница Анна Неркаги, знакомо всем северянам. Ненцы, например, с трудом привыкают к рабочему режиму, для многих людей давно привычному, нормальному: начало работы, смены, дежурства. Ненец может не заметить точное время, и не потому, что не дисциплинирован: для него веками время было без границ...

Не всякий из ненцев может работать, скажем, сварщиком, и здесь тоже виноват вековечный уклад жизни — не мощные бицепсы дал он северянину, а приземистые крепкие ноги, способные ходить по тундре на огромные расстояния...

Врачи в северных интернатах подметили у детей коренных народностей нарушение зрения. Детям, генетически перенявшим от предков способность глядеть далеко, противопоказаны закрытые пространства. Близорукость — результат изменения тысячелетних навыков.

Меняется мир вокруг, окружающая среда — изменяется и образ жизни народностей Севера. Много, чрезвычайно много хорошего вошло в их быт. Но много и сложных проблем, ставящих под угрозу традиционный уклад жителей северных окраин. Исчезают потомственные профессии. Интернаты дают детям знания, гарантируют здоровье, открывают большой мир. Но кто же переймет извечные занятия дедов и прадедов?! Ведь чтобы быть оленеводом, рыбаком, охотником — надо сызмалства жить рядом с оленем, рекой, тундрой... Надо жить в стойбище; но разве не от оторванности и суровости стойбища оградилло общество детей?!

Много проблем в жизни Севера. Мы задали коренным северянам три вопроса.

1. ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ СОХРАНИТЬ ИЗ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ СВОЕГО НАРОДА?
2. БОЛЬШАЯ ЛИ У ВАС РОДНЯ?
3. ЧТО ВЫ СЧИТАЕТЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ (ИЛИ НЕГАТИВНЫМ) В ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ ЮНОГО ПОКОЛЕНИЯ?

НА АНКЕТУ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» ОТВЕЧАЮТ ЛЮДИ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ НЕСКОЛЬКИХ НАРОДНОСТЕЙ, НАСЕЛЯЮЩИХ КРАЙНИЙ СЕВЕР.

АНКЕТА ПУБЛИКУЕТСЯ ПОД ЗАГОЛОВКОМ:

«Мы — дети твои, СЕВЕР!»

Есть в роду моём преданье:
Будто дед — а был бедняк он,
Пас оленей богатея —
Засмотрелся как-то в небо
На парящего орла...
Позавидовал он птице,
И ему хотелось тоже
В небо светлое подняться...

Есть в роду моем преданье,
И оно — о самом главном:
О родном моем народе,
Научившемся летать!

АНДРЕЙ КРИВОШАПКИН,
ЭВЕН

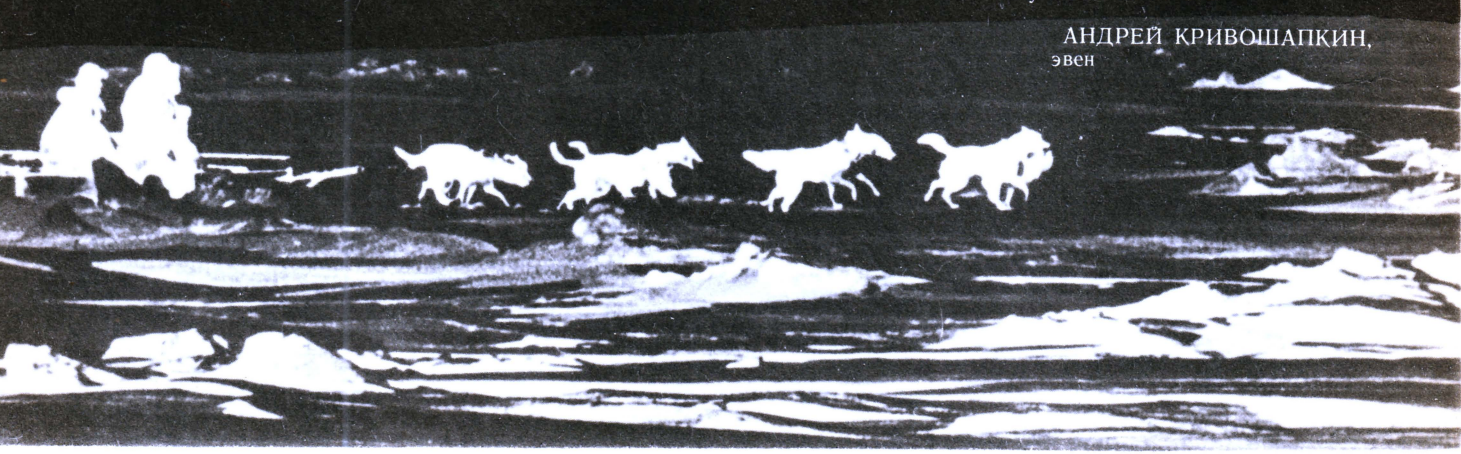

Иванова Родина

Снимки В. Шумкова и А. Кирюшина,
г. Магадан

Оленевод

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

12 '86

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

- 2/ Ю. Рытхэу
ОКРАИНА ПЛАНЕТЫ. ВЕК XX...
- 5/ Наши интервью
ХОЗЯИН В ДВУХ ЛИЦАХ
- 8/ А. Кымытваль
СНОВА ПОУЧАЕТ СОЛНЦЕ, ЧТО ВЕСЬ МИР
ИЗ СВЕТА СОТКАН... Стихи
- 10/ В. Курбатов
АНКАЛИН С МЫСА ТУМАНОВ
- 12/ Наши интервью
К БОГАТСТВУ ДОБАВИТЬ БОГАТСТВО, А НЕ ОТНЯТЫ
- 16/ М. Шульгин, П. Явтысый
МНЕ ДАНА В НАСЛЕДСТВО ТУНДРА... Стихи
- 17/ А. Манец
«БОЧКА С ДЫМОМ», ЗИМНИКИ И ДРУГОЕ...
- 20/ А. Галин
ЗНАК НАТАШИ
- 21/ С. Смирнова
УЧИТЕЛЬ, ГРАЖДАНИН...
- 22/ Н. Никонов
СЕВЕРНЫЙ ЗАПАД. Окончание
- 33/ А. Немтушкин
В МЕСЯЦ БОЛЬШИХ ХОЛОДОВ. Повесть
- 50/ А. Константинов
ЗИМОВКА НА ГЫДАНЕ
- 50/ Р. Чук
КОРНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
- 51/ А. Южаков
ОЛЕНИЙ ПРОБЕГ
- 52/ С. Владимиров
ЧЬИ НОСЫ И ОТКУДА КОШКИ?
- 55/ А. Омельчук
ФОЛИАНТ БУРГОМИСТРА
- 56/ О. Тапит
КОМПОЛЕН
- 58/ С. Клумов
ВЫМЫШЛЕННЫЙ!.. РЕАЛЬНЫЙ!..
- 60/ МИР НА ЛАДОНИ
- 62/ С. Попов
КОРАБЛИ-«ЛЕЙТЕНАНТЫ»
- 64/ П. Сташкевич
БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ — УМКА ИЛИ ОШКУЙ?
- 67/ Б. Зеличенко
ГЕРОИ ФИЛЬМА — СЕВЕРЯНЕ
- 68/ А. Леонидов
ТРАЕКТОРИЯ. Повесть. Продолжение
- 78/ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1986 ГОДУ
- 80/ НАШИ ПРИЗЕРЫ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Рисунок на 1-й стр. обложки Л. Ткач (Петропавловск-Камчатский)

ОКРАИНА ПЛАНЕТЫ.

Юрий РЫТХЭУ,

писатель,

эксперт по арктическим культурам ЮНЕСКО

В начале весны этого года в номере магаданской гостиницы раздался настойчивый телефонный звонок. Я не сразу узнал голос моего давнего друга, известного канадского писателя Фарли Моузта: — Мы с тобой разминусились! Я говорю из московской гостиницы «Метрополь»...

Несколько месяцев назад я получил от него письмо. Он подробно рассказывал о плане создания фильма о новом, современном Севере, столь непохожем даже на тот, каким он был еще лет двадцать назад... Тогда, в шестидесятых годах, мы с Моузтом проделали два больших путешествия по нашему Северу. Результатом этих поездок стала его книга «Сибиряки», немедленно, по выходе, попавшая в число бестселлеров и сразу же переведенная на многие языки мира.

«Север меняется буквально на глазах и с такою стремительностью, с какой не меняется ни одна область земного шара,— писал мне Моузт.— Много прекрасное и неповторимое исчезает с головокружительной быстротой, и, если мы не поднимем голос в защиту нашего прекрасного края, мы рискуем потерять его навсегда, лишь будущие поколения человечества ее студеной жемчужины...»

В самом деле, долгие годы Арктика и прилегающие к ней районы считались не только труднодоступными, но и весьма скудными своими природными богатствами. На всем протяжении сурового Севера нет леса, не говоря уже о пахотных землях. Даже обширные залежи полезных ископаемых еще не означало немедленного процветания: слишком все это было далеко, трудно достижимо, ограждено барьерами крайне холодного климата.

Север обывателю умеренных широт представляется пустыней, закованной в вечные снега и покрытой нетающим льдом. Слабые упоминания о том, что здесь бывает пусть короткое, но прекрасное и цветущее лето, воспринимаются как некое преувеличение влюбленных в эту землю людей. Как ни странно, но представление в общем-то верное: да, здесь студено и ветрено, скудны растительность и животный мир... Но даже внутри этого внешне однообразного климатического региона различаются зоны с относительно мягкими зимами, теплым летом, и наблюдается картина довольно пестрая...

И населены окрестности Полярного круга этнически многообразно. Разных национальностей, этнических групп здесь проживает несколько не меньше, чем в Европе. На советском Севере число народностей приближается к двадцати... Конечно, первому европейскому путешественнику эти закутаные в меха, молчаливые аборигены представлялись поначалу все на одно лицо...

Но стоит бегло перечислить коренных обитателей оторочки Северного Ледовитого океана, как станет ясно: это очень разные народы, каждый со своим происхождением, культурной и материальной историей, языком, традициями и обычаями. Это — чукчи, эскимосы, коряки, эвены, звенки, долганы, нганасаны, ненцы, ханты, манси, юкагиры, саамы... Среди них есть и сравнительно большие народы, и такие, которые насчитывают лишь несколько сот человек.

На зарубежном Севере основные арктические народы — саамы и эскимосы. Саамы частью живут и в нашей стране, на Кольском полуострове, но основная их масса расселена по Скандинавии — в Финляндии, Швеции и Норвегии. Самый северный на нашей планете эскимосский народ так же распространился на большом пространстве: чуть более тысячи человек живут на древней родине, в Азии, на территории Чукотского автономного округа; живут эскимосы в Соединенных Штатах Америки, составляя большую часть коренного населения штата Аляска, на севере Канады, в Гренландии.

Разделенные государственными границами, коренные северяне оказались в разных социальных системах, и их древнее право часто оказывается в противоречии с законами того или иного капиталистического государства.

Северные народы Советского Союза разделяли ту же печальную судьбу в прошлом, что и их собратья, жившие по берегам Ледовитого океана. Они были обречены на полное исчезновение с лица Земли, и это отнюдь не было преувеличением или предсказанием пессимиста. Иные ученые пытались даже определить точное время нисхождения в небытие того или иного народа. И кто знает, может быть, и сбылись бы эти предсказания, если бы не революция.

Ведь на другом берегу Берингова пролива, через который проходит государственная граница между СССР и США, на канадском Севере исчезли целые эскимосские племена. «Смертельное дыхание капитализма,— писал в своей книге «Люди оленьего края» Фарли Моузт,— оказалось губительнее ледяной стужи Арктики для эскимосского племени ихальмютов...»

У коренных жителей Севера Страны Советов общая судьба со всеми народами многонационального Советского Союза. Но это совсем не означает, что у наших северян нет своих проблем, нет обидных и даже горьких промахов. Все это есть. Но есть и силы для их преодоления.

Какой же Новый Север имеет в виду Фарли Моузт!

Вернувшись в Ленинград, я нашел среди почты довольно объемистый пакет, в котором подробно разъяснялись цели и задачи этого кинообозрения, кинорассказа о современном Севере.

«Если посмотреть сверху на глобус,— писал в пояснительной записке Фарли Моузт,— то в поле зрения как раз попадает та земля, которая населена коренными жителями Севера. Для них Ледовитый океан является своеобразным «средиземным» морем. Их край в последнее время стал ареной столкновения довольно влиятельных сил. Это прежде всего промышленное освоение, которое идет неслыханными темпами. Арктические районы планеты стали важными источниками энергетического сырья. Это привело к созданию современных транспортных артерий, протянувшихся далеко в глубь тундры, начиная от шоссейных и железных дорог, газо- и нефтепроводов,

Век XX...

магистральных авиалиний, по которым летают быстрые большегрузные самолеты, и кончая ледовыми маршрутами современного мощного ледокольного флота... Что же дали эти силы для коренных северян! Какое благо и какой вред они нанесли людям и самой этой земле!»

И хотя в сценарии довольно подробно излагались возможные ответы на эти вопросы, я усомнился в том, что все это можно уложить в двухчасовой фильм, пусть даже сделанный очень умело и добротнo...

Прежде всего по той причине, что все сложности и трудности Нового Севера, если пользоваться терминологией Фарли Муозта, находятся в постоянной динамике, в непрерывном движении. На смену одним приходят другие — быть может, более сложные и драматичные... Но одно обстоятельство все яснее и весомее вырисовывается с годами. Это прямое участие самих северян в решении судьбы родной земли.

Начнем с зарубежного Севера. Еще до недавнего времени никому не приходило в голову принимать во внимание мнение какой-то горстки аборигенов Арктики, которых и разглядеть-то было трудно на необозримом белом пространстве. И когда девственно-стерильный воздух Арктики, в котором и запахов-то не было никаких, вдруг пронзил нефтяной дух из пробуренной в вечной мерзлоте скважины, кое-кому показалось, что здесь, в ледяной, почти необитаемой пустыне никто не помешает беспрепятственно качать из земли нефть, прокладывать трубопроводы через оленьи тропы.

Но к началу шестидесятых годов самосознание аляскинских и гренландских эскимосов было уже достаточно высоким, чтобы понять: возникает еще одна угроза их жизни, их традиционным ценностям. И эта опасность на сей раз действительно сведет на нет коренных жителей Севера с лица планеты...

Аляскинские эскимосы затеяли процесс против федерального правительства, доказывая свои исконные права на земли, где они жили испокон веков. И тут, как ни странно, косвенную помощь оказало давнее событие, упорочно называемое «продажей Аляски».

Мне довелось познакомиться с подлинными документами, хранящимися в архивах госдепартамента США. Событие, которому уже более ста лет, но в строгом международно-правовом языке называлось: «Передача права на административное управление территорией Аляски...»

На этом основании коренным жителям Аляски удалось доказать, что, во-первых, территория, на которой они проживали, не продавалась, ибо по обычному праву считалась принадлежащей им; во-вторых, сама мизерная сумма [около 6 миллионов долларов] явно указывала на то, что действительно «уступалось право на административное управление». Но борьба была упорной и жестокой. Некоторые эскимосы неделями пикетировали здание Капитолия, пытаясь привлечь внимание на свои нужды.

Известный аляскинский адвокат Барри Джексон впо-

следствии признавался мне: «В стародавние времена, когда федеральному правительству или могущественной компании нашей страны требовалась земля, занимаемая какими-нибудь индейскими племенами, их попросту сгоняли оттуда силой оружия или же кавязывали им ничего не значащие жульнические договоры. Но на этот раз Вашингтон не мог конфликтовать с эскимосами. Уж очень все было на виду и как-то не вязалось с политикой защиты прав человека... Пришлось пойти на переговоры с эскимосами».

На самом же деле было немного не так. Эскимосский художник Рональд Сенунгетик подарил мне книгу своего брата Эдварда, которая называется «Отдайте нам назад наши века!». В ней подробно описываются все перипетии этой борьбы аляскинцев за свою собственную землю.

Нефтяные компании торопили федеральное правительство решить этот вопрос. Им все равно, с кем иметь дело: от своей выгоды они не собирались отступать. Некоторые из них даже грозились вступить в прямые переговоры с руководителями эскимосских общин.

В 1970 году тогдашний президент Ричард Никсон подписал билль о правах на земли коренных жителей Аляски. По этому закону эскимосам выплачивалась довольно значительная компенсация, которая распределялась между сельскими корпорациями в виде акций, проводилось земельное размежевание, согласно законодательству Соединенных Штатов Америки.

Эскимосам казалось, что они одержали огромную победу!..

Отрезвление наступило быстро... Выяснилось, что акции, которые не всегда приносили ожидаемые дивиденды, к 1990 году должны поступить в свободную продажу — значит, крупные компании, у которых слюнки текут при мысли о тундровых недрах, не замедлят их скупить...

У эскимосов Аляски сегодня одна забота — как можно дольше продлить мораторий на продажу на свободном рынке эскимосских акций...

Глядя на своих соседей, канадские эскимосы подняли голос в защиту своих прав на оленьи пастбища, охотничьи угодья и рыболовные водоемы, реки и озера. Для них сейчас реальную угрозу представляют планы правительства Канады, связанные с постройкой на севере страны целой сети гидроэлектрических станций, которые затопят обширные пространства тундры.

Обитатели самого большого и самого ледяного острова на нашей планете — гренландские эскимосы — несколько лет назад получили право на внутреннее самоуправление. Более чем двухсотлетнее господство Дании, в результате которого коренные гренландцы почти потеряли свою культуру и свой язык, закончилось. Гренландцы подняли свой флаг над островом, запели на своем родном языке наскоро сочиненный гимн, переименовали острова и селения на свой лад и... обнаружили, что для настоящей независимости этого крайне недостаточно.

— Подлинная независимость начинается там, где есть экономическая независимость, — с горечью признавался мне ученый, директор Иннуитского института доктор Роберт Петерсон. Будучи сам по происхождению иннуитом — так себя называют эскимосы в Гренландии — Петерсон хорошо знает истинную ситуацию на острове.

Борьба за экономическую независимость гренландских эскимосов только начинается. Первым шагом был выход из Европейского экономического сообщества, они взяли под свой контроль богатые рыбой прибрежные воды вокруг острова.

Не один десяток лет коренные жители севера Скандинавии — саамы — пытаются спасти с каждым годом сокращающиеся пастбища для своих оленьих стад. Мне не раз доводилось бывать в саамских стойбищах. Надо очень любить свою древнюю культуру, свою землю, чтобы под мощным натиском европейской коммерческой культуры сохранять свой язык, свой образ жизни, свое достоинство.

Однажды вместе с известным саамским поэтом, художником и общественным деятелем Нильсом Аслаком Валькепяя мы оказались в гостинице небольшого северного городка Кауткейно в Норвегии. Я обратил внимание на то, что множество табличек и объявлений исполнено на саамском языке. Я даже выразил по этому поводу удовлетворение...

— Подождите радоваться, — предостерег меня Нильс Аслак. — Вдумайтесь в то, что написано на табличках: не плевать, не сорить, не шуметь, не орать, не появляться пьяным... И это написано ТОЛЬКО на саамском языке... Значит, плевать, сорить, орать, пьянствовать может, как представляется администрации гостиницы, только дикий невоспитанный саам — не немец, не швед, не норвежец, даже не финн... Ведь надписей на этих языках нет!

В конце 60-х годов мэр города Барроу на Аляске Эбен Хобсон основал движение, получившее название Циркумплярной конференции, объединившей усилия всех коренных северных народов капиталистических стран в борьбе за сохранение своей самобытности.

Еще при жизни своей Эбен Хобсон неоднократно подчеркивал, что без освоения опыта социального и культурного развития народов советского Севера трудно достичь положительных результатов в жизни коренных селян Гренландии, США, Канады и Скандинавии.

Несколько лет назад Организация Объединенных Наций по культуре и образованию — ЮНЕСКО — обратилась ко мне с просьбой очертить будущую программу так называемого Арктического проекта, главной задачей которого было бы сохранение самобытных культур народов Севера в условиях интенсивного промышленного освоения Приполярья.

Сейчас по программам Арктического проекта ЮНЕСКО подготовлен первый том уникальной книги «Северяне о самих себе», проведено несколько международных встреч, среди которых наиболее запоминающейся и значительной была встреча в Ленинграде в мае 1983 года, когда впервые в истории человечества удалось свести вместе представителей почти всех крупнейших арктических народов.

В эту же программу входит создание документального телевизионного фильма, в котором, опять же глазами северян, будет показана жизнь на Полярном круге, достижения и трудности малых народов, освоивших еще в доисторические времена самые суровые регионы планеты.

Мне довелось побывать во всех районах нашей земли, где живут коренные северяне. Прежде всего это — наша страна, от Кольского до Чукотского полуострова. Несколько раз посетил Скандинавию, Гренландию, север Канады и Аляску. И с кем бы ни довелось беседовать — будь это простой морской охотник с острова Малый Диомид, расположенного в Беринговом проливе, или резчик по моржовой кости в легендарном аляскинском городе Номе, чудом пробившийся в банкиры уроженец с мыса Принца Уэльского, хорошо видимого с мыса Дежнева, будь то саамский поэт, прачка, разнорабочий на нефтепромысле Прудхо-Бей на ледовитом побережье Северной Америки, — повсюду меня расспрашивали о том, как жить их собратья по Северу в Советском Союзе.

Я рассказывал, как выглядит сегодня чукотское селение Уэлен, моя родина, где выстроено уже третье за два десятка лет школьное здание, о прекрасной мастерской моих земляков-художников, о новых вельботах, полученных морскими охотниками, о том, как пастет свое стадо мой друг, оленевод из совхоза «Маяк Севера» Владимир Тутай, об учителях, врачах, государственных служащих, поэтах, ученых, летчиках, инженерах — о всех тех, кто сегодня составляет самую деятельную часть коренного северного населения...

...Какой же он, Новый Север — Север сегодняшнего дня!

Ответить на это трудно и сложно. Думаю, что даже тот фильм, который собирается снять Фарли Моузт, не ответит окончательно на этот вопрос. Потому что жизнь на Севере бежит стремительно, и за ней не угонится даже самая скоростная кинокамера...

Анадьрь — Ленинград

СЕВЕР, КАК ОН ЕСТЬ

ХОЗЯИН В ДВУХ ЛИЦАХ

Валерий Александрович КОШЕЛЕВ,
директор Ныдинского
оленеvodческого совхоза

Борис Николаевич ПРУДАЕВ,
буровой мастер
надымской геологоразведочной экспедиции,
кавалер трех орденов Трудовой славы,
первооткрыватель Ямсовейского месторождения

КОРР.: Поселок Ныда находится от поселка Нумги в пяти минутах лета, ходьбы — побольше. В одном живут олениводы, в другом — буровики. Взаимосвязаны ли жители этих поселков? Часто ли вы, например, видите?

Б. Н. ПРУДАЕВ: Встречаемся на конференциях и активках, а в тундре — нет... Олениводы уходят оттуда, куда приходим мы. Лет пятнадцать назад еще был контакт: они давали нам рыбу, оленину, мы им — дрова, тогда мы для тундры были еще «не вредны». Часто приходится слышать жалобы на то, что браконьеры отстреливают под видом диких оленей совхозных животных. На Ямбурге я сам видел, как молодые парни гонялись за оленями. Какая нужда в этом? Оленину и сейчас можно получить: совхоз планирует мясо для тех, кто работает в промышленности Севера. Или убьют оленя и возьмут только рога на панты... Это, я считаю, просто разбой. Местное население всегда относилось к природе бережно: если пошла рыба — ненец уже утку стрелять не будет. Ни за что ненец не убьет оленя, потому что ему понадобится голова...

В. А. КОШЕЛЕВ: В тундре нам уже не разойтись и очень плохо мы, бывает, встречаемся... Нынче опять было несколько случаев, когда в бригадах на выпасах забирали вещи. Олениводы оставляют скарб на кочевьях — многовековой опыт касланья приучил их не брать летом того, что понадобится зимой, и наоборот. Они возвращаются со стадами на пастбище, а там... нарты разграблены, кисы, ягушки утащены. Даже нюки (покрышка чума) уносятся... Кто? Зачем? Попробуй-ка возвращаться за всем этим в поселок за многие десятки километров... Почему мы не едем на Ямбург, нам там многое нравится — взяли бы и увезли балок у них... Я не говорю о бригаде Прудаева, в наших местах сейчас много всякого народа, разных партий и экспедиций.

КОРР.: Разговор не личный, и не все нефтяники — браконьеры и воры. Но те немногие, что хотят поживиться, урвать на Севере «свой кусок», приносят вред — материальный и моральный. Тундра велика, но и человек в ней не один: трудно поверить, что никто больше не видел ни панты, ни туши, ни ягушки с кисами... Как сделать, чтобы подобные поступки получали самое резкое осуждение в рабочих коллективах?

В. А. КОШЕЛЕВ: Я много раз выступал на пленумах, просил объяснить людям: раз они попали в национальный край — надо считаться с традиционным образом жизни олениводов. Воспитательной работы здесь недостаточно. Недавно на пастбище подъехал «Буран» — убили двух быков и уехали. Что мы можем сделать с водителями «Буранов» — своих вездеходов в совхозе нет...

Б. Н. ПРУДАЕВ: Вряд ли стоит взывать к совести в таких случаях. Примеры маленькие, но очень большие, затрагивающие самые основы образа жизни местного населения. В подобных случаях я признаю только закон, власть. У браконьеров есть имя, каждый из них работает в определенной организации — надо призывать к ответу, хотя бы рублем. Раз-два заплатит, на третий подумает — стоит ли...

КОРР.: Вы оба ссылаетесь на то, что надо считаться с местным образом жизни. Изменение образа жизни — это не только человеческий фактор, это — ломка многих представлений и понятий, существенные перемены в ведении традиционных промыслов, нарушение баланса в установленной тысячелетиями связи человека с природой. Что здесь является главной проблемой?

В. А. КОШЕЛЕВ: Нефтяники любят говорить, что они работают в экстремальных условиях. Но в экстремальные условия они поставили и нас, олениводов. С 1972 года треть наших пастбищ вышла из обращения. Много пастбищ отторгнут еще шесть ниток газопровода. Приходится перемещать стада, искать новые места, строить промежуточные базы, а значит, и склады, забойные пункты, корали, и вслед за ними — пекарни, бани, заботиться о кино для олениводов...

Недавно увели седьмое стадо из Ныды, где обосновалась компрессорная станция — перевели оленей в Ярудей; сложно стало в Нори — там стоит сейсмопартия... Сейчас обосновываемся за Ямбургом, но через три-четыре года придется и оттуда уйти. Изменили маршрут

МЫ В СИБИРИ ДОЛЖНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ, КАК ПОДЛИННЫЕ ХОЗЯЕВА, ДОЛЖНЫ ЗАБОТИТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО О СИЮМИНУТНОЙ ВЫГОДЕ, НО И О ТОМ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ БОГАТСТВО И КРАСОТУ СИБИРСКОЙ ЗЕМЛИ ДЛЯ ГРЯДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ.

Из выступления М. С. ГОРБАЧЕВА на партийно-хозяйственном активе
Тюменской и Томской областей 6 сентября 1985 года

у второго стада — на всем протяжении касланья встал газопровод. Мы приспособляемся... А это сказывается на оленях. Из тундровой зоны перебрали в лесную — показатели сразу упали: даже рога животные не отрастили, не говоря о привесе. Ягель и зелень оленям привычны, к мхам их нужно еще приучить...

Пастбища уничтожаются катастрофически. При правильном использовании они могли бы эксплуатироваться десятки и сотни лет. По-хорошему бы, их надо, как пашню, оставить на год-два отдохнуть, но какое там... По-хорошему бы, надо зимой уходить с оленями на юг, а летом — на север. Вместо этого уводим стада на юг или на восток... Традиционные маршруты касланья превращаются в беспорядочное движение.

Меняется и сам процесс пастбы. Испокон веков оленеводы пасли «с рук» — отпускали и собирали стадо. Теперь, чтобы «не бегать» по тундре и дать оленям самим найти корм, ввели полувольный выпас: отпускаем их на месяц-полтора, а чтобы не разбежались, выбираем на пути речки или ставим изгородь (до 30 километров сгораживаем столбами с четырьмя рядами доски-тонкомера).

Существование с промышленностью становится тяжелым. Там, где стояли буровые, вырастает кустарник, травы — только не ягель. Новую тропу искать все сложнее — везле люди, транспорт.

Б. Н. ПРУДАЕВ: Да, тому я сам свидетель и виновник. Исчезло знаменитое Ягельное пастбище, где кормились олени с Тазовского полуострова, с Нура, даже с Таймыра приходили... На Ягельном стоит сейчас город Новый Уренгой. Есть проблемы объективные. Есть те, которые зависят от нас. Лет шестнадцать назад мы бурили на севомане — Медвежье, Песцовое, Юбилейное месторождения. Вернулись туда снова, а там — пустыня... Где буровая была — выжженное пятно. Где проторены колеи тракторные — глубокие овраги. Где глухаря было видно-невидимо — один кочет на всю округу... Наш старший дизелист Манков строго следил, чтобы хоть его-то никто не стрелял. Вреда тундре принесено много. Пом-

но, мы базировались в Новом Порту, и рядом с нами сизкойно жили два выводка уток — не улетали. Песец поселился в котельной, брал еду из рук, а еще четверо его собратьев ходили кормиться на помойку. На 81-й буровой лебедь кормился, правда, не из рук, но подходил близко. Значит, не шум буровой отпугивает зверье, а что-то другое. Техника, транспорт ранят почву, изменяют ландшафт, вносят дисбаланс в равновесие природы.

Мы стараемся исправить положение. По обе стороны нашего поселка Нумги, на берегу Обской губы, была свалка длиной на километр... За два года экспедиция вывезла водой 2000 тонн металлолома, 2500 тонн труб. Сейчас по всему нефтяному Заполярию начали работать рекультивационные бригады, которые приводят в порядок буровые площадки. Сдавать их в прежнем виде уже нельзя. Я бы вообще вернулся к старому порядку монтажа буровой, когда до забурки готовился котлован для отработанного раствора и отходов, делалась обваловка. Не надо спешить, надо все готовить по-хозяйски. И по окончании бурения — подчистить все так, будто ничего и не было.

КОРР.: Возврат на старые пастбища невозможен. А в чем состоит препятствие на традиционных маршрутах кочевий?

В. А. КОШЕЛЕВ: Со старых троп уходим потому, что перекрываются переходы для стад. На Ямбурге, например, ведут поверху водовод — перехода никто не предусматривал... Оленеводам приходится делать крюк в 40—50 километров, а переход-то надо было оставить всего в сто метров...

КОРР.: Валерий Александрович, разве трассы не согласуются с местными органами? Разве сто метров нельзя было учесть?.. Вот ваше разведочное бурение, Борис Николаевич, настолько ли щепетильно, что и ста метров нельзя уступить?

Б. Н. ПРУДАЕВ: Если бы буровикам-разведчикам сказали уступить километр или два — мы бы отошли. Сельские Советы, я считаю, должны быть не только поставлены в известность, но и наделены полномочиями конт-

МЫ — ДЕТИ ТВОИ, СЕВЕР!

Анна ПЕРРАГИ, писательница, автор повестей «Анко из рода Ного», «Илыр», «Белый ягель»

Верность земле тундры надо сохранить, верность огню, верность природе.

В крови каждого тундровика генетически заложено: он не может осквернить землю. Все, что он берет у природы, он спрашивает у «богов» — у леса, реки, тундры, озера. Наверное, звучит как предрассудок?.. Но когда наши нынешние соседи-трассовики, буровики без всякой нужды выворачивают столетние лиственницы, коречат землю, спускают бензин в воду — каких богов они спрашивают? Себя ли они спрашивают? Ненец, конечно, не бога спрашивает — душу свою.

У нас есть святыне озера и реки, где никто не имеет права ловить рыбу. Это заповедные озера. Хорошо, что мы называем их красивым русским словом — святыне,

оно отражает святость нашего отношения к природе Севера.

Конечно, Север скуднее, чем пышный юг, но он щедр — он дает все для жизни. Ненцы привыкли обходиться малым, не брать лишнего. Мы, в наших полярных холодах, знаем цену теплу, но наш друг-костер всегда экономен. Так должно быть повсюду. Только жар щедрости нашей может быть безмерен.

Я бы отметила еще один обычай. Ненецкая женщина не противоречит мужу, и это вовсе не патриархальный пережиток. Законами тундры женщине отведен свой круг занятий, там она хозяйка и властительница. Мужчина не будет вмешиваться в женские дела, а женщина не должна совать нос в мужские. Эта традиция освящена веками.

У нас свой этикет. Ненец не будет сопровождать женщину по-европейски, идя за ней, — он пойдет впереди, чтобы принять на себя любой удар и любую неожиданность. Ненецкая женщина знает, что мужчина мудр и силен. А мужчина знает, что женщина надеется на него, и это делает его сильным и мудрым. Мне непри-

роля на своих угодьях: прокладывается трасса или дорога — чтобы ни шагу в сторону, чтобы не ездили по всей тундре.

В. А. КОШЕЛЕВ: Дело в том, что горисполком нас не ставит в известность о переменах в тундре, а ставит перед фактом. И получается, что мы приводим стада в места, где предполагали хороший корм и спокойную пастбу, а там — люди, стройка, шум... Промышленность надо немного повернуть к нам лицом и наши заботы учесть. Предупредите, что там-то ставят газопромысловую установку, а там-то тянут трассу... Нам тоже надо быть готовыми к переменам — рассчитать маршруты, сохранить стада.

КОРР.: Вы говорите: «повернуть промышленность лицом к оленеводам». При интенсивном освоении Севера, обилии техники можете ли вы сказать, что и вам кое-что «переналю»? Хотя один списанный вездеход дала какая-нибудь экспедиция?

В. А. КОШЕЛЕВ: Лучше вдрызг разобьют, чем отдадут... На Медвежьем месторождении километров на десять все окрест завалено металлоломом. Государство очень много дает нефтяникам, вкладывает миллионы в освоение Севера. Почему бы нефтяникам не помочь немного и нам? Построить кораль или изгородь, промежуточную базу для пастухов, отдать списанную машину. В новых условиях без транспорта оленеводам никак нельзя. Наверно, нужно и средств добавить, и вертолет один совхозу выделить. Нефть и газ — дело великое. Так ведь и мы не лыком шиты!.. Продукция совхоза поставляется на экспорт в Скандинавию, в Японию, в Канаду... И пушнина также стране нужна, и рыба. Получается какое-то неравноправие. Мы ведь не сами по себе меняем образ жизни, так диктуют обстоятельства — так помогите и нам.

КОРР.: Как обстоит дело с рыбой, с пушным зверем? Не будет ли со временем так, что зверь уйдет из этих мест; нет ли смысла уже сейчас продумать строительство звероферм, чтобы компенсировать возможный убыток?

В. А. КОШЕЛЕВ: Рыба уже ушла. Сотнями тонн ловилась в Ныде корюшка, ерш, чебак... В этом году на зимнем лове в Обской губе три звена совхозных рыбаков ничего не взяли, даже ерша нет. Вместо рыбы в Обской губе — мазут, солярка, нефть... Рыбный промысел иссякает, потомственных рыбаков уже нечем занять.

По пушнине мы план пока выполняем — и по клеточной, и по полевой. Но угроза для белого песца, горностая, белки может быть. И спасут их не зверофермы, а заповедники, заказники. Надо их на Севере делать, обязательно. И для диких оленей — тоже. Олени очень пугливы. Даже наши, совхозные, разбегаются, когда пролетит вертолет или пройдет вездеход; собирать стадо, в котором 1600 голов, — это представьте, что такое... А дикие олени совсем уходят. И наши, кстати, за ними убегают, и немало.

Б. Н. ПРУДАЕВ: На Ямсовейской площади пасутся десятки тысяч оленей, там уникальное пастбище — как не заповедное место?! Кто-то прочитал мои мысли — сделали Ямсовей заказником. Я как увидел в газете — очень обрадовался! На Ярудее бы надо, на Полуе их сделать. Попытаться сохранить какие-то большие участки.

В. А. КОШЕЛЕВ: Существованию северного оленя слишком многое грозит. Ведь даже комары могут съесть заживо телят... Но тут еще можно пастуха уследить. Против вертолета, пожалуй, ничего не сделаешь — будут разбегаться. С волками, которых развелось много, тоже можно справиться, и опять нужен «Буран», чтобы нагнать по следу. В последние годы появилась еще одна непредвиденная беда, и ее принес только человек, его легкомыслие.

В каждой сейсморти, на каждой буровой держат по пятнадцать собак. Люди уходят — собаки остаются в тундре, собираются в стаи, нападают на оленей. Это настоящее бедствие, особенно когда идет отел: молодые самки могут убежать и вовсе не возвратиться... Собаки эти хуже волков. Тех хоть напугать можно, а собака убежит и вернется: сядет и сидит торчком в тундре... Как объяснить нефтяникам, трассовикам, прочим «осваи-

ятно читать в «Литературной газете» о феминизированных мужчинах — такими, слабыми и безвольными, делают их женщины, которые не понимают своей природной сути.

Моя родня — вся тундра. Ненец не отказывал в гостеприимстве даже своему врагу, если тот попал в беду, заблудился.

Моя фамилия происходит от хантыйского слова «нерка» — ива. Значит, мои предки были хантами, но сейчас мы живем по ненецким обычаям, давно считаем себя ненцами. Значит, родители мои — и ханты, и ненцы, и все тундровики. В тундре народа мало, поэтому здесь ценен каждый, и мы все — большая северная родня.

Что касается моих близких родственников: отец, старший Себеруй, — прекрасный сказитель, сестра Зина работает учительницей, брат Тадоку — охотник, младший брат Саворка пошел служить в Советскую Армию. Обычная советская семья.

Я сама провела десять лет в интернате. Уехала из маминого чума, из отцовского стойбища несмышленной

девочкой, вернулась сложившимся человеком. Я хорошо помню своих учителей, благодарна им. Но я слабо помню маму. А ненки, как все матери земли, очень любят своих детей. Как маме было трудно без меня! Как всем тундровым мамам тяжело отправлять любимых детей на долгие десять интернатских лет! Забывается язык. Народ, потерявший язык, перестает быть народом...

Ребенок много приобретает в школе. Но не больше ли он теряет, находясь вдали от семьи? Семья — родовый корень человека. К сожалению, самый совершенный интернат не сможет научить любви к родному народу, его обычаям, традициям. Как ни печально, обучая грамоте, мы вынужденно рубим корни связи с родным народом. А обществу нужен самобытный человек, за плечами которого — история целого народа.

Честно говоря, я не знаю, как улучшить, сделать совершеннее обучение юных тундровиков. Учит, безусловно, надо. Но так, как поставлено образование сейчас, — это не вполне естественно. Если выбирать: грамотный или патриот Севера — выберу патриота. Но лучше, когда это едино — грамотный, влюбленный в свое дело, преданный тундре человек.

вателям», что их забава переходит в серьезную угрозу? Собаки задирают, разгоняют оленей, а мы потом их сотнями недобираем. Ну, не жалко оленей — пожалели бы собак: долго эти стаи в наших климатических условиях не выживут, «добродушные» любители собак сами обрекают их на гибель в тундре...

Б. Н. ПРУДАЕВ: На Севере собаки были или ездовые, или для охоты — охранять ничего не надо было. Сейчас понадобилось? От кого? От себя, что ли?..

А вообще-то на Севере много и сознательных людей — настоящих, хороших, разумных. Знаю Женю Степанова — тракторист, коренной ленинградец, он сейчас работает в Надыме. Внутренняя культура диктует ему не наносить земле, на которой он живет, ни малейшего вреда: в буквальном смысле на куст не поедет, в речку без нужды не полезет. Такому человеку ни лекции, ни проповеди не нужны — он сам все предусматривает.

В. А. КОШЕЛЕВ: Сознательность нужна и в великом, и в малом. Много вызывает искреннюю озабоченность у коренных жителей. Север завтрашний нас очень волнует. Здесь много алогичного, непредсказуемого и впрямь экстремального. На вахтовом методе, например, держится экономика нефтяного края. Но мы, местные, по опыту знаем: самый большой вред наносят именно вахтовики — после них действительно хоть трава не расти... Какое-то потребительское отношение: все взять, все добыть, все разрушить... Неужели у себя дома, где-нибудь в Грузии или на Украине, они ведут себя так же? Или здесь чужая земля?!

В. Н. ПРУДАЕВ: Вахтовики — народ приезжий, верно. Не все они откровенные рвачи, хотя что таить... Вот рвачей я никогда не понимал. Сам приехал на Север лет тридцать пять назад. Пришел из армии, захотел одеться — и... до сих пор путного костюма нет. Не из-за денег — просто не до него стало. Сначала экзотика была: в Березове зашел в один дом; вытер ноги о коврик, а это оказался собачий хвост... Оленину до Севера не ел — здесь привык. К скважинам своим привыкнуть не смог: они все разные, каждая со своим характером, им имена хотелось давать... Как скважина пустая — обидя берет: зря вторглись, наверняка что-то нарушили в пластах — там, в глубине, тоже свое равновесие, своя экология... К наименованию нашего министерства геологии раньше добавлялось: «...и охраны недр». Об этом бы не забывать. Сколько лет нужно, чтобы восстановиться тундре — пятьдесят, сто?.. А нефть когда снова будет — через 50 миллионов лет?..

Мне эта земля дала все, я ей — очень мало. Наша профессия — разведка, наша продукция — информация о состоянии недр. Но я прожил жизнь на Севере и многое видел — и скажу так: землю эту надо сберечь, насколько можно. Нарушить легко, восстановить — тяжело и накладно. Поэтому проблема сохранения Севера — это не «ах-ах, как хорош» и не «ох-ох, как плохо», это — необходимость.

КОРР.: От геодезистов, лесорубов, газопроводчиков, линейщиков всякого ранга часто можно услышать: «Вот вернусь на Землю...» Заметьте, что даже опускают «Большую...», как много лет говаривали северяне и дальневосточники, всякий отдаленный люд. Просто — «на Землю». Как с другой планеты... Будто есть Земля, и отдаленно — Север...

Да нет, это одна и та же наша земля! И Север на ней один — другого нет и не будет, и хозяев у него других нет. От тех, кто работает там сегодня, зависит и каким будет его завтрашний день.

Ныда — Нумга

Беседу вела Н. ШИРОКОВА

Антонина
КЫМЫТВАЛЬ

ЧТО

Олень

Вот погодка стоит! Не устаешь дивиться. Вопросает каждым лучиком: «Что, хороша я?»

Словно радость у природы случилась большая, и не терпится ей с людьми поделиться...

На Пекульнеях дивное диво — нежданная и теплая эта ласка. Обычно здесь хмурится холодина, лютые морозы на кого-то злятся. Тучи летают вместе, то врозь; ветер, как недруг, толкает в грудь — хочет душу продуть насквозь, все на свете перетряхнуть.

А люди излучают тепло и свет: в наших краях невозможно иначе. Я думаю, таких не было и нет: здесь каждая встреча равна удаче. Человеку здесь чуждо зло, он даже хмуриться не умеет толком. Дурное подступило только — прогонит! — глядишь, потопталось, ушло...

Даже в дни (в кошмаре признаются такие), когда воет метель одичала сутками — не поспорится он с оленями чуткими и, сердясь, кэнунэн* в них не кинет.

Он спокойно навостряет сперва, головой покачает — что делается на свете! — и вновь поворачивает оленей на ветер и песню поет, вот ее слова:

Э-гей, снега много,
Э-гей, ветра много.
Наверно, здесь нынче
Никто не пройдет.
Ведь он же не знает,
Где лучше дорога,
И главное — кто
И где его ждет!

Вьюга с налету, с размаху бьет, налетает, не ведая жалости. Но куда в груди дыханье живет — и песня живет, продолжается...

Э-гей, где же стадо?
Да вот оно,
Гляди-ка, пасется
Спокойно на диво...

* Кэнунэн — посох пастуха.

Снова поучает солнце, весь мир из света соткан...

Когда вокруг от пурги темно,
Олени, как дети в беде,
Пугливы.
Совсем залепило глаза...
Э-ге-гей!
Словно злобные демоны
Злятся!
Будь мне помощником,
Вэнилэкэй*,
Вместе с тобою
Чего нам бояться?

Накормит олень и согреет в холод.
Если же вдруг случается, что олень от человека уходит, — вместе с оленем уходит счастье.

По оленям у нас о характере даже судят, о трудолюбии и лени. Не скажут: «Чудесный парень!», а скажут: «У этого могут держаться олени».

Пастбище скудно? От этой беды хозяин оленей голоден дважды. Если олени ищут воды, у хозяина горло сохнет от жажды. А если бык захромал, что ж тогда?.. Сжавшись от горя под низким небом, человек все силы вложит в удар — чтоб не слишком больно было оленю... Не напоказ его сожаленье. Порой без свидетелей он рыдает!..

Другу, стремительному оленю, чукча песни лучшие дарит.

Я с осени ежжу на этой паре,
Быстрым, как птица, я с ними стал.
Если бы завтра они пропали,
Может, и я бы тогда пропал...
Я ничего для них не жалею,
С ними мне радостен всякий труд.
Если в пути я вдруг заболею —
Олени домой меня привезут.
Мои олени — моя надежда:
Нарты к обрыву вдруг заскользят —
Встанут олени и нарты удержат...
Мне без оленей моих нельзя!

Олень носит голову, как люди в славе носят достойное имя. Олень человека в беде не оставит — у смерти самой отнимет. Чукчи зовут его дру-

* Вэнилэкэй — олень с колокольчиком; по старому поверью, он отпугивает зверей и злых духов.

гом, и стоит!.. Как он неутомим и стоек!

Дорога... Слово куда как просто.
А это — сугробы выше роста.
Южак — значит, слякоть и ветер с дождем. Хиус — северный ветер, безжалостный... Нашей метели зловецкие шалости... Или дорога — зеркальным льдом.

Но уж и холят оленя люди, и благодарны ему они; как мы оленей ласкаем и любим — знают ветер да тундра одни!

...У Пекульнеев упряжка несется. Такой погоды не бывало давно. Человечка с оленем увидело солнце — вот как радо! Сияет оно...

Перевод с чукотского
Рояльда Добровенского

Голоса войны

Война Чукотку обошла.
Солдаты Север заслонили.
Но похоронки в женщин били,
и стала мать, как снег, бела...
Отец и братья,
где ваш след,
не торбасов —
сапог солдатских?
Молчат надгробья кладбищ братских,
струя сквозь годы
скорбный свет...

И будят память нашу сны,
незримые свиданья с вами.
Тревожно мне,
и больно маме:
мы слышим голоса войны.
И пламя жирника ведет
к светильнику
в сырой землянке.
И топот стада
гулом танков
ночами стойбище трясет.

...А за ярангой во мхах,
где воздух ягодой пропах
и по росе трава тоскует,
пастух,
в мальчишеской отваге

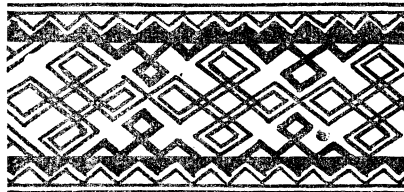
приняв, как зной
к прохладной влаге,
впервые дочь мою целует...

Перевод Михаила Эдидовича

О чем поет море

Беспокойна песня моря —
за волной волна спешит.
Что за тягость,
что за горе
в глубине его души?
Видно, чувствует угрозу,
знает — сила велика
злого, лютого мороза,
что пришел с материка.
Не находит море места,
и килящею волной
бьет с размаха в знак протеста
в белый берег ледяной.
С громким стоном,
с хрипом в глотке
по взлохмаченной воде
мечет маляньки лодки,
брызжет пеной на людей...
Злым, безжизненным, колючим
зреют тундры небеса...
Но уже надели чукчи
меховые торбаса.
А зима все наступает,
а мороз трещит, ретив...
И растет стена припая,
силу моря укротив.
Но оно под белым кровом
дышит, борется, живет!
Час придет —
и море снова
польным голосом поет.

Перевод Германа Иванова

АНКАЛИН С МЫСА ТУМАНОВ

Владимир КУРБАТОВ

Рисунок Е. Охотникова

Секретарь райкома приехал очень усталый. Его нарты были совсем расхлябаны, собаки сразу легли, дышали тяжело и безразлично.

— Голодные, — хрипло сказал Наум Пугачев*, твердо упершись торбасами в снег, словно боялся сесть и не подняться. — Третий день тянут голодные... У тебя есть корм, Николай?

— Э, Наум, плохо смотришь, — сказал Николай Аттувги-Танлэ. — Целый морж у тебя за спиной.

Пугачев трудно переступил и повернулся: на вешалах красно-белыми глыбами пластались куски моржатины.

Собаки грызли мясо, а Пугачев стоял и смотрел. «Совсем охотник, — одобрительно подумал Аттувги-Танлэ, — не о себе первом думает...»

Ужином гостя накормить не удалось. Когда мясо и лепешки были поставлены на низенький столик, Пугачев, тяжело привалившись к стенке чоттагина, крепко спал...

Утром в чоттагин пришли Арэ, Тынанькват, Чайвуургин, Вутыльхин — молодые охотники, друзья Николая. Пугачев ел, шутил и все почему-то говорил, что когда в пути человек не один — всегда легче, и в пургу не страшно, есть кому выручить.

— Какко!... — вздохнул хозяин. — С товарищем всегда лучше и на охоте. Кто спасет, когда поранишься? Или льдина оторвется?..

— Всегда нужно вместе охотиться: больше нерпы и моржа бить будете, песца ловить.

* Н. Ф. Пугачев — легендарная личность в истории советизации Западной Чукотки; первый секретарь созданного в 1933 году Чаунского райкома партии.

— Э-э, Наум... — раздумчиво обронил Арэ. — Мы с друзьями давно вместе, а другие? Разве одинаково все охотятся? У кого — большие байдары, у кого — маленькие... Кто большую байдару задаром даст?

— А вы соберитесь, кто беднее. Дадим в долг руль-моторы, охотничьи припасы, снаряжение... Товариществу мы дадим в долг многое!

Пугачева слушали изумленно и недоверчиво. Руль-моторы — большое богатство для охотника на морского зверя, как можно давать в долг?! Однако никто еще не слышал, чтобы Наум обманывал...

Недели и месяцы пролетели. Таких событий еще не бывало в поселке зверобоев. Фактория принимала шкурки песца и отпускала за них столько товаров, что люди устали удивляться и радоваться. Винтовки, патроны, капканы — что еще нужно охотнику для удачного промысла? Продукты, одежда, хозяйственная утварь... Разве не в этом нуждались чукотские женщины, мечтая о достатке и радости в доме?

Товарищество имени Стаханова набирало силы. Одна за другой появились на стеллажах две средних, несколько малых, а затем и большая байдары; мягко отсвечивая желтой моржовой шкурой, ждали, когда вскрыется море. А перед самым летом зверобой бережно протирали и оглаживали новенький руль-мотор, привезенный их молодым председателем Николаем Аттувги-Танлэ из райцентра.

Мужчины уходили во льды и всегда возвращались с добычей, в домах не переводились жир и нежное мясо нерпы.

Случалось выбраться на промысел и Николаю, но редко. Казалось ему, суматошными у него были не толь-

ко дни, но и ночи. Дел будто не убывало, и ко многим из них он не знал, как подступиться.

— Не умею,— жаловался он друзьям при встрече.— Пусть другой будет председателем.

Друзья удивлялись:

— Почему не умеешь?! Байдары построили? Руль-моторы есть? Люди довольны. Почему не умеешь?

— Женщины говорят: трехгранных пголок нет, свечей мало, материала на камлейки нет... э-э! Полозьев для нарт нет... Маленьких капканов на песца мало... Не умею торгового человека заставить привезти! Пусть другой будет председателем...

— Говоришь много и плохо! — рассердился однажды Вутыльхин и с досадой повторил: — Иголки, свечи... Раньше мяса не хватало, патронов — теперь есть. Люди рады! Всем спасибо, тебе первому. Значит, умеешь!

...В немереных километрах охотничьих троп и в долгих ожиданиях нерпы у разводий думалось легко и спокойно. О жене: беспечная стала Анна за последние годы... О чем беспокоиться женщине, когда в доме всегда есть пища? Мужчины тоже стали немного несерьезные, почти каждый вечер стараются пойти в клуб. Наверное, это хорошо, когда не нужно каждый день думать о еде. Пожалуй, и сам Николай тоже стал такой, веселый и беспечный... Но почему иногда боится чего-то? Боится, что уйдет куда-то новая жизнь, что люди опять станут хмурыми и уставшими? Старики говорят, что знавшее нужду и горе сердце видит далеко...

Не зря так беспокоилось его сердце.

Лодка появилась в море где-то в середине дня. Хорошо было видно, что это маленькая байдара, то и дело теряющаяся между льдами. «Опасно,— подумал Николай,— задавить может. Зачем плывет?..» Но лодка, умело лавируя по разводьям, приближалась.

Молодой охотник с острова Айон не пошел пить чай в ярангу, тяжело опустился на галечный берег:

— Был в Певеке. Просили вернуть к вам... Плохо. Война!

Его не поняли: какая война? Со всеми соседями живем дружно...

— Война,— повторил гость и закурил трубку.— Там, далеко... Где Москва, еще дальше. Напали фашисты,— сказал он по слогам. Еще рассказал, что люди в Певеке очень рассердились, часто собираются вместе и ругают фашистов. Мужчины собирают вещи и будут уезжать на войну. Приедет представитель — еще скажет,— закончил гость.

Представитель райкома пришел через три дня, показал маленькую красную книжечку и попросил позвать всех. О войне говорил, как о тяжелой работе. Это было понятно привыкшим к повседневному нелегкому и опасному труду охотникам.

— Мы не привыкли убивать людей,— выступил Арэ.— Но многие анкалины хорошо стреляют из винчестера и карабина. Они смогут стрелять из винтовок...

— Верим,— ответил гость.— Но анкалины нужны здесь. Нужно больше мяса, больше песцовых шкурок... На шкурки мы купим оружие, машины, продукты... Поэтому для вас здесь фронт...

Лето выдалось плохое. Все чаще бушевали короткие,

по жестоким шторма, вблизи берегов бродили льды, они то и дело закупоривали горло губы, не давали выйти в открытое море. Моржи и нерпа скапливались на той стороне ледяных полей, добыть их было трудно.

Задувал «южак», он отгонял льды. Но в такие дни мало кто решался выйти в открытое море. «Южак» — самый опасный из штормовых ветров. Знали анкалины: если уносит на север — редко удается охотнику вернуться обратно...

И все-таки они сделали три плана за сезон, вместо одного... А зимой сдали на торгово-заготовительный пункт много песца. Один Николай упрямо говорил себе: «Мало!» — и уносил все дальше дополнительные капканы. Линии его ловушек уходили так далеко, что два-три дня требовалось добираться — снять зверька, выложить новую приманку...

Четвертый раз за войну побежали с сопок снеговые ручьи. А война все гремела и гремела. Но уже не на нашей земле. После охоты люди надолго прикипали к радиоприемникам...

Годы текли, и каждый из них оставлял свою память в поселке зверобоев. Давно забыли здесь о ярангах — стояли дома. Баня, электростанция, новый клуб, школа — каждый мог сказать, в каком году они появились на косе. Тесно стало между скалами и морем — и началось строительство нового села в веселой и широкой долине. В древнем поселении зверобоев осталось всего несколько семей. Остался и Аттувги-Танлэ.

Казалось, все молодеет вокруг — люди, село... Только Николаю Филипповичу годы прибавляли опыт, умение — но не молодость. Сил у него пока хватало, и он еще слыл лучшим охотником.

Но наступило время, когда стало ясно: годы не обгоняешь... В один из сезонов молодой охотник Василий Кевкей добыл больше песца; а следующим летом настреляли больше нерпы и моржа Федор Енлэплатт и Виктор Певранто, затем Слава Гувтын... При встречах ребята смущенно отводили глаза. А Николай Филиппович тихоноко посмеивался в реденькую бородку:

— Хорошие ребята... Переживают, что я обижаюсь. Я не обижаюсь — радуюсь!

На пенсию его провожали торжественно и тепло, всем совхозом, в становление которого были вложены его силы, жизнь. За все прожитые годы он не слышал столько хороших слов о себе...

А потом все пошло, как было заведено. Вскрылось море — он на берегу с сетями, ждет рыбу или с карабином высматривает осторожную нерпу; упал снег — он настораживает капканы на песца. Не отпустило старого охотника любимое дело.

...Незаметно до кончины Николая Филипповича я еще раз побывал в гостях у него. Он показывал свои ордена, грамоты. Первая из них подписана еще Папаниным, начальником Главсевморпути... Грамот было много, они занимали целую стену в комнате нового дома. Они по-своему раскрывали годы и целую жизнь. Они не рассказывали о горестях, сомнениях, неудачах — в них было только хорошее.

Ну, что ж, грамоты... Не каждый их видел, эти его грамоты. Но каждый знает или слышал об известном всей Чукотке старом охотнике Аттувги-Танлэ...

СЕВЕР,
КАК ОН ЕСТЬ

К БОГАТСТВУ ДОБАВИТЬ БОГАТСТВО, А НЕ ОТНЯТЬ!

Василий Тихонович ПОДШИБЯКИН,
генеральный директор объединения
«Ямалнефтегазгеология»,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

Юрий Филиппович РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
директор Салехардского научно-исследовательского стационара
Уральского научного центра Академии наук СССР,
кандидат биологических наук

КОРР.: Василий Тихонович, Юрий Филиппович, давайте начнем с вопроса, который касается буквально каждого северянина. Что делается с водой на Ямале? Салехард живет на берегу притока Оби, а воду в домах жители получают по очереди; в Лабытнанги пользуются водозовкой; на Ямбурге рабочие жалуются, что руки нечем помыть... У воды — и без воды?.. Что происходит?

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Наш гидролог только что приехал с Ямбурга — читал лекции. Как всегда, его с недоумением спрашивали: «Ну, заехал трактор в Обскую губу — как это повлияет?..» И как всегда, приходилось объяснять, что кабы он один въехал и пятно оставил... Что один грамм нефтепродуктов загрязняет 10 кубометров воды. Что по древнеславянским законам человек, умышленно осквернивший воду, получал сто ударов плетью, в XVI веке это наказание было заменено острогом... Что тот, кто залез с трактором в воду, — сам будет употреблять ее!

Вот маленькая модель того, что происходит в крупном. Загрязнение воды на Севере — результат многолетней деятельности человека. Реки исчезают, засоряются. Загрязняются реки первой категории — Конда, Собь... Конду загубил сплав — топляк, пл, заморы. Собь ждет та же участь, а эта нерестовая река оценивается в восемь миллионов рублей — великий ущерб.

У северных рек самоочищение бактериями, которые могут разлагать и нефтепродукты, очень малое: бактерии лучше себя чувствуют при плюс 20, чем при минус двух градусах... До интенсивного освоения реки справлялись сами, даже в условиях загрязнения большими городами. Но природа может сопротивляться до определенной грани — дальше начинается необратимость. В водах северных рек концентрация нефтепродуктов выше допустимой нормы: гибнет планктон, рыба рождается с аномалиями — искривлен позвоночник, поражены печень, селезенка, рыба слепнет от нефти.

В Обской губе нефтяной шлейф тянется на многие километры, рыба буквально выпрыгивает из воды... Муксун уже вообще не идет в губу, разбегается по рекам. А Обская губа — самые большие рыбные «ясли»... Человек уже навредил себе и продолжает вредить. Гыданская нефтеразведочная экспедиция не столь давно при перекатке в танкера сбросила в губу пять тонн нефтепродуктов. Сбросом неочищенных сточных вод от объектов Харасавэя и Карской экспедиции в воды Карского моря на-

несен ущерб в 24 000 рублей. В Собн гидропорт брал гравий — изменили русло... Так что же мы удивляемся, что у нас нет чистой воды? Природа дает нам урок!..

В. Т. ПОДШИБЯКИН: В окрестностях Салехарда река Полуя загрязнена многолетними отходами рыбозавода, сточными водами самого города. Строить очистные сооружения — дело очень дорогое и не каждому городу под силу... Сейчас наше объединение взяло на себя эту великую заботу — провести водовод с Полуя и канализацию в Салехарде, построить очистные сооружения. Нашли средства, лет в пять управимся.

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: В Салехарде, кстати, даже в артезианской скважине обнаружены нефтепродукты — откуда?! А озеро рядом, там машины моют. Это на такой глубине!.. Очистные сооружения решат проблему, но и от каждого северянина зависит дальнейшая судьба водоемов — и от руководителя, который должен быть сегодня экологически грамотным, и от тракториста, который считает: «Ну, что из того, что въехал в губу...»

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Дальше от берегов переносятся и нефтебазы; конечно, нефть может и через грунт попасть, и все-таки опасность загрязнения меньше.

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Воздействие промышленного «пресса» надо ослаблять где только возможно. К чести всех генеральных директоров надо сказать, что они озабочены состоянием природы на Крайнем Севере и пытаются принимать меры, чтобы освоение не было столь губительным. Но сама жизнь, «нефтецентризм», как назвала газета «Советская Россия», дают примеры невосполнимого ущерба. В Заполярье, где природа очень ранима и трудно восстанавливается, влияние мощного антропогенного, пресса, особенно сказывается.

КОРР.: Водитель не сворачивает в сторону, едет через речку — у него план; объединение это не заботит — у него тоже план... Наверное, если бы давалась отчетность, вместе с тоннами, километрами, кубометрами, и такая: объем отравленных водоемов, гектары, погибшие под гусеницами и ножами бульдозеров, сколько загублено леса, рыбы, сколько голов оленя, лесного зверя обречено, — не каждый руководитель выглядел бы героем?.. Несут ли ответственность в таком случае?

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Наказывают, штрафуют. Но штраф за уничтоженный или сожженный лес этот лес не восстановит... Что можно сделать? Усилить контроль: положено 6 га на площадку для буровой — лишнего не

прихватывая; полагается 50 метров в ту и другую сторону для прокладки трубы — не превышай в полтора-два раза.

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Берега многих рек на Севере засорены лесом, а гниет он долго — процессы гниения здесь замедлены. Заиливаются берега. А лес-то был годным, был деловой древесиной — если не на стройку, так на штакетник, на дощечку тарную, на дрова население пусть разберет хотя бы. Кладбища леса... А мы валим все новый и новый... Северные леса невысокопроизводительны, но они — прекрасная защита против проникновения вечной мерзлоты на юг: когда-нибудь мы так же, как с водой, удивимся, когда лишимся хороших угодий на юге... И насколько не свяжем одно с другим!

В 1976 году в Тюменской области было объявлено, что она обеспечит себя рыбой. Как мы неосторожно иногда бросаемся лозунгами!.. Тобольский и Ханты-Мансийский рыбозаводы рьяно стали откликаться на призы: брали икру, инкубировали в озерах и вместо больших щекуров, которые естественным путем дали бы огромную выгоду, малехоньких рыбешек отправляли в консервы... Таких руководителей я бы отдавал под суд! Богатый у нас край, и много он даст, но зачем же вредить ему и портить намеренно?

КОРР.: Мы берем два богатства у Севера: изнутри и снаружи, нефть и наземные природные ресурсы. Думаю, что следует добавить вот что. Не надо спекулировать словом «ускорение» и все оправдывать им; если где-то можно в объезд — надо объехать или сделать работу днем позже, но сделать качественно, не причиняя вреда окружающей среде.

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Летом я был на Полярном Ямале. Ни одной ложбинки нет без гусеничного следа... В горных условиях это особенно ужасно: верхний слой там минимальный, он размывается до материнской породы. Если не сохранить горные ландшафты, особенно лесочки по берегам и в истоках рек, — мы нарушим водный баланс огромного бассейна. Я не ожидал такого увидеть, ведь там еще ничего и не начиналось по-настоящему.

КОРР.: Василий Тихонович, к вам вопрос. Геолог — профессия традиционно «экологическая». Геолог в маршруте бережлив ко всему окружающему миру, поскольку сам находится в постоянной зависимости от природы. Наверное, в наши дни это представление изменилось?

В. Т. ПОДШИБЯКИН: На разведке твердых ископаемых геолог еще остается традиционным. При поиске жидких полезных ископаемых применяется тяжелое оборудование, не геологи в этом виноваты. Техника — от нее никуда не денешься. Чтобы перевезти буровую в 500 тонн, нужны тягачи.

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Техника становится ближе тундры. Все эти «Татры», «Магирусы», «Уралы»,

«Кразы», «Кировцы», гиганты-бульдозеры, исполинские автокраны — их полчища... Но колесная машина может до девяти раз пройти по собственному следу и не уничтожит верхний слой почвы. Гусеницы убивают с первого раза: остается колея, как широкая рваная рана, потом образуется канава с водой, и наконец — глубокий, до шести метров, овраг. Раны от гусениц сопровождаются эрозией, оттаиванием вечной мерзлоты, оползнями...

КОРР.: Очень много писалось и говорилось об «экологически чистых» видах транспорта. Вертолет дорог, самолет — тоже, и ему нужен аэродром, аэросани не возмут много груза... Хороши были собачьи и олени упряжки — и овраг учуют, не то что вездеход! Но хороши для одного человека, а для отрасли с ее объемом работ — куда им... А где суда-амфибии, полимараны, машины на воздушной подушке «Сибкомплектмонтажа»? Где они, эти проекты, серийные выпуски? Блоки-секции, блоки-боксы делают за тысячи километров, доставляют по рекам, ждут зимы, чтобы везти дальше санно-тракторными поездами. Медленно, хлопотно, дорого... Может, дешевле был бы дирижабль...

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Я что-то не слышал ни об одной проектной организации, работающей по дирижаблям. Уж не на общественных ли или любительских началах вы хотите строить его?! А ледокол «Арктика» почему не строился на общественных началах? К сожалению, при всех многочисленных проектах и моделях, уникальный вид транспорта для Севера еще не создан, и любительством здесь не обойтись. Пока гусеничная техника остается самым мощным видом и незаменимым.

КОРР.: Какие в таком случае природоохранные меры подсказывает сам опыт освоения?

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Опытные северяне все погрузки и разгрузки большой тяжести стараются отнести на зиму. На Ямале настолько длинная зима, что можно управиться по зимникам. Мы по своему объединению в прошлом году вывезли 5400 тонн.

Главная беда тундры — не транспорт, а дороги. Дороги нужны линейщикам, тянущим ЛЭПы, газовикам, железнодорожникам, трубопроводчикам, буровикам, целой орде изыскателей — буквально всем. Это самая первая и острая проблема. Прежде чем поставить буровую, надо проложить бетонку, отсыпать площадку, а не подбираться к точке, с какой стороны бог на душу положит. Беспорядочное, хаотичное движение техники в тундре надо прекратить. При кустовом методе бурения бетонка тем более нужна. А мы, бывает, сперва город выстроим, а потом уже дорогу... Столько лет осваиваем, а все по-партизански действуем. Дороги — это проблема.

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Конечно, дороги нужны. Ведь посмотришь на тундру с вертолета — больно становится... Ни одного живого места! Я приведу еще такие данные. Один сантиметр гумуса, органической подстил-

РАЗВИВАТЬ КОМБИНИРОВАННЫЕ ПРОИЗВОДСТВА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ПОЛНОЕ И КОМПЛЕКСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ. СЫРЬЯ И МАТЕРИАЛОВ, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ИЛИ СУЩЕСТВЕННО СНИЖАЮЩИЕ ВРЕДНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ... ПРОДОЛЖИТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КОМПЛЕКСА МЕР ПО ОХРАНЕ ВОДОЕМОВ АРКТИЧЕСКОГО БАССЕЙНА... ПО УЛУЧШЕНИЮ СОСТОЯНИЯ МАЛЫХ РЕК И ВОДОХРАНИЛИЩ. ПОВЫСИТЬ ДЕЙСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА СОСТОЯНИЕМ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ И ИСТОЧНИКАМИ ЗАГРЯЗНЕНИЯ... СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛОМ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В СТРАНЕ.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года

ки самого верхнего слоя почвы, восстанавливается сотни лет, а под гусеницами уничтожается слой не в один сантиметр — в 30—40 сантиметров! Представляете, что мы творим?! И все это уже видели и знаем: опыт Нижневартовска, Уренгоя чему-то должен учить.

КОРР.: Опыт учит многому. Огромные деньги выделяет государство на освоение Севера, в том числе и на природоохранные мероприятия. И примеры хозяйского, умного подхода есть. Ваши эксперименты, Василий Тихонович, с утилизацией буровых растворов по методу «Краснодарнефти», со степенной очистки в сто процентов... В тресте «Уренгойгеолстрой» внедрили лесодробильную машину, которая перерабатывает все отходы — тоже частично проблема загрязнения почвы решается. На Вынгапуре под Ноябрьском третий год работает установка термического сжигания промышленных стоков. На Ямбург ныне строят дорогу — не зимник, а настоящую, с бетонным покрытием...

Сейчас заговорили о рекультивации. Как у вас, в «Ямалнефтегазгеологии», обстоит дело? Правду ли говорят, что вы, Василий Тихонович, на Совете попросили буровиков: «Подберите, ребятки, за собой», и они пять часов подметали тундру?..

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Ну, в ангелы мы не годимся. Без шутки и реально — что делается: мы ведем поисково-разведочные работы на землях оленеводов и рыбозаводов. Землю у них арендуем, то есть берем в долг. Должны вернуть эту землю в более или менее чистом виде: убрать металлолом, очистить замазанные места. В объединении созданы 6 рекультивационных бригад, которые приводят в порядок площадки после того как отбурились. При плане 225 гектаров мы уже вернули земли 275 гектаров. На буровых устанавливаем поддоны для горячих и смазочных емкостей, шламовые амбары, следим, чтобы химреагенты хранились в герметичной таре. Из тридцати буровых установок шесть переведено на электропривод. Со старых скважин за две зимы вывезено 10 000 тонн груза. Металла в тундре больше не оставляем. За все работы вне зоны отвода земли, самовольную разработку карьеров, незапланированные рубки леса будем спрашивать по самому строгому счету с руководителей всех звеньев. Мы — в ответе за землю, которая остается после нас. Что можем — делаем. Надо будет травой засеять — засеем.

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Клумбу из тундры делать необязательно, но помочь ей восстановить естественную планировку необходимо — остальное природа сама исправит.

КОРР.: Рекультивация — это техническое восстановление. А биологическое восстановление возможно, Юрий Филиппович? Восстановление пастбищ, например?

Ю. В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: В Арктике многие виды кустарников и травянистых растений дают в год доли миллиметров прироста, ягельник растет еще медленнее. Уничтоженное пастбище не восстанавливается. И никому еще не удавалось собрать споры — семена оленьего моха, — искусственно его не вырастить. Ученые изыскивают новые виды, какой подсев сделать, но это очень сложно. А без ягеля олень не выживет. Дикая еще может употреблять в пищу осоки, лишайники, грибы, побеги — домашний не приучен.

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Олень — не корова, ему корм не припасешь. У нас на Севере привыкли: все, что надо, прищипот, доставят... Не сохраним оленей — заведем свиней... Так ведь пока привезут, надо еще будет фонды выбивать, корма завозить... И впрямь: уничтожить легко, а так ли легко заново создавать?

КОРР.: Масштабы работы увеличивают и масштабы воздействия на окружающую среду. Но есть проблемы, которые касаются нас самих и которые люди должны

«разглядеть» и в прикиде на будущее. Василий Тихонович, вы никогда не думали о проблеме «тыловых» городов? Вот Урай, первый нефтеград Тюмени. Когда-то был на передовой, положил силы на Шанское месторождение. Теперь ему осталось только обеспечивать ремонт бурового оборудования. Стоит город, стоят пятиэтажки, живет много людей. Но закрылись лесоучастки — весь ближний лес изведен на нужды нефтяников; угасла речка Конда — опустели рыбацкие поселки; из деревень люди уходят на стройку, на промысел. Структура края разрушена — взамен что? Какой-нибудь завод ЖБИ? А кто будет поблизости строить и что? Почему мы не думаем о том, что Урай и другие города могут остаться не у дел?

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Этих «почему» слишком много... Почему мы не смотрим лет на тридцать вперед, когда отстроенные северные города нечем будет занять? Почему с таким упорством «выживаем» олени стада? Почему не создали падающих видов транспорта?..

Шофер сберег ведро солярки — его поощряют. А объединение сэкономило с помощью передвижных автоматических станций ПАЭС-2500 на тепле, которое уходило в атмосферу, 70 000 тонн топлива... Почему я не могу найти статьи, чтобы премияовать за это людей? Почему в одном только Салехарде целых 56 котельных вместо одной, мощной?!

В большом и малом мешают ведомственные барьеры. Нужен государственный комитет типа «Госкомсевер», который координировал бы работу всех министерств и главков, соединял усилия всех управлений и объединений, НИИ, контролирующих организаций, жилищных, коммунальных и прочих ведомств — всех, кто ведет работы на Севере и по Северу. Есть межведомственная территориальная комиссия при Госплане СССР, которая добивается единой системы снабжения и транспортного оснащения, — но этого мало! Нужен очень сильный, полномочный центр, объединяющий и хозяйство, и промышленность, и охрану природы в государственном масштабе. Тогда многие проблемы будут решены.

Отраслевая структура управления дает все права на владения, но это — не всегда разумное обустройство края, и, по сути, каждое министерство несет сейчас ответственность за изменения в Арктике и Заполярье, а они — планетарного масштаба... Давайте вот так широко смотреть, а не узко.

Сколько ведомств занимаются охраной природы в Ямало-Ненецком автономном округе? Инспекция рыбоохраны, водная, санэпидстанция, лесхозы, охотничьи инспекции — всего 13 организаций! 10 000 рублей выделяется охотинспекции, 1000 — рыбоохране и т. д., хотя эти средства и полномочия можно совместить в одном инспектирующем органе. Это проблема административная. Закон об охране природы — государственный, и само государство прежде всего должно заботиться о его соблюдении.

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Больше чем уверен, что средства на природоохранные мероприятия и санкционные, штрафные деньги лежат мертвым капиталом: «это нельзя, то нельзя». Вопрос о едином комитете витает в воздухе давно — на уровне правительства должна проводиться гибкая плавовая политика.

КОРР.: Пример Норильска: все основные фонды в руках горно-металлургического комбината, проблемы города и комбината решаются централизованно... Вот еще вопрос: как вы лично, Василий Тихонович, относитесь к идее создания на Севере эталонного поселка, о котором сейчас много говорят?

В. Т. ПОДШИБЯКИН: На Севере есть поговорка: строим с удобствами, неудобства появятся позже... Север непредсказуем, непостоянен, изменчив. Построить пока-

зательный поселок с удобствами можно, но никогда он не будет эталоном северного поселка, потому что не примет на себя и не решит всех проблем, которые соединятся в его жизни и деятельности людей. Лучше было бы строить такой поселок под Свердловском...

КОРР.: У нас две заботы — промышленное освоение Севера и сохранение природы. «Нефть не родит нефть. А сосна родит лес, рыба — косяк, олень — стадо». Раз природа может восстанавливаться, значит, олень родит стадо, рыба — косяк, сосна — лес, а нефть родится миллионы лет и сама ничего не родит, и взять ее надо однажды. Надо взять! А этим можно все оправдать...

Ваши аргументы против такого обратного тезиса?

Ю. Ф. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ: Сегодня нельзя быть полностью экологически безграмотным. В природе все взаимосвязано. Если ты залез с трактором в речку — ты будешь нить эту воду... Изменяется почва — вслед за ней изменяется животный мир. Летом, когда вся тундра превращается в родильный дом, пугнул человек птицу — половина выводка, а то и весь выводок погибнет... Дикий олень при виде человека превратится в точку — уйдет из этих мест... Проехала лодка — гуси поднимаются и уже не вернутся... Фактор беспокойства действует в гигантском районе. Даже бутылка, брошенная в тундре, срывается, как ливза — под ней загорится мох... Природа вечна, но не без нашей помощи! Нефть надо взять и не забывать при этом, что тут же живет олень — и не пятилетку живет, а тысячелетия...

В. Т. ПОДШИБЯКИН: На каждом месторождении мы — хозяева новые, но временные. «Осваивать» — по отношению к живому не должно быть такого термина. За десантами, за прорывами хорошо бы помнить, что о наших делах потомки будут судить по тому, что мы оставим в тундре, помнить о том, что и здесь остаются жить люди, особенно молодежь. Есть притягательность у этого края...

КОРР.: В поселке Лонг-Юган рассказывали: две женщины приехали года на два с Украины, работать на компрессорную станцию. Одиннадцать лет уже живут... Воздух полюбился, ягод много, огородничеством занялись — как новый дом обрели.

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Вот как дома и надо жить. В каждом человеке заложен хлебороб, рыбак, охотник, но не уничтожитель, не икастник...

КОРР.: Ненецкая писательница Анна Неркаги приводит в одном из своих произведений пословицу: «За хозяином — стол, за гостем — разговор». А тундра — как накрытый для гостя стол, все свои богатства выкладывает.

В. Т. ПОДШИБЯКИН: Я бы ввел термин вместо «спецнабор» — «спецотбор» рабочих для Севера. Чтобы не приходилось запрещать ружья в экспедиции; проводить инструктажи: «Здесь все летает, бегают, все доступно и доверчиво — не повреди, человек!»; чтобы люди, приехавшие на Север, относились к нему, как к дому, а не как к гостинице. Откуда бы ни приехал — будь хорошим хозяином, а если ненадолго приехал — то вежливым гостем.

Салехард — Лабитнанги

Беседу вела Н. ШИРОКОВА

МЫ — ДЕТИ ТВОИ, СЕВЕР!

Тасян Сергеевич ТЭИН, археолог, научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (Магадан)

Возраст палеоземской культуры насчитывает 4000—3800 лет. В древности эскимосы заселяли большие территории Северной и Восточной Чукотки, включая остров Врангеля, арктические районы Северо-Американского материка и Гренландию до ее восточного побережья. На нашем, азиатском, берегу эта культура впервые обнаружена на острове Врангеля в 1975 году, и находка еще раз подтверждает, что и три тысячи лет назад основой жизни эскимосов был морской промысел.

Чтобы быть удачливым зверобоем, охотнику требовалась смелость, ловкость, выносливость, мужество, умение ориентироваться в море и тундре в любую погоду. Эти качества с малых лет воспитывались тренировками и спортивными упражнениями.

И морской промысел, и национальные виды спорта стали считаться в наше время то ли непристижными, то ли ненужными... Жители тундры уже испытывают нужду в нужном количестве мяса и жира морского зверя, шкур, крайне необходимых для одежды, ремней...

Резкому сокращению морского промысла невольно способствует ОСВОД, который не разрешает брать на охоту для обучения школьников, хотя испокон веков детей обучали с ранних лет, с 12—13 — уже обязательно! Этого мнения до сих пор придерживаются лучшие наши наставники в морском промысле, например, П. И. Пенев из совхоза «Герой труда». Морской регистр почему-то запрещает использование легких, удобных и простых по устройству байдар, хотя они гораздо устойчивее, чем вельботы, не разбиваются о камни, поскольку обтянуты моржовой кожей, их легко вытаскивать на лед и на берег. Кстати, северо-американские и гренландские эскимосы до сих пор пользуются байдарками. У нас же даже мастеров по их изготовлению почти не осталось...

С упадком морского промысла исчезли многие национальные праздники, коренным образом связанные с бытом зверобоев: «Праздник кита», «Первый спуск байдары на воду», «Посвящение в охотники»... Их отсутствие обедняет жизнь аборигенов Крайнего Севера.

У меня много родственников. Старший брат, Василий Емрыкин, — художник-гравер, заслуженный деятель РСФСР, лауреат Государственной премии имени Репина. Двоюродный брат, Яков Сергеевич Тагыл, был ведущим артистом ансамбля «Эргырон» с самого его основания, сейчас — балетмейстер ансамбля «Уэлен». Но подавляющее большинство родственников связано с оленеводством, морским промыслом, охотой на пушного зверя.

Молодое поколение эскимосов стремится получить высшее и среднее образование. Это позволяет хорошо знать культуру и язык великого русского народа, что способствует широкому образованию коренного населения. Особенно в почете образование, связанное с техникой. Отрадно и то, что молодежь стремится не забывать родной язык, национальные обычаи.

Плохо то, что в школах-интернатах дети отучаются от повседневного труда, теряют чувство приязни к людям, уважения к старшим, чего никогда не бывало в эскимосских семьях...

Мне дана в наследство Тундра...

**Прокопий
ЯВТЫСЫЙ**

Сопки

Отними у тундры сопки —
и совсем исчезнет тундра,
Ибо нет у ней примет
отличительней, чем сопки!
Их недвижность так извечна,
их молчанье так мудро,
Что нельзя и догадаться,
как внутри бушуют соки.
Облака над ними кружат
и щеками нежно трутся.
По ночам костры на склонах
белым пламенем сгорают.
Их бесстрашие пред морозом —
лучший образец для труса,
Ведь морозы в зимней тундре
аж до сердца пробирают!
На плечах у каждой сопки
мох сверкает филигранно,
Словно снег перечеканен
на чешуйки голубые.
Сын пленительной метели,
правнук древнего бурана,
Я по ягелю привычно
тропы отыщу любые.
В зимний вечер сопки, сгорбясь,
словно пастухи на нартах,
Предаются размышленьям,
даже ветерком ранимым...
Ну, а летом, как олени,
обезумев от азарта,
Резво скачут враспынную
по ликующим равнинам!
И в оленьем легком беге,
в разноцветии мельканья
Я с печалинкой веселой
узнаю приметы детства;
И приходят к изголовью
по ночам воспоминанья,
От которых мне, наверно,
никуда уже не деться...
Снова поучает солнце,
что весь мир из света соткан.
Снова учит речка Утер
не робеть в ребячьей схватке.

Щиплет мох оленье стадо...
И моя родная сопка
Стааа пестрой, словно перья
у весенней куропатки.
Я аркан в руках сжимаю,
рад песцу, как будто другу;
Я шальному олененку
всей припрыжкой подражаю...
Я срываю голубику.
Я пою на всю округу,
До колен босые ноги
в мягкий ягель погружаю.
Мне цветы ласкают руки.
Лечит запах трав от хвори.
И крошатся звонко тучи
о мальчишеских лопатки.
...Детство, детство, ты осталось,
как озера — в синем взоре.
Детство, ты на самом деле
убежало без оглядки?..
Я стою, грустя о прошлом,
у незримого предела,
И в моих ладонях ягель
нежной звездочкой искрится...
Детство, детство, словно аргиш*,
ты умчалось, улетело...
Только сердце твоим светом
чуть сумело озариться.
В час, когда меня приводит
к этим сопкам добрый случай,
И над древне-юной тундрой
мгла сгущается, темнея,
Я по-прежнему, как в детстве,
становлюсь нежней, везучей,
Зорче — взгляд, быстрее — мысли,
сердце — пристальной, умнее.
Я богат землей и небом
с вечным солнцем в рыжих сотах.
Мне дана в наследство тундра
с песней лебедя впридачу.
И в минуты колебанья
с высоты родимых сопки
Мне видней мои ошибки.
Мне видней мои удачи.

Перевод с ненецкого
Александра Щуплова

* Аргиш — санный поезд.

**Микуль
ШУЛЬГИН**

Медвежья пляска

Выше, музыка, полет!
Пол грохочет,
Пол хохочет,
Под ногами пол
Поет!

Громче, друг!
Шире, круг!
Посмотри,
В рубахе красной
Вышел парень —
Сокол ясный!

На лице у парня маска.
Вот он топнул, как медведь.
Это ж вам —
Медвежья пляска!
Надо топать и реветь.

И пошел, пошел
По кругу,
По-пустому не пыля.
Лихости на всю округу —
Не крутись,
Постой, земля!

Пляшет парень, так учили,
Все мы пляшем —
Мо-ло-дцы!
Пляшем в том же самом стиле,
Что и деды, и отцы.

Удалой хантыйский танец —
Подвиглся б иностранец!..
Щедро на пол каплет пот —
Выше, музыка, полет!

Словно бы пурга крепчает —
Так отчаянно качает...
Где такое встретишь, друг?
Шире круг!
Шире круг!

Перевод с ханты
Вячеслава Кузнецова

БОЧКА С ДЫМОМ, ЗИМНИКИ И ДРУГОЕ...

Алексей МАНЕЦ

Тайга... Вековечная, дремучая. Только рокот моторов всколыхнет ее тишину и, кажется, эхо замирает тут же, едва родившись, в густом подлеске, дерзко продирающемся через бурелом. Тайга сопротивляется эху моторов, сопротивляется, как может, не пропускает вглубь... Моторы ворчат в толстых брюхах машин, которые подминают под себя валежник и подлесок, лишь на минутку-две замирают перед могучей лесной — и тут даже этой огромной силе нужна помощь: звенит тучей комарья бензопила, натужно плещется целым каскадом светло-серых опилок...

И снова безжалостно топчут-проминают широкую полосу в вековой тайге стальные гусеницы. Из-под них вырываются зеленые комья спрессованного снега — кропят траурно отпечетые моторами великаны-деревья и тонковольный подлесок...

До боли грустно видеть это. Тяжело!.. Где-то сажают деревья, говорят, что ты не напрасно прожил жизнь, если вырастил дерево. А ты... Ты — настоящий таежный тать, земной негодий! И вроде все оправдано: тать-негодий ради нефти. Той самой, которая есть где-то здесь, среди бескрайней тайги, бесконечных болот, озер и речушек. Вот ради нее ты и губишь таежную полосу в пятнадцать — двадцать метров шириной...

Поезд Тюмень — Сургут только что пустили по новой ветке, от Тобольска на север он тащился еле-еле. Через окно я восхищался бесконечными лесами, на полустанках выскакивал из вагона и жадно глотал незнакомые мне запахи кедр, настоящую на лугах тишину. Радовался без причины, ну прямо, как мальчонка, хотя к тому времени уже отслужил срочную и, естественно, считал себя вполне взрослым человеком.

Познакомился с соседом — нижняя полка напротив. Он — тоже на север, на работу, а родом из Одессы, и все время старался этим прихвастнуть. Дескать, мы, одеситы, народ тертый и все такое прочее. Я тоже прихвастнул: до армии, мол, был мастером на стройке — не пойти ли по старой части? Он весь засветился, прямо как новогодняя елка, и тут же, с ходу предложил: «Давай склопочем хорошую стройконтору — где больше платят, разумеется. Тебя — мастером, специалистов-то с гулькин нос, ну а я — к тебе в бригаду. Закрываешь наряды, мне — лишку, и — пополам».

— Тебе половину, — пропел он, — и мне половину!..

Меня всего передернуло:

— Это что, в Одессе так делают?

— А то как же? — с победным хохотком он снисходительно глянул на меня. — Морская бухгалтерия, слышал? Ты мне, я тебе, и концы в воду!

Его трепатно резко оборвала женщина, наша попутчица:

— Ну и ну... Чему учишь?.. От вас, жуликов, житья не стало!

— Тетя-я, не гуди: не видишь, что ли, кореша разговаривают? — он хотел меня обнять.

Оттолкнул я его прямо-таки грубо:

— Не кореш я тебе.

До самого Сургута ехали молча.

Первая работа — в строительно-монтажном поезде СМП № 584. Как и напроорочил мне случайный попутчик, сразу же предложили пойти мастером на строительство котельной. Но я отказался. Думал: месяц-два поработаю плотником, присмотрюсь, что к чему, а затем уж по-мастерю...

Мастерить, однако, не довелось. Месяц спустя я попался к геологоразведчикам. Позвали туда книги Арсеньева, прочитанные еще в школе... Устроился в нефте-разведочную экспедицию, в цех спецтранспорта, механиком-водителем.

Дали мне тягач, который нарекли почему-то «бочка с дымом». Поначалу удивился: за какие такие грехи технику обзывают скверными словами?! Но когда я ушел в первый рейс — хлебнул горя через край... В кабине — как в добрячем холодильнике. Сквозь щели затягивает дым из выхлопных труб. Внутри такой чад, что глаза сами плачут. Понятно, почему — «бочка с дымом»...

Ноябрь — месяц вроде осенний, но тут, в этих широтах, выглянешь на улицу — зима злющая, хлеще ценного пса. До армии, да и на службе не видел я градусника, на шкале которого за сорок... Мыслишка была — подхватить чемоданчик и айда домой, в Белоруссию... Но, думаю, крепись, Алексей, крепись, брате, пока можешь!

Так вот, еду на тягаче к Федоровскому месторождению. В кузове — емкость с горючим для разведчиков-буровиков.

Кое-как дотащился до буровой. Вскрабкался в балок, доковылял к печке и мертвой хваткой обнял трубу. Слышу: одежда и рукавицы мои зашипели, а я все к трубе жмусь. Парни покрикивать стали: «Отойди, поджарит!», а я — ни в какую. Теперь вот думаю: если бы стали оттаскивать, то только с трубой вместе...

Вот так и рассеялась вся моя романтика — как дым после тягача. Понял я, что тут вовсе не приключения, не захватывающие душу путешествия, как по книгам и в кино, а самая настоящая работа, трудная, костоломная... Однако и нужная. Закалит она тебя, Алексей сын Федоров, по-настоящему! Как и батьку, и деда твоего...

В декабре морозы подскочили до пятидесяти. Потихоньку, помаленьку я к ним привык.

Спустя два года дали мне новенький транспортер ГТТ и перевели в звено, которое отбивало новые «точка» под буровые. В этом звене работали водитель Владимир Глазов, топограф Каменев, водитель Михаил Гринев — ну и я.

С Владимиром Глазовым я был знаком...

Осень в тот год прошмыгнула, как белка меж веток. В ноябре морозы остановили ручьи, речушки, реки. Пурга обмела вершины, подстригла под одну гребенку бескрайние просторы. Это нам было на руку — можно прокладывать зимники.

На одном из обновленных зимников застопорился мой тягач. Поломка оказалась такая серьезная, что я был сражен наповал. Из живого механизма машина пре-

вратилась в мертвый металл... Страх — штука скверная: свет короткого зимнего дня для меня начал меркнуть. А зимник по-прежнему был пуст...

Чувство жуткого одиночества и затерянности не давало мне сосредоточиться. Все-таки удалось взять себя в руки, и я принялся за ремонт, хотя, откровенно признавался себе,— надежда была призрачной. Я сбил о металл пальцы, но не мог устранить неисправность — не хватало еще одной пары рук...

Остервенело швырнул в сторону ключи, принялся разводить костер. Когда слабый огонек прошмыгнул сквозь хворост, издали вдруг показался столб света. Знакомо громыхнули траки... ГТТ — гусеничный транспортер-тягач, раза три расслабленно качнувшись, замер рядом. Хлопнула дверца, на зимник сыркнул водитель. Широкоплечий парень лет тридцати с олимпийским спокойствием спросил:

— Что, притомился?

Захлебываясь, я стал объяснять, что произошло. Парень с минуту молчал, потом вымолвил:

— До буровой не дотянем, значит, надо мастерить...

Часа три ковырялись мы в железках. Пальцы моего спасителя уверенно брали нужные ключи, цепко хватали гайки — по всему было видно, что такую работенку тайга-матушка ему задает не впервые. Он ветошью вытер мазут, хлопнул меня по плечу:

— Давай, жми... Только осторожнее, тайга не шутит — без головы в два счета оставит! — и полез в свой ГТТ.

Я даже спасибо сказать забыл. И номер тягача не запомнил...

И вот теперь он идет на первой машине, Володя Глазов, наш ведущий. Рядом с ним сидит топограф Каменев, показывает направление. А я и Михаил Гринев идем следом на двух транспортерах, расширяя и накапывая дорогу. О чем сейчас думают мои товарищи?

Двадцатиметровая полоса лесоповала напористо рванется вперед, распластает надвое нетронутую тайгу — уйдут из этого места звери, улетят птицы... «Пришел, увидел, навредил» — почти по Цезарю...

Интересно, одному мне приходит это в голову? Или ребята тоже иногда думают об этом, глядя на первозданную нетронутость природы?

К концу дня продвинулись километров на пятнадцать и уткнулись в дугообразную гриву леса. По самой опушке этой величественной рощи деловито проложил русло ручей. В некоторых местах он был узок, так что можно без разгона перепрыгнуть. Вода бурлила, и никакой мороз не в силах был надеть на нее ледяной панцирь. Зато чуть подалее ручей разливался, терял силы.

— На сегодня хватит,— решил Каменев, наш старшой.— Скоро ночь, можно заблудиться...

— Поедем обратно? — спросил Михаил Гринев.

— Стоит ли?.. В километре отсюда — охотничья избушка, там и заночуем.

Мы запрыгнули в транспортеры и покатили по целику. То и дело впереди взмывали куропатки; взбудораженные грохотом, они стрелами взмывали из кустов, некоторое время неслись в свете прожекторов, потом ныряли в темноту. Сколько же здесь птиц, безобязательно живущих своей жизнью!..

Транспортеры остановились у избушки, обнесенной частоколом из бревен с заостренными верхушками — по всей видимости, чтобы подстраховаться от нашествия медведей. Дверь в зимовье была приперта палкой. Переноска осветила маленькую комнату. Посреди, ближе к выходу, стояла металлическая печка. Слева, у стены, дыбились нары из жердей с толстым слоем порыжевше-

го лапника. В углу валялись ржавые капканы. А вот главного-то — дров — в помине не было.

— Дела-а,— протянул Каменев.— Жильцы-то были не из нашенских, придется самим сотворить тепло...

Заготовить дрова большого пота не требовало: сухой рядом с избушкой, к тому же в кузове моего транспортера была бензопила. Мы с Глазовым заготовили их с запасом — думали не только о себе. В избушке в это время кочегарили: на печке уже шипел чайник, приятно цекотала нос разогретая тушенка.

Хорошо сытому, особенно если тепло и на голову не сыпятся колючие снежинки! Миша Гринев выудил в измятой пачке папиросу:

— Домой хочется... Если завтра пробьемся, то — на выходной, а?

Глазов согласился:

— Если пробьемся, то, конечно, на пару дней отпустят.

Взгляд Михаила остановился на топографе. Тот сидел на нарах, низко склоняясь над аэроснимками и что-то вымерял.

— Понимаешь, какая штука вырисовалась... — топограф не сразу поднял голову.— Если взять по прямой, через гриву, до новой точки семь километров. Если в обход, вокруг леса, — километров пятнадцать...

— Ну и пойдем прямо. К черту обход! К вечеру будем на точке.

— Порядок! Завтра, значит, домой порулим!..

— По нашим следам, однако, проложат дорогу шириной в двадцать метров,— не слушая наших воплей, подытожил Каменев.— А там белка, соболь, медведь...

— Это уже не наша забота,— жестко прищурился Гринев.

— Подожди, Михаил... — задумчиво сказал Глазов и через несколько секунд тоже жестко спросил: — А чья это забота? Техника-то пойдет за нами!..

— Спыхватятся потом, да поздно будет,— будто никому и ни о ком сказал Каменев.— Что решим?

МЫ — ДЕТИ ТВОИ, СЕВЕР!

ТРИ СЕСТРЫ:

Елена ЛАПСУЙ-ПУШКАРЕВА, кандидат филологических наук, преподаватель факультета народов Севера Ленинградского педагогического института им. Герцена.

Анастасия ЛАПСУЙ, старший редактор Ямало-Ненецкого окружного радио, лауреат премии «Серебряный микрофон».

Наталья ЛАПСУЙ, врач-педиатр.

ЕЛЕНА: Любовь к большой родине, нашей стране, можно воспитать только любовью к родине малой — к своему краю, языку, культуре. У ненцев есть то, чему можно и поучиться...

АНАСТАСИЯ: Русский, например, может сказать: «Ах, паразит-медведь, оленя задрал!» Ненец никогда так не скажет. Что бы ни натворил медведь, отношение к нему уважительное... Его, как и близких родных,

— Что ж, теперь каждое деревце жалеть, трястись над каждой куроваткой? Я за свою жизнь этих деревьев столько загубил, что слез не хватит. А ты, Володь, меньше разве?

— Рад бы отказаться, но факт... Мы с тобой, Миша, пять лет вместе нашим, столько дров наломали, со счета собьешься. Нам говорят: «Вперед!» — и мы летим сломя голову... А может, вовсе без головы, а?.. Завтра можно объехать лес.

— Не мы, так другие этот лес под пилу пустят! Еще не известно, что там нас ожидает, в обход, — не сдавался Гривев.

— На пути три ручья, — пояснил топограф. — Один тяжелехонек.

— Во, видишь, ручей гнилой... Наверняка бултыхнемся. Я уже, хватит, нанярылся... — и вдруг Михаил всплыл: — Да ты что, Глазов?! С каких таких пор природу полюбил, или выставляешься добреньким?

Глазов, не удосужив его ответом, размышлял вслух: — Обход удлинит дорогу километров на восемь. Лишние расходы на переброску буровой...

— Во-во, денежки полетят в трубу... — оживился Гривев. — Вышкари могут и сроки сорвать. За такие делишки по головке поглядят?

— Вышкари не подведут, я их знаю, как самого себя. Ты другое пойми, голова садовая! Мы работаем торопясь, наспех, все спешим сорвать листки в календаре... По радио диктор рассказывал: какой-то промысловик за год три плана по пушнине выдал...

— Стреляет, наверно, метко...

— Он — кто: хозяин или рвач? На своем участке подмел все дочиста. Даже на развод, ну, на размножение не оставил! За такое перевыполнение судить надо народным судом... А мы здесь что собираемся делать? Загубим все, потом будем зверье выискивать на картинках, ахать да охать — как же это случилось? У тебя и так дети глухаря и соболя по книжке только знают, ну и давай их вообще... в Красную книжку. Так?!

— Ладно, — тряхнул чуприной Михаил, — пусть будет по-вашему, экологи доморощенные! Только в ручей первым я не полезу...

Уснуть я долго не мог. Мучился, терзался. Что-то всколыхнулось внутри, пронзило, затронуло мои клеточки, которые огрубели под действием команд «сверху»... Покорно подчиниться, сделать как можно короче зимник — какой соблазн! Никакой нервотрепки — почет и уважение!

Тогда лучше уйти совсем из тайги...

Еще не рассвело, а тягачи наши уже проснулись, заворчали, проворачивая замерзшие за ночь узлы. Лязгнули гусеницы, машины легко покатали по вчера пробитому следу. Передним шел Глазов с топографом.

Первый ручей проскочили удачно. Когда проходили второй, треснул лед, правая сторона транспортера осела в воду. Отколовшаяся льдина попала под гусеницу — захрустел, заскрежетал металл, и гусеница медленно сползла с катков, юркнула под воду.

— Вот видишь! — незлобно крикнул Гривев. — Допрыгался со своим обходом!

— Разворачивайте машины! — приказал Каменев.

На сухом месте Михаил хлопнул Володю по плечу:

— Да ты не расстраивайся, достанем! Прощлую зиму, помнишь, как в ручьях барахтались, и хоть бы хны... А здесь же мелочь — осилим!..

...Много раз потом на моей памяти ревели тягачи, дрожали, звенели и лопались буксирные тросы. Бывали переделки и похлеще.

Но и по сей день приятно думать, что на той гриве, на Перевальной площади, остался нетронутым лес...

И нынче весной корни потянут из земли новые соки.

Раздерет воздух громким ревом медведь.

В темно-бархатных игольчатых лапах кедровника заиграют белки, под корягами зажирует соболь.

Муравьи станут кантовать свои тяжести...

«в лоб» не называют. О нем скажут: «Лесной житель» или «Тот, кто живет в землянке».

Почтительность у ненцев врожденная. В общине, в семье принято обращаться к близкому не по имени, а по семейной субординации — это вежливая форма обращения. Русские тоже ведь не к каждому обращаются на «ты»... Про меня, например, дома скажут: «Мать Илки». Я своему сыну Илке скажу: «Спроси у старшей сестры», или «Сходи за сестренкой в садик» — и этим подчеркну, кто старше и мудрее, а кто нуждается в его заботе.

НАТАЛЬЯ: Если старшие беседуют — подросток не вступает в разговор... Уважительность существует не только по отношению к взрослым, но и просто между людьми. Если кто-то дает совет, а сородич или знакомый его не принимает — он промолчит, но никогда не ответит: «Сам знаю!», или еще лучше: «Пошел ты со своими советами...» Есть у нас в народе достоинство — то самое, которое не позволяет бежать навстречу пригласившим, или с зоду спрашивать имя у незнакомца: сперва обогреют, накормят, а потом уж, если гость захочет, сам скажет о себе.

АНАСТАСИЯ: Эта деликатность накладывает печать на весь быт. Как это в русской сказке «Три медведя»: «Кто ложился на мою кровать?!» У нас так же: на детскую постель взрослый не ляжет, не из своей миски есть не будет — у ненцев никогда не было общего котла, не свою обувь или халат не наденет...

ЕЛЕНА: Все мы понимаем, что уходят из жизни ритуалы. Пора «танцев оленьей упряжки» или «рыбаков, тянущих невод» ушла. А ведь каждый переход из одного природно-производственного цикла в другой имел свою обрядность, свой ритуал: жертвоприношения в честь вскрытия рек, начало лова, умилоостивительный обряд в честь комаров и оленьего овода... Надо бы сохранить их хотя бы в фольклорном, театрализованном виде. В этом плане хорошо работает танцевально-вокальный ансамбль «Ямал», спасибо ему.

АНАСТАСИЯ: О родословной... Наш род — по-современному фамилия — ведет свой счет примерно с 1840 года. Был старик Ласусый Вычу, и от него пошло 148 человек — это только те, кого мы знаем.

ЕЛЕНА: У ненцев категорически запрещено считать людей, особенно членов своей семьи — можно

только перечислять, так что мы отступаем от правила... Нас, детей от одного отца и матери, шестеро. У всех вместе взятых — еще пятнадцать детей и пять внуков. Наш старший брат, Владимир, родовое имя Тало, в последние годы жизни работал киномехаником, обслуживал трассу газопровода Надым — Центр. Второй брат Геннадий — рыбак. Сестра Анастасия до сих пор оберегает меня, как орлица орленка, она мой опекун в течение пятнадцати лет. И — коллега: с нею вместе мы перевели на ненецкий язык Конституцию СССР. Еще одна сестра, Маргарита, работает в Ньде, в аптеке.

НАТАЛЬЯ: Много дальних родственников, свойственников. Станислав Салиндер — хирург, Нина Ядне — фтизиатр, Степан Лапсуй — инженер рыбфлота, Леонид Худи — партийный работник, Юра Лапсуй — студент сельхозинститута, и так далее, и так далее... В Салехарде, в Тюмени, в Ямальской тундре...

АНАСТАСИЯ: И получается, что почти все ненцы от Уральского хребта до Енисея в каком-то колене и по какой-то линии нам родня. Некоторых мы и в глаза не видели, но это неважно: приезжают — принимаем всех. Отца нашего не стало год назад, мама жива.

ЕЛЕНА: Моя дочь Майма, душа души моей, и мой птенчик Ейко, пришедший на смену ушедшим, и хороший человек Илка — все дети рода Лапсуй и рода Худи продолжают нашу «ветвь»...

Что положительного я отмечаю в воспитании детей? Во-первых, обучение на родном ненецком языке. Во-вторых, организацию каникулярного времени: пионерлагеря, поездки по стране — это я считаю большим достижением советской педагогики.

НАТАЛЬЯ: ...Можно добавить — и медицины: все дети соматически здоровы.

ЕЛЕНА: А негативное вот что... Дети тундровиков живут в интернатах очень долго — десять лет! В среде ненцев наблюдается ослабление сыновних чувств, некоторые великовозрастные уже дети оставляют престарелых родителей без помощи — это с одной стороны; с другой — бездейственная любовь родителей... Рушится семейная кровная связь — это самое страшное. В Панаевской школе на Ямале накоплен хороший опыт работы с родителями-тундровиками, хорошо бы его описать в сборнике Минпроса РСФСР «Просвещение на Крайнем Севере».

Дальше — иждивенчество. Я была в поселке Нори и видела жалкую поленицу во дворе интерната, а на делянке дров полно, и десять оленьих упряжек стоят рядом со школой... Ни ученикам, ни родителям не приходит в голову привезти дрова.

НАТАЛЬЯ: Да, в интернатах нужно больше самоуправления, самообслуживания. И хорошо бы иметь не столь узкий круг интересов. Учат на агрономов, строителей — но где же наши будущие охотники, оленеводы.

АНАСТАСИЯ: Я двадцать лет работаю на радио и все двадцать лет «ратую» за традиционные профессии. Сейчас, кстати, в оленеводы идут больше... Круг интересов я бы расширила и в другом. Все наши дети — художники от рождения, а вот в музыке не проверяли — музыкальных школ очень мало на Севере...

Но за связь с культурным миром беспокоиться не приходится. А вот за связь с природой... Маленький пример. Русский мальчонка, если у него замерзли руки, бежит домой — к печке, к батарее. Ненчонок засунет их в волосы или подмышки... Но это еще помнится. А помнят ли наши дети, как ставятся капканы? Большой кусок мяса класть или маленький? Каким слоем мха покрывать, чтобы зверь учуял приманку? Какая школа научит таким тонкостям, как опыт?.. Происходит утрата чувств, утрата навыков — как быть с этим?..

Знак Наташи

Анатолий ГАЛИН

На ямальском берегу пролива Малыгина, на небольшом холмике, поднявшемся над унылой здешней низиной, стоит ажурная деревянная пирамидка — обычный тригипсункт. Но поставлен он здесь не по геодезической схеме. Это памятник, известный как знак Наташи Котовщичковой.

...Поздней осенью 1929 года в Ленинград вернулись участники Северо-Ямальской экспедиции Комитета Севера. Их было двое: студент-четверокурсник геофака Ленинградского университета Валерий Чернецов и зоолог Константин Ратнер. Как выяснится чуть позже, они привезли настоящую археологическую сенсацию. На семьдесят второй арктической параллели была раскопана стоянка человека, древнего северянина.

Но экспедиция, принесшая обильный научный материал, была и одной из самых трагических в истории изучения Ямала. Третья участница ее из Арктики не вернулась...

Студенты двадцатых годов, когда дух революционных преобразований пронизывал буквально все, пожалуй, отличались большей самостоятельностью, чем их нынешние сверстники. За плечами этнографов Котовщичковой и Чернецова было участие в Приполярной переписи, это североуральская закалка сделала их полярниками на всю жизнь: долгую — Чернецова, короткую — Котовщичковой.

Этнографы того времени не признавали кратковременных наездов в «поле». Исповедовалась теория «этнографического года» — лето плюс зима плюс лето. Котовщичкова, Чернецов и Ратнер собирались пробыть на Северном Ямале тринадцать месяцев, это позволяло исследовать полный годовой хозяйственный цикл, проследить временные охотничьи сезоны.

Из Архангельска на восточный берег Ямала к мысу Дровяному экспедицию доставил знаменитый ледокол «Малыгин». Дровяной, хотя до ближайшей госторговской фактории было почти 800 километров, считался местом относительно оседлости. Участникам экспедиции пришлось испытать все «прелести» полярных путешествий — дымные жилища, нечистоту в них, прикладной «атрибут» к этому — невозможность вымыться в бане, непривычную пищу, скуку долгих дорог, страшные морозы, которые летом сменяются не менее страшным бедствием — комарами.

Зима ушла на то, чтобы исследовать 181 ненецкое хозяйство, провести обследование 983 человек. К весне экспедиция перебралась с востока полуострова на его западное побережье, туда, где Чернецову предстояло сделать свои сенсационные археологические открытия.

Но это произошло летом... Что же произошло весной в безлюдной тундре?..

10 мая экспедиция в полном составе собралась в чуме Нявога Вэнога. Ратнер отправлялся к проливу Малыгина для стационарных наблюдений. Чернецов наметил маршрут к мысу Тиутей-Сале. Котовщикова с Терентьевым и экспедиционным обозом намеревалась достигнуть малыгинского побережья, где была намечена встреча с зоологом.

Однако Наташа сразу была вынуждена изменить маршрут. Подъехавшие оленеводы сообщили, что гидрографическое судно «Прибой», в прошлую навигацию оставив припасы для экспедиции на западном Ямале, выгрузилось не в устье реки Яды, как обговаривалось заранее, а севернее на 25 километров, у мыса Хази-Сале. Ей пришлось попросить каюров Тёроку и Тэл Вэногов держать курс к этому мысу. Терентьев уехал к оленеводам, у которых еще не провел перепясы.

Найдя оставленный «Прибоем» груз, Котовщикова устроила для себя временную палатку из паруса, набросившего на нарты. Вэногов она отправила с запиской к Ратнеру, в ней она сообщала об изменении маршрута, заметив, что ей нездоровится. Сытые олени, по ее расчетам, 50 километров туда и обратно за сутки должны преодолеть.

Но здесь начинается цепь трагических случайностей...

Ратнер, разбив палатку в намеченном месте, проводил зоологические маршруты. Связи с внешним миром он не имел, но однажды наткнулся на чум пастуха Око-тэтто. Оленевод сообщил ему о болезни Котовщиконой. Константин Яковлевич попросил довести до Хази-Сале, или, по крайней мере, указать дорогу — до Наташиной палатки было не больше трех десятков километров. Но пастух заверил его, что завтра за Ратнером приедет Тёроку.

Однако каюры не приехали — поднялась страшная, обычная в этих местах июньская пурга, «телячий» буран. Ее сменил шедший с моря густой туман. Четверо суток зоолог не мог выйти из палатки. На пятый день появилась оленевод Еволе Ядне с Наташиной запиской. Ратнер торопил пастуха, но тундра набухла от бурно таявшего снега, на глазах вздувались речушки — их приходилось объезжать, делая многокилометровые зигзаги.

Когда упряжка остановилась у парусиновой палатки, Ратнер не нашел там никого. Котовщиконой лежала на снегу, отойдя от своего последнего пристанища шагов на тридцать...

Признаки цинги она почувствовала в начале июня. «Очевидно, смерть застала ее внезапно, — писал позднее Чернецов, — и, идя, она упала, чтобы больше уже не встать... Когда растаял снег, мы нашли письмо, в котором она прощалась с нами, уже не надеясь увидеться. В одной из тетрадей она писала, что старается привести в порядок свои записки, чтобы я смог разобраться в них после ее смерти».

Какое завидное мужество, какая отвага в последнем завещании погибающей исследовательницы!..

Похоронив товарища, Чернецов и Ратнер продолжили исследования. Не только потому, что морской транспорт должен был прийти за ними лишь через несколько месяцев, — это был долг памяти погибшему товарищу и коллеге...

Учитель, гражданин...

София СМЕРНОВА

В Ханты-Мансийском краеведческом музее собраны предметы быта прошлой жизни ханты и манси: юрты, бытовая утварь, гремящие одежды и бубны шаманов, орудия труда, охоты... Всем этим богатством музей и край обязаны Аркадию Николаевичу Лоскутову — основателю и многолетнему хранителю музея.

Двадцатилетним юношей приехал он в этот северный край. В 1928 году долго пришлось ему добираться до места назначения: десять дней до Березова по Оби и еще восемь дней по реке Сосье до селения Сортынья. Но учить детей молодой учитель не смог... Его разделял с учениками языковой барьер — они не понимали друг друга.

С заготовителями-кооператорами Лоскутов стал ездить по дальним стойбищам. Вместе с манси ловил неводом рыбу, ставил капканы, перегонял оленей и... одолел мансийский язык!

К середине ноября Аркадий Николаевич привез в школу поселка Сортынья восемь мальчиков. Начались занятия, и новая проблема встала перед учителем: букварь, привезенный им из России, не годился. Русские слова были непонятны детям тундры. Лоскутов стал создавать свой букварь, это было коллективное творчество учителя и учеников... По этому, самодельному, букварю и стали учиться дети.

И покотился по окрестным стойбищам слух о школе. На второй год занятий все ученики, восемь человек, вернулись в классы и привели с собой... тридцать пять новых учеников!

Лоскутову предложили организовать школы народности ханты в селении Казым. В тяжелых условиях, при яростном сопротивлении шаманов, создавалась первая школа-интернат. Не раз оленеводы увозили своих детей... Нужно было терпение, много душевных сил и убежденность, чтобы победить шаманов, завоевать доверие тундровиков.

По букварям, составленным Лоскутовым, обучались первые национальные кадры народов ханты и манси.

В год пятидесятилетия Ханты-Мансийского округа была отмечена и педагогическая деятельность А. Н. Лоскутова — к тому времени он был уже директором созданного им музея. Репортаж о чествовании Аркадия Николаевича прозвучал по Всесоюзному радио.

Ответное письмо на мое поздравление было последним письмом А. Н. Лоскутова. Переписка наша продолжалась много лет — я помогала ему в сборе материалов по березовским ссыльным XVIII столетия...

За свою полувековую деятельность на ханты-мансийском Севере А. Н. Лоскутов был учителем, председателем окрисполкома, секретарем окружка партии.

Писатель Юван Шесталов писал о нем: «Всю свою полувековую жизнь Аркадий Николаевич выполнял гражданский долг. Не забыли ли северяне свое исконное, хорошее?.. Он думал о прошлом народа, ставшего ему родным. Он думал о будущем этого народа, — коммунист, кавалер ордена Ленина Лоскутов».

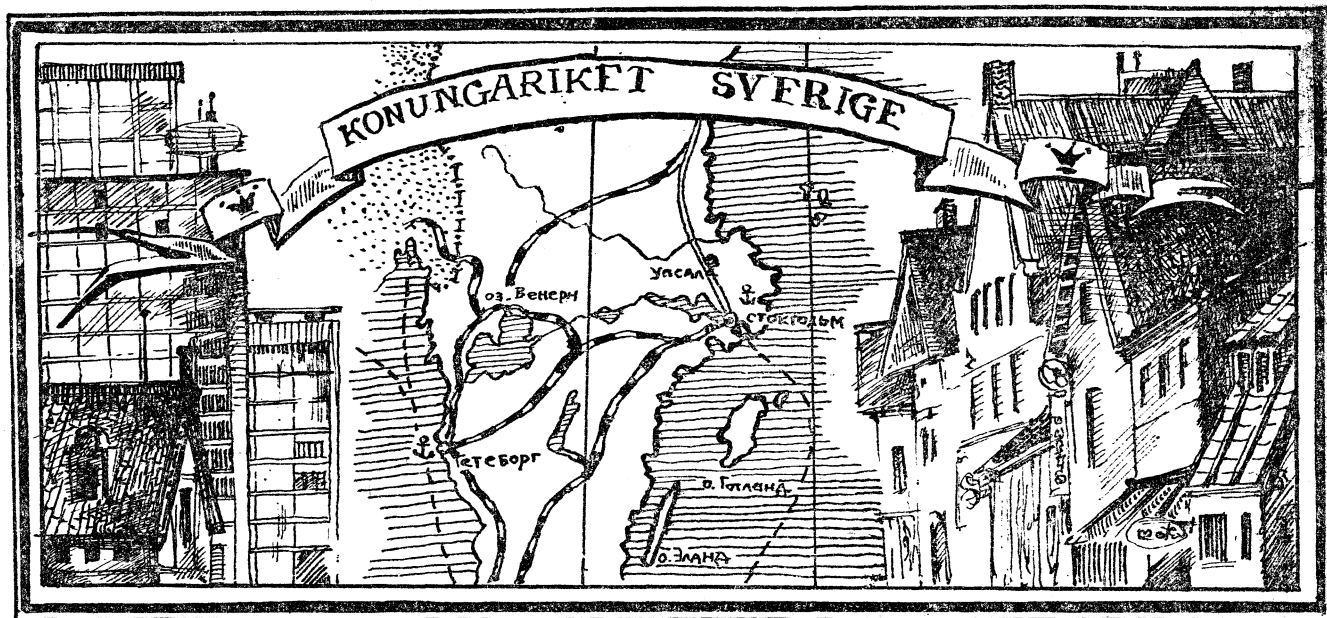
Аркадий Николаевич Лоскутов выполнял свой долг. Но всю жизнь своей совершил гражданский подвиг...

СЕВЕРНЫЙ ЗАПАД

Путешествие
в три королевства

Николай НИКОНОВ
Рисунки Н. Кинева

КОРОЛЕВСТВО ШВЕЦИЯ

«Швеция, как красивая женщина, красота ее сразу бросается в глаза, а чтобы узнать по-настоящему, какой у нее характер, надо прожить с ней некоторое время».

Геннадий ФИШ

И еще в одно королевство летели мы теперь уже на самолете ИЛ-62, но финской авиакомпания «СаС». Прощальный взгляд на Осло-фиорд, похожий на громадную синюю реку, где купаются гигантские допотопные чудища, динозавры не динозавры, черепахи не черепахи, но что-то такое, что явно было живым и движущимся, глядело гла-

зами панцирных рептилий, и только время остановило их движение, а они замерли, окаменели, поросли лесом и так лежат в голубой воде, может быть, до нового воскрешения. Осло-фиорд, может быть, красивейший из фиордов этой страны моря, леса и камня.

Перелет до Стокгольма так же невелик во времени, как от Копенгагена до Осло. К тому же нам подают еще нечто вроде раннего ужина или позднего обеда. Стюардессы-финки, светловолосые и розовощекие, очаровательны, к тому же, как у всякого мужчины, у меня есть свой тип привлекательной женщины, для меня он как раз «финно-угорский», как называю я его, то есть женщины с льняными или блонде к овсяной соломе волосами, плотным станом и северными спокойными глазами.

Финки, заметив мой взгляд, столь же очаровательно усмеваются. Коль уж я заговорил о женщинах и смотрю на них, то вспоминаю, что Швеция считается страной красавиц, это отмечали многие бывавшие там, да тот же Фиш, из книги которого я взял эпиграф, и даже печально известный реакционер-издатель Булгарин, который вычислил, что

Окончание. Начало см. в № 10, 11.

во время стояния его на одном стокгольмском мосту из ста прошедших мимо шведок было столько-то настоящих красавиц, столько-то прелестных, столько-то, говоря по-русски, хоть куда и совсем мало невзрачных. Ну, что ж, прилетим — посмотрим, убедимся сами, женщины, как ни крути, входят в число самых запоминающихся достопримечательностей любой страны, города, местности, насчет мужчин я этого не скажу.

А пока справляясь с этим ужином-обедом, самолет уже, клоня крыло, делаа плавный разворот, снижался, и в иллюминаторе, как в овальной раме, открывалась поразительная по ясности панорама Стокгольма — «Северной Венеции». И не бывав в Стокгольме, я знал, что центр его представляет собой королевский остров. Видимо, вот этот, как бы плавающий в середине голубого до синевы залива и словно привязанный к застроенным берегам тросами мостов. Здесь замок королей Швеции, должно быть, вон те три кирпичных строгих квадрата. Сверху кажется, что весь город плавает на воде, даже выблется, мосты стягивают его берега, не дают расплыться, но ощущение власти воды, ее простора, пожалуй, сильнее всей этой застройки по берегам, нарезанной, как некий странный торт, на аккуратные доли и дольки. Улицы Стокгольма, сравнительно с другими городами — столицами Скандинавии, прямые, бегут по ним потоки разноцветных жучков-машин. Игрушки-суда стоят на причалах вдоль королевской набережной, и прекрасная модель парусника с тремя мачтами стоит у противоположного берега наискосок от дворца. Еще я успеваю рассмотреть крепость — мрачноватое строение с башней типа каланчи и рядок узких прямоугольных домов-высотников, похожих на поставленные друг за другом игральные карты. Стокгольм — город на воде. Сверху это ясно видишь и понимаешь, ибо водное пространство морского залива, где «плавает» центр, просторнее окружающего его города. Из справочников я узнаю, что Стокгольм имеет приличную историю, впервые упомянут в 1252 году, но, конечно, люди жили здесь и в более отдаленное время, уходящее к стоянкам викингов. Очевидно, на удобном острове посреди залива они основали нечто вроде главного поселения, города на холме, — немецкое штатт хольм. Другое, более древнее предположение, что здесь скатывали в воду стволы срубленных деревьев, и отсюда шведское «штоккар». Историческим основателем города является регент — воинственный Ярл Баргер. Считается, что город прошел через три периода — становление в XIII и XIV столетиях, превращение в столицу объединенных под властью Швеции земель в XV — XVII веках и, наконец, эпоху расширения и развития, особенно быстро идущую от девятнадцатого века.

ГЛАВА VII.

Аэропорт Арланд. Шведско-датско-норвежский юмор. Прием в посольстве. Обед без хлеба. Экскурсия по городу и в национальную галерею. Вечерний Стокгольм. Рулетка в гостинице «Карлтон».

Аэропорт Арланд считается лучшим в Скандинавии, как лучшим в Европе новый аэропорт под Парижем — «Шарль де Голль». Мы были в обоих и можем сопоставить. Действительно, Арланд внушитель, — движущиеся дорожки, светореклама, четкая работа таможи. Правда, с моими норвежско-чешскими вазами на секунду заминка. Экран просвечивающего багажи-чемоданы телевизора показывает нечто странное, непонятной формы. Но таможенники здесь привычные, только спрашивают: «Что это такое?» Язык близкий к немецкому, жесты — к русскому. Все понимаю и отвечаю: «Кристалл». — «А-а! О-о!» — вот и все формальности. Шведской таможе из всех скандинавских больше всего работы. В стране много наркоманов. Нет закона о их принудительном лечении, и наркотики, очевидно, проникают через самые бдительные кордоны. Проблема эта бедственная. На нас, русских, смотрят как на людей надежных, — эти не повезут! Таможня все знает.

Если Норвегия по сравнению с Данией поражает своей каменистостью, то Швеция, если можно так выразиться, еще более «скальная». Серый, розоватый, местами голубой и замшелый камень начинается прямо от аэровокзала. Это не горы — а именно скалы, скальные обнажения, слаженные ледником, временем и морским ветром. Но в Норвегии камень сочетается с не менее северным ландшафтом: сосна, береза, опять сосна, здесь же растительность южная, и в районе Стокгольма растут не только кипарисоподобные туи, но чуть ли даже не магнолии. Этаким северный Прованс. Там, на берегу Средиземного моря, тоже камень, скалы, яркое небо, хотя и подразделенное к горизонту вечным зноем, да камень у моря выцвел дожелта, не хранит, как здесь, первозданную синеву. В общем, странное впечатление рождает природа Швеции, по крайней мере под Стокгольмом, смешение северного и южного особенно заметно, и южное, пожалуй, преобладает, как плетистые вьющиеся розы, что ползут по углу каменного здания какого-то пакгауза.

Между норвежцами и шведами, шведами и датчанами испокон века существует не то что бы вражда, а довольно едкое высмеивание друг друга. Датчане любят трюнить над шведами, шведы — над норвежцами, норвежцы — над всеми и сами над собой. Тут все идет в ход. Характер народа, язык, обычаи и даже то, чего у народа нет, но ему приписывают. Идет это, наверное, издавека, от старых междоусобных распрей, когда страны входили в Датское королевство, а Швеция как бы владела Норвегией. Идет от разного уровня жизни. Ведь самими зажиточными, по традиции, считаются шведы, за ними датчане, норвежцы — победнее, — так было до настоящего времени, но сейчас положение меняется. Норвегия богатеет за счет нефтяного шельфа, Дания интенсифицирует свое молочное хозяйство, а шведы не хотят уступать, они привыкли считать себя самими-самыми. Из всех скандинавских стран природа богаче одарила Швецию, есть ископаемые, лес, гидроэнергия, большая территория (в два раза больше Англии!) при населении всего 8 миллионов. Швеция не воевала уже более двухсот пятидесяти лет. На ее территорию не врывались захватчики. Даже в годы минувшей войны она умудрилась сохранить нейтраль-

тет, хотя и продавала фашистской Германии железо и сталь. Мне вспоминаются слова Геннадия Фиша из его талантливой книги «У шведов» о шведском нейтралитете. Там сказано примерно так: «Если шведы ругают США, они считают необходимым обругать и Россию, но если ругают Россию, ругать США не обязательно».

Фиш пишет, что датские моряки не любят шведских, и если, что называется, «по пьянке» ловят матроса-шведа в порту, то снимают с него штаны. Шведы же трунят над датским произношением: «Когда у шведа болит горло, он начинает говорить по-датски».

Эту шутку нам подтверждает и гид — Эми Валлениус.

— Еще шведы говорят, что лучший способ развлечь норвежца — дать ему лист чистой бумаги, сказав: «Посмотри, что на обороте?».

Хохот.

— А еще есть вот такая привычка. У шведов принято писать надписи на тортах. У норвежцев такой привычки нет. Спрашивается, почему?

Недоумение слушателей.

— Потому что норвежцы считают, что торт очень трудно вытащить из машинки, — говорит Эми.

— А почему норвежцы в грозу выбегают из дома? — задает новый вопрос Эми. — Они думают, что их фотографируют... — отвечает она с усмешкой.

Таков шведский юмор. Норвежцы, без сомнения, платят тем же. За словом в карман эта нация не лазает.

Мы в Стокгольме. Город уже не кажется здесь плавающим на воде. Напротив, он весьма обстоятельно расположен на земной скалистой тверди. Стокгольм respectable. Самый основательный город Скандинавии. Основательнее Копенгагена. Все крепко. На скальном грунте. На камне. Все прочно: кладка домов, решетки балконов, стены, ограды. Если Копенгаген напоминает старый Питер, у Стокгольма есть сходство с нынешним Ленинградом, морской залив у королевского острова напоминает Неву, есть здесь и крепость с башней. Дворец королей как-то напоминает уменьшенное подобие Зимнего. Реет над ним голубой флаг с желтым национальным крестом. Флаг у всех скандинавов одинаковый по символике: крест с одним удлиненным концом на однотонном фоне разного цвета. Желтый на голубом, как уже сказал я, — это национальные цвета шведов, синий на красном — у норвежцев, голубой на белом — у финнов, белый на красном — у датчан, красный на синем — у исландцев. Символика простая, объединяющая как бы всех скандинавов, не лезущая в глаза, достаточно торжественная и осененная религиозным началом. Все соблюдено, продумано.

Вот и отель «Карлтон» в самом центре Стокгольма, на Королевской улице! Впрочем, я уж писал, что как-то привык к понятиям, что на Северном Западе все почти королевское. «Не хочешь, да станешь монархистом», — сокрушается кто-то из наших, читая название улицы.

В гостинице мы устраиваемся неплохо, в прохладном номере, выходящем на северную сторону в узкую улицу-щель. Все вроде бы ничего, если не считать, что в доме напротив, почти балкон в балкон, два патаатых парня, типа

«золотой молодежи», пьют из банок пиво, что-то орут нам, с трудом перекрикивая включенный на всю железку магнитофон. Картина, в общем, не из необычных. У нас такое бывает сплошь, развлекаются юнцы в жилых районах под равнодушную снисходительность милиции. Не обращаем внимания. Пытаемся не обращать... Это лучшее, что можно придумать в такой ситуации. Хотя дома я расцениваю это как злостное хулиганство и дремучую невоспитанность, а всякого рода забудды с их магнитофонами, как бы обязательным приложением к хмелю, считаю... Да пусть читатель сам подберет сравнение, вдруг ему нравится, когда, допустим, сосед развлекается такой музыкой еще и в ночное время...

Чтоб не слушать пьяные голоса, мы спустились в ресторан. Время было к обеду, и стол накрыт.

Мой сосед по столу, писатель-молодожен (ему семьдесят, ей вполтину меньше, первое путешествие за рубеж, может быть и свадебное), сокрушается:

— Знаете, прямо напротив нас какие-то два жлоба пьют и орут что-то неприятное. Хорошо, что я не понимаю по-шведски.

Встревожен не на шутку.

— Ничего! Выпьют все пиво — уgomонятся... В крайнем случае пойдем и поколотим их. Нас-то ведь четверо. Или купим пива, выйдем на балкон, вот только где бы по магнитофону взять. Между прочим, лучшее средство. Однажды я так легко уgomонил своего соседа, любителя-меломана. Поставил маг на пол, надел ботинки и сплясал. Получилось чудесно.

Молодожены смеются, успокаиваются и приступают к обеду.

Я не стану описывать шведский обед в гостинице «Карлтон». Скажу только: он хороший, сытный, вкусный, лишь без традиционного для нас супа и вместо хлеба нечто, похожее на сухие галеты. Уж не раз упоминал, что хлеб на Северном Западе словно бы не в моде. Его предпочитают избегать, кроме воздушных утренних булочек и тех длинномерных батончиков. А вот шведский завтрак или «шведский стол» я рискну описать, забегая несколько вперед. Он значительно отличается от «европейского». Утром в том же ресторане отдельные столы накрыты, как и у нас на ярмарке-продаже. Горами булочки, сыр, нарезанная колбаса, масло, конфитюр, а также кофе в больших кофейниках, чай, естественно в чайниках, молоко и сливки. Подходи с тарелочкой, бери сколько нужно, наливай чай-кофе, клади сахар и трапезуй за отдельным столиком. Не хватило — добавь, подходи снова, хоть десять раз (правда, такого я не видел, но могу предположить, что возможно), никто тебя не оборвет. Норма и плата за продукты, должно быть, рассчитаны на средний аппетит. А поскольку Швеция и вообще страны этого региона не славятся обжорством и всякого рода раблезианством, то стол по-шведски выгоден. Себе в убыток здесь не обслуживают и не торгуют. Прислуги минимум — только те, кто меняют чайники и подносят еду. Аппетит мужской уравнивается женским — ведь все не все, но многие женщины всю жизнь стараются и мечтают похудеть

(на мой вкус, несносное качество), едят как птички. Никак только не могу понять, откуда их полнота?

Все четко, просто, демократично, без лишних церемоний. Но у шведского стола есть и железный закон, кстати, соблюдаемый на всем Северном Западе: не должно оставлять на тарелках объедков, закусанного хлеба, корок, несъеденного сыра, масла, сахару. На человека, полубрезгливо ковыряющего в тарелке, оставляющего, едва отведав, разворошенную еду, смотрят (и, думаю, справедливо), как на дикаря, троглодита и даже на существо из животного мира, по словице рожущегося в апельсинах. Пища — ценность. Ее надо использовать по прямому назначению. Продукты питания здесь дороги или не дешевы. Гораздо дороже, чем у нас дома. И русскую расточительность в еде и хлебах я могу объяснить баснословной дешевизной от привычно немеренного богатства.

В первый день мы побывали на приеме в своем посольстве. Думали-гадали, когда ехали, сейчас нас встретят, усадят за столы, ну, в крайнем случае, фуршетик стоя... Оказалось, все проще. Некий советник — не припомню, не записал имени-отчества — принял нас с ледяной любезностью. Провел по залам роскошного нового здания, на скользком паркете отражались пальмы — зал, чудо для приемов. А потом в разникелированном зале нам прочли скучную нотацию, как вести себя в Стокгольме. Не ходить на красный свет (штраф очень большой, не хватит всех наших крон), не гулять по ночам, не задерживаться в значных местах, не... — и так далее. Воспитательный момент. Читавший же лекцию больше походил на чопорного иностранца, чем на соотечественника, — вот что значит жить за границей, — и, помнится, все без исключения вышли за крепкие ворота посольства с некоторым недоумением во взорах. Зачем приглашали? Вот так радушие к своим. Пусть уж сие останется на совести дипломатов. «А ведь стало и очень стало бы», — как писал Гоголь в «Ревизоре», — принять группу потеплее. Были в ней люди заслуженные, в том числе два фронтовика со Звездами Героев Советского Союза. Оставляю информацию для сведения и размышления. Писать — так правду и только правду.

Вечерний Стокгольм. Город этот довольно прост в планировке. Улицы прямые. Заблудиться мудрено. Тихий розовый вечер с прелестного тона синими тучами. Над башнями и церквями кружат ласточки и стрижи. Здесь их много. Светится стеклянная башня-фонтан на одной из некрупных площадей. Нелюдно, однако со всех сторон рокочущий скрип роликовых коньков, на которых здесь бешено гоняют здоровенные парни и девушки им под стать. Роликовые коньки в Швеции, похоже, мода и бедствие для нормальных пешеходов. Иди и берегись, могут снести, толкнуть, а то еще и гаркнуть над ухом и — дальше. Вечер выводит на улицы разного рода искателей приключений. Вот вагага веселых юнцов в огромном открытом автомобиле-колымаге мчит куда-то, явно пренебрегая правилами уличного движения. С ревом несутся на ярких японских «Хондах», «Тойотах» парни в цветных шлемах, судя по скорости, кандидаты на больничную койку.

Японцы наводнили европейский, и только ли европейский, рынок мотоциклами-чудовищами, мотоциклами-красавцами. Эти «звери» — так хочется их назвать — даже с виду сверхмодные, быстрые, яркие, глазастые, машины с двумя, четырьмя, шестью цилиндрами так и прут на тебя из витрин. Сила, скорость, мужество, красота! Но скольким юношам она стоит жизни! Молодость жадна до впечатлений, молодость требует простора, размаха и скорости, скорости... Но обилие ревущих чудовищ на улицах вечернего Стокгольма вызывает и чувства какой-то родительской боязни за мчащихся всадников. Впрочем, это уж дело шведское, внутреннее. У нас, в России, мотоцикл вымирает в городах, может быть, также и в глубинке. Заменяется «Ладами», «Жигулями», «Москвичами». Дорожный кордон у нас строже, многочисленнее, и лихачей-«кавалеристов» давно бы усмирило суровое ГАИ.

Кроме этих лихачей вечерний Стокгольм показался мне спокойнее, чем Осло. Чем позднее, улицы его становились безлюднее, и мы вернулись в гостиницу «Карлтон».

В вестибюле ее предприимчивые хозяева устроили нечто вроде казино с рулеткой, так что и не ездя в Монте-Карло здесь можно было проиграть любые наличные деньги. Я не игрок по сути своей и никогда не стал бы рисковать даже франком, кроной, рублем. Во всех играх и лотереях мне чудится замаскированный подвох. За всю жизнь я лишь один раз сыграл во время войны на рынке, у базарного ловкача, где на разграфленную на квадраты картонку — «на номер» — ставили кто что мог, испытывая судьбу. Я поставил рубль, выиграл пять и сахарную карточку, больше играть не стал. А выигрыш не доставил мне, в общем, большой радости, ведь кто-то остался из-за него без сахара. В общем, я и жена лишь смотрели на бойкий шарик, скачущий в чаше рулетки, которую крутил не мужчина-крупье, а довольно милостивая женщина, типа горничной. Женщина знала свое дело. Бойко раздавала круглые фишки ставящим на красное или на черное, отпускала остроты, выдавала выигрыш, но чаще всего она собирала бумажные банкноты и опускала их в щель-прорезь игорного стола, очевидно, в подобие сейфа, находившегося под ним, и уталивала туда бумажки специальной плоской «толкушкой». Деньги прятались надежно на случай возможного появления в вестибюле какой-нибудь личности в черной полумаске, желающей, так сказать, «снять банк». Возможно, я и преувеличиваю, но зачем тогда такие предосторожности. Играли в рулетку довольно охотно по маленькой и, просядив свои кроны, что было чаще всего, присоединялись к зрителям. В конце концов остались двое: молодой мужчина или парень лет двадцати, инвалид в кресле-каталке, и, как видно, весьма богатый и солидный седой старик с обликом бизнесмена и не нуждающегося в деньгах человек. Парень в каталке выигрывал, старику же не везло. Он доставал из бумажника зеленые американские доллары, неким полударственным-полупрезрительным жестом кидал на стол и делал новую ставку. В конце концов, проиграв сумму, видимо, приличную, но не настолько, чтобы огорчаться, он со смехом потрепал женщину-крупье по плечу и величественно удалился.

ГЛАВА VIII.

Экскурсия по Стокгольму. Шведские школы. Мужчины на женских должностях и женщины на мужских. К вопросу о пьянстве. Национальный музей. Корабль «Васа». К вопросу о Нобелевских премиях. Куда смотрит шведское ГАИ.

Нам очень нравится полунескованное программами шведское житье. С утра, правда, опять экскурсия, но как-то неназойливо, просто по городу. Мимо каналов, набережных, площадей, церквей, пристаней, мест, где стоят конные и пешие памятники шведским героям, королям и писателям. Есть и статуя Карла XII. Говорят, что он указывает на Россию. Но что может обозначать сей жест? История взаимоотношений двух наших стран, приводившая к войнам, закончилась именно при этом короле. Карл XII возглавил войска воинственных шведов, он же, быть может, яснее других понял бесполезность, бессмысленность вражды. С тех пор ни Россия, ни Швеция не воевали друг с другом.

Проезжаем американское посольство, которое стокгольмцы зовут самым некрасивым зданием в городе. Мелькают названия ресторанов и рестораничков. Как могу понять и успеть, перевожу: «Гамлет», «Шериф», «Гурман», «Милая мама». Это, наверное, что-нибудь для детей. А это, конечно, ресторан, где преобладает мясная кухня, — «Длинноногий бык». Неплохо для Швеции.

Эми говорит, что в Стокгольме на набережной ежегодно бывает парад шляп. Ходят дамы, иные с собачками, и на собачках также шляпы.

В проспектах по городу можно прочесть много рекламных зазываний. Преобладают традиционные: «Только у нас!», «Единственный в мире...», «Самое лучшее и по умеренным ценам». Ресторан «Гамлет», например, предлагает даже набор английских фраз в переводе на шведские. Самые обходные: «Что-нибудь вкусенькое, пожалуйста». Или: «Что-нибудь типичное шведское». Или: «Только пиво и отварной картофель». Кошелек посетителей ведь может быть разной толщины. И еще: «Кофе для всех», «Пожалуйста, счет». Удобно?

Мы едем мимо старого здания парламента. По-шведски это риксдаг. Эми сообщает, что в нынешнем составе парламента 16 мест имеют коммунисты. Во время заседаний в риксдаге можно присутствовать на балконах для публики. Здание парламента отражается в воде. Здесь, в центре Стокгольма, очень много воды, всюду мосты и как бы водяные улицы. Острова и островки, конечно, застроены. Здесь самая респектабельная часть города. Живут состоятельные люди. Все ухожено, одето в камень, обстроено прочно, основательно, на века, по-шведски. Шведский характер словно чувствуется во всей застройке.

По привычке я интересуюсь шведской школьной системой образования, и Эми Валленус подробно рассказала.

Школа в Швеции двенадцати классов. 9 — обязательная, и 3, можем так сказать, второй ступени. Обучение бесплатное, включая учебники. До пятого класса ученики не получают оценок. В дальнейшем оценки есть, но пере-

водят с любими. Учись хоть на сплошные двойки! «То-то радость нерадивым!» — скажет кто-то, забывая, что это капиталистическая страна. Да, учись как хочешь, но если ты учишься на эти самые «колы-пули», ты и в жизни будешь занимать в лучшем случае место мусорщика, мойщика посуды, а скорее всего, просто безработного, со всеми вытекающими обстоятельствами. В школах есть уроки домоводства, так сказать, профилактики семейной жизни.

В школах и детских садах Швеции работает много мужчин. У шведов вообще считается, что мужчина, так сказать, обладает всеми правами женщины. Вот почему мужчины неохотно идут в полицию, а женщины служат там с большим рвением. Кажется, в Швеции была единственная или первая женщина-пастор. В Швеции домохозяйки, имеющие семью, считаются работающими. Застрахованы. И получают некое символическое пособие по больничному листу (12 крон в день). По больничному листу оплата за 8 дней без справки. На девятый требуется документ. Есть отпуск, называемый «на доверии», на два-три дня. И снова напомним, Швеция — страна капиталистическая. Если вы будете слишком часто «болеть» и злоупотреблять «доверием», скорее всего, вам откажут от места. Мне рассказывали, что если шведский рабочий в обеденный перерыв берет к столу бутылку пива, на него обязательно обратят внимание те, кому положено от хозяина или администрации обращать внимание, а если он берет и делает это постоянно, он будет считаться алкоголиком, и опять с вытекающими последствиями.

Со школы разговор переходит на пиво и проблемы, сейчас очень актуальные в нашей стране. Эми говорит, что в Швеции нет сухого закона, но есть регистрация алкоголиков. Крепкое пиво продается только в винных магазинах, которые по субботам и воскресеньям закрыты. Пьяницу или человека, явившегося пьяным на работу, уволят без всяких церемоний. Вот тут и попробуй, сбегай «за бутылкой» в обеденный перерыв. Такова алкогольная и антиалкогольная проблема в Швеции. В соседней Финляндии она еще строже. Там есть лимит на спиртное, нечто вроде карточек на год, появившегося пьяного жестоко штрафуют или отправляют на определенный срок строить аэродромы, дороги и тому подобное. А «отпетым» алкоголикам даже запрещается производить потомство. Таковы законы.

Очевидно, для развлечения, гидесса сообщила нам, что в Швеции муж, с согласия супруги, имеет право присутствовать при родах и стоять у изголовья жены. На мой взгляд, гуманно и поучительно для обеих сторон. А после-родовой отпуск вместо жены может взять муж. Не потому ли в Швеции так много мужчин работает в детских садах?

— Вот эта площадь, — говорит Эми, — называется Русское подворье. Здесь продавали русские товары новгородцы. Шведы же возили свои товары в Выборг. Торговые ряды были созданы, когда царь Михаил Романов написал шведской королеве Кристине укоризненное письмо об утеснениях торговых людей. В Москве, — улыбаясь, говорит Эми, — есть Шведский тупик. Это возле улицы Станиславского...

Объезжаем и королевский дворец, как я уже сказал,

похожий на Зимний. Эми сообщает, что король получает своеобразную зарплату — содержание от государства. Вопросами управления ведаёт правительство и риксдаг. Форма королевского дворца напоминает четкий прямоугольник с двумя более низкими открытками, обращенными к набережной морского залива. Фактически стоит дворец на острове в центре Стокгольма, где до него был сгоревший старый замок «Три короны». Это было в 1697 году. Новое здание было построено по плану архитектора Никодима Тессина. Замок охраняется специальной народной гвардией в синих мундирах и золоченых касках, с одной стороны напоминающих пожарные, а с другой — каски немецких солдат с острым шпилем-шишаком периода 1-й мировой войны.

...Королевский национальный музей — крупнейшее в Швеции собрание живописи, скульптуры, графики, предметов старины и прикладного искусства. Его коллекции показывают историю европейского искусства, доведенную от сегодняшних дней приблизительно до середины нынешнего тысячелетия. В основу положены королевские собрания и пожертвования. Особенно славится музей собранием русских икон, картин Рембрандта и французской живописи периода классицизма. Примерно так характеризуется этот музей-галерея, стоящий на берегу — не поймешь сразу — залива или канала, так как морская вода мешается здесь с речной, а рукотворные реки-каналы с естественными руслами меж островов. Музей кирпичный, трехэтажный, надежно-шведской кладки с трехрочным входом — фронтоном. Прямо к музею ведет мост. Национальный музей шведов не Лувр, в котором легко заблудиться, поэтому ходим по его залам индивидуально и есть возможность задержаться у ряда картин, которые интересуют больше других, не следить за стремительно удаляющейся группой, большую часть которой (и которых) — я не ставлю это в вину — не слишком интересуют ни старые, ни новые мастера.

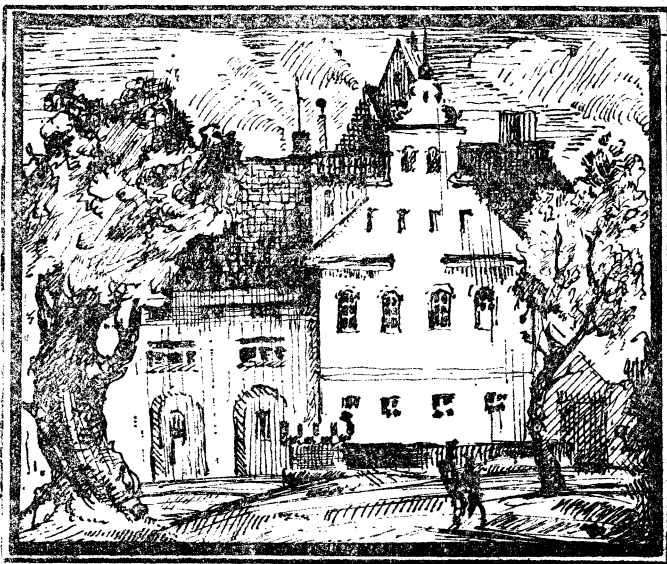
Описывать музей-галерею — неблагоприятная задача. Либо надо писать о широко известных шедеврах, о картинах, хотя бы со скандальной славой, либо... В общем, галерею надо смотреть, как картины Лильефорса, где совсем как будто живая лиса играет со своими лисятами, летают птицы, порхают бабочки. Кот ловит зяблика.

Лильефорс — картины есть в галерее, — может быть, провозвестник нового направления в живописи, изображающего, так сказать, лики животного мира. Мира, который, на его исходе от наших рук, мы еще только-только начинаем узнавать, изумляться ему, не отказывать ему в разуме, «гуманизме», этике, совести, индивидуальности, то есть во всем, не говоря уж о красоте, эстетике — ее-то мы все-таки замечали, крадясь с сачком за редкостной бабочкой, вылавливая раковину, сажая на окно или в сад растение — во всем, что даст художникам право писать портрет быка, лошади, льва, совы и, как знать, может быть, медузы или осминога. Впрочем, лучшие художники всегда замечали и отражали-видели лики животного мира в обличье

человека. Вам не встречались мужчины с лицом медведя или бизона, а также женщины с глазами лани или мурены?

В тот же день мы посетили еще одну шведскую достопримечательность. Это был старинный военный корабль «Васа», построенный на королевской верфи Стокгольма в 1625—1628 годах.

Как повествует путеводитель, «Васа», построенный по приказу короля Густава II Адольфа, был спущен на воду 10 августа 1628 года, но, не успев даже выйти из гавани, по неустановленным причинам вдруг наклонился, зачерпнул воду через пушечные портики и с поднятыми парусами и флагами пошел ко дну. Он затонул на сравнительно небольшой глубине — 32 метра. Многие члены экипажа, женщины и дети, бывшие на торжественном спуске судна, погибли. В 1664 году с корабля удалось снять пушки (53 из 54). Затем о нем забыли, потеряли местонахождение и лишь через 333 года, в апреле 1961, корабль «Васа» был поднят на поверхность. Предварительно он был сдвинут понтонами на мелководье. Корабль «заселили» археологи, тщательно собравшие все, что удалось найти. Корабль «Васа» огромен для своего времени, может быть, даже чудовищно огромен. Его длина 62 метра. Высота от киля до верха грот-мачты 49 метров, водоизмещение 1300 тонн и площадь парусов 1200 квадратных метров. Экипаж составлял 437 человек. Из них 3 офицера, 12 старшин, 12 ремесленников (путеводитель имеет в виду сапожников, слесарей, кузнецов и т. п.), 90 артиллеристов и 300 солдат. К счастью, во время пробного рейса солдат на борту не было, и погибли около 30 человек, вместе с командиром датчанином Сёфрингом Хансоном. Корабль, столько лет пролежавший под водой, на воздухе начал разваливаться. Для того чтобы это приостановить, его в течение десяти лет пропитывали консервирующей жидкостью и антисептиками.

Такова история корабля. Сейчас это музей, и мы посетили его. Корабль отреставрирован на славу, на нем установлены все утраченные части, резные деревянные скульптуры. Судно можно осмотреть, проходя по мосткам возле него или с антресолей понтонного помещения (корабль стоит под крышей), угнетает лишь запах консервирующей жидкости, довольно противный. Приведены в музей также документы о том, что было на корабле, сколько жалования платили морякам и солдатам, какой выдавался натуральный паек. Из пушек сохранилось 3 двадцатичетырехфунтовые. Орудийная прислуга у каждой такой пушки состояла из 8 человек!

В музее демонстрируются фильмы о подъеме корабля. Специальные гиды читают лекции. Музей-док находится на острове Диургерден.

И снова мы предоставлены сами себе. Экскурсий сегодня больше нет, и мы рады этому обстоятельству. В конце концов надоедает все: архитектура, готика, старые мастера, галереи, магазины — все это можно принимать в меру и не следует объедаться. Туристов-путешественников все фирмы без исключения явно перекармливают, и шведы, пожалуй, здесь на высоте. Я уже сказал, что надоедает все, что предписывается принудительно. Зато никогда не приедается простое понятие «бродить по новым местам», по городу, где можно и любоваться все теми же, но самостоятельно открытыми памятниками старины, а то и просто считать в небе ворон и голубей, дышать воздухом, которым дышал Андерсен или Амундсен, посидеть в парке, постоять на мосту через канал или залив, глядя, как полощутся утки и державно плавают лебеди. И я в музеях люблю гулять, как гурман, и вместо.bestолоковой беготни присесть где-нибудь на банкетку, любясь знакомой или приглянувшейся картиной подолгу. Вот так смотрел сегодня полстна Цорна и Лильефорса.

В Стокгольме, да еще имея карту-проспект, заблудиться мудрено. А возле широкой Кингстатон, где находится отель, и вовсе просто ориентироваться. Мы идем по ней до площади Хётorget, где расположен знаменитый концертный зал, или, скажем так, филармония. Ну и что особенного в этой филармонии, голубоватого тона здании с десятью коринфскими колоннами вдоль фасада? Филармония и в Свердловске есть, пожалуй, не хуже. Но дом я недаром назвал знаменитым, во-первых, у главного входа, прямо в ступенях, бьет фонтан, в котором стоят бронзовые скульптуры муз и над ними, как бы парящая в водяных струях, статуя Орфея, волшебного певца мифической Эллады древних богов и героев. Фонтан «Орфей» подобно копенгагенскому фонтану Гефион, отпахавшей Данию от Швеции, считается одной из главных достопримечательностей Северной Венеции. Создатель скульптурной группы Карл Миллес, в музей-усадьбу которого мы должны ехать завтра. Но не только фонтаном знаменито голубое здание с колоннами. Здесь 10 декабря каждого года вручаются Нобелевские премии в области науки и литературы. Каж-

дый год в этот день мир узнает новых счастливицев и новых гениев, прежде, может быть, не слишком известных.

Стою на ступенях возле поющего Орфея. Смотрю, как играют водяные хрустально-ломкие, с особым шорохом спадающие струи. Мокрые музы смотрят на Орфея. А жена убеждает меня, что, раз я родился 10 декабря (так оно и есть) да еще стою сейчас на ступенях концертного зала — Нобелевская премия мне обеспечена в перспективе. Отвечаю, что, конечно, ничего не имею против приехать за ней сюда в свой день рождения. Но даже если и не очень повезет, все равно теперь хорошо могу представить чувства лауреатов, поднимающихся по этим обрызганным как бы весенним дождем ступеням.

Поет бронзовый Орфей. Плещет фонтан. Где-то там чудится как бы витающий в зеднем воздухе Нобелевский диплом.

Но как легко в Швеции и вообще на Северном Западе сочетается высокая парадность с деловой прозой жизни! Ведь на площади, перед филармонией, в палатках с цветными, красными, желтыми, зелеными крышами повсюду торгует, шумит овощной и фруктовый рынок. Да-да! Бойкие жгучеглазые итальянцы, а может, турки продают персики, сливы, арбузы, айву, виноград. Итальянцы в Стокгольме замещают словно бы грузин и армян в моем родном городе. И очень на них похожи. Торгуют здесь и экзотическими плодами: апельсины, ананасы, манго, еще что-то колючее, пахучее, южнотропическое. Базарная толча площадь буквально рядом сменяется высотниками современного Стокгольма, что возвышаются за зданием концертного зала. Это Хёторгсити, или «бродвей», которым, чувствуется, шведы гордятся. Сейчас «бродвей» есть во всех крупных городах мира, но, кажется, всех перещеголял Париж, ибо в нем таких «бродвеев» даже два, один в пригороде с круглыми и шестиугольными домами-башнями наподобие элеваторов, другой — в самом сердце Парижа, на берегу Сены и недалеко от Эйфелевой башни. «Нью-Йорк» у Сены имеет даже уменьшенную копию статуи Свободы, стоящую на пьедестале как-то почти в реке у одного из мостов. Это уж так, мелькнувшее сопоставление.

Меня часто спрашивали, раз уж я был в Стокгольме, то какова Нобелевская премия в размере. И кто ее присуждает. Этот вопрос я задал Эми Валлениус, и она, как всегда с юмором, живо объяснила, что премия ежегодная, размер зависит от дохода, полученного на капитал, вложенный учредителем. Сумма премии колеблется, следовательно, от 50—70 до 100 тысяч долларов. Присуждает Нобелевский комитет. Вручает диплом король.

— 50—70 тысяч? — вопрос.

— Я думал — больше! — разочарованно говорит кто-то.

— Не стоит и трудиться.

— Ну, что ж, — говорю. — Были ведь случаи, когда от премии и лауреатства отказывались. Отказался Лев Толстой, отказался Пастернак, кажется, Сартр...

Да. Господин Нобель сумел увековечить свое имя. Изобретатель динамита. Торговец порохом и российский нефтяной король, он сумел сделаться шведским меценатом, имя

которого, олицетворенное в премии, безусловно, не будет забыто.

Далее нам попадается витрина магазина сантехники. О сантехнике этой я рассказывал в очерке о Копенгагене, обещал рассказать еще. Так вот, в витрине были выставлены как бы гарнитуры для.. уборной. Ну, скажем помягче, туалета. Но какого туалета! Фаянсовый унитаз форм рококо, ослепительно белый с голубыми разводами и цветами. Нечто вроде китайской вазы. В том же стиле сливной бачок, биде, ночные горшки и тому подобная утварь — все в стиль и в цвет. Такая роскошь вряд ли была даже у мадам Ментенон и Помпадур. Посмеялись. Пошли дальше. В конце концов, тщеславию пределов нет. И ведь у Маркеса одна из героинь имела, кажется, наследственную ночную вазу из золота, что там фаянс, фарфор!

Мы шли обратно, а тем временем наперерез и навстречу нам из какого-то проулка выкатил древний автомобиль, ну точно «Антилопа Гну». Автомобиль был открытый, в нем сидела развеселая компания, юнцы и девчонки из тех, что ничего не стесняются. Компашка была явно навеселе, орала, махала руками и, кажется, ногами. Обдав нас синей газовой дрянью, «антилопа» помчалась по Королевской улице. Бежала она довольно бойко.

— Куда у них смотрит ГАИ,— сказала жена, чуть не выронившая кулек со сливами.

Я же лишь подумал, что Швеция, конечно, особая страна и, как всякая, имеет немало особенностей и чудачеств, почитающихся именно шведскими. В Швеции, например, как в не каждой стране, ни один преподаватель не имеет права занимать кафедру более десяти лет, на перекрестках нет полиции со свистками, собаки ходят без намордников. Государственные музеи и библиотеки бесплатны. А в спорах здесь не принято говорить: «Вы ошибаетесь! Вы не правы!» Здесь говорят: «Возможно, вы правы, но я думаю иначе».

ГЛАВА IX.

Разговор двух женщин. Музей, которого не было в плане. Размышление о модернизме. Экспонаты из рай. Символы искусства. «Позвольте мне работать». Сад Карла Миллеса. До свиданья, Стокгольм!

В моей коллекции фотографий из страны Северного Запада есть одна очень случайная. На снимке моя жена с каким-то растерянным видом прислушивается (очевидно, это так) к тому, что говорит ей стоящая рядом и точно такого же роста металлическая женщина с руками робота, кубической формы грудями, где соски напоминают пулеметные дула. Женщина из кубического металла, с кубическим животом и бедрами, уперев в них бронзовые руки, по-моему, жалуется на скульптора, который все ее прекрасные женские формы свел к математическим плоскостям и, вбив то, что именуется нежным женским телом, в пан-

цирь робота, заставил мучиться на потеху, иначе не скажешь, стороннему зрителю. Так как будто они и беседуют на фото: одна жалуется, другая — сочувствует, пытается утешить. Как же быть? Как помочь! И в самом деле, терпеть уже нет сил.

Фотография сделана в последний день нашего путешествия и пребывания в Стокгольме, когда, нарушив программу, все мы (нет, не все, пардон, но добрая половина, если не две трети) вместо значащегося в проспекте пункта «Свободное время» отправились в музей современного искусства, или «Модерна-музей», как называют его здесь.

Был веселый, солнечный день, но чем-то напоминающий дни золотой осени. В Стокгольме солнце словно бы не жаркое, белое, и когда мы оказались на мосту, украшенном солидной золотой кроной, и напротив Королевского дворца нам еще раз показалось, что в городе уже осень. На мосту дул ветер, он посвистывал в ряях парусника — прекрасного корабля, причаленного неподалеку, — залив ходил синей, холодного тона волной. Мост привел нас на остров Скепсхолмен, застроенный солидными каменными особняками, выросшими в каменный грунт и осененными толстыми липами, кленами и дубами. Здесь пахло спокойной несуетной жизнью векового уклада. Где-то пел черный дрозд, мягко шелестели деревья, но как бы забавным и резким диссонансом к этому фешенебельному уюту и покою на берегу недалеко от моста стояли огромные, ярко размалеванные в синие и красные полосы раскоряченные муляжи не то кукол, не то игрушек на манер наших дымковских, увеличенных в сотни раз. Иные «игрушки» стояли вверх ногами, другие лежали на боку, третьи таращили грубо намалеванные глаза. Здесь же, визгливо поскрипывая и скрежеща, вращались, словно по ветру, железные конструкции, как бы скелеты, склепанные из старых велосипедов, сломанных плугов, коряженых кроватей, и тому подобное. По путеводителю, на обложке которого и были как раз эти яркие монстры, я прочел, что это подарок музею от неких художников-модернистов с названием «Райские фантазии».

«Один из лучших в Европе», — как сказано в проспекте, — «Модерна-музей» был открыт сначала в старом флотском здании в 1958 году, а впоследствии реконструирован и расширен. Сейчас музей насчитывает 3340 работ плюс 200.000 экспонатов примыкающего фотомузея и библиотеку в 15.000 томов, есть мастерские для творчества детей и взрослых, зал для кино-театральных представлений и тому подобное. Это, по-видимому, шведское воплощение «Центра искусств», подобное Центру Сони Хэнни в Осло. Интересно, что скульптуры и картины здесь разные. Модернизм как бы противопоставляется традиционному реализму в скульптуре, графике и живописи. Вот некая цветная пятнистость в раме, вот треугольники, ромбы, квадраты, перечеркнутые какими-то также цветными линиями и полосами. Картины в манере первых абстракционистов, вроде творения Делоне или Мондриана, рядом еще более загадочный коллаж, не поручусь, что не нашего ли соотечественника и основоположника абстракций Василия Кондинского, какое-нибудь там — «Сечение стрелой». А рядом,

или чуть дальше, нормальная, скажем так, живопись в простой, реалистической манере, в какой пишут выпускники художественных школ натурщиц, и дипломные творения верхних классов художественной академии. Снова люди в рамках, похожие на сонм уродов и привидений, и опять реализм, даже блестящий. Картина «Жемчужное ожерелье», где фигурно изогнутая красotka в вечернем платье примеряет жемчуг.

Соглашусь, что такая подача модерна, безусловно, обогащает экспозицию, дает пищу для размышлений, сильнее подчеркивает все эти кубизмы, футуризмы, дадаизмы и конструктивизмы, весь этот поп-арт и абстракции. На реализме отдыхает разум и глаз, и, как знать, всегда ли в пользу главных экспонатов «Модерна-музея» делается вывод. Но, наверное, и здесь действует золотое шведское правило: «Может быть, вы и правы, но я думаю иначе».

Попытаюсь описать некоторые наиболее примечательные экспонаты. Вот сюрреализм — картина Сальвадора Дали со сверхсимволическим названием. «Мистерия Вильгельма Телля». Одна из первых крупных (по масштабу) картин испанского художника. Коричневые и желтые тона. На переднем плане инструмент, видимо музыкальный, типа пианолы без ножек. Над ним фигура полуголого мужчины, жилетка и шляпа есть, все прочее отсутствует. Мужчина стоит на одном колене. Одна из ягодиц его вытянута в бревноподобный предмет, концом лежащий на черной рогульке. Но, наверное, зря описываю я всю эту явную глупость, потому что, по объяснениям критиков и знатоков, сюрреализм, видите ли, непознаваем. Да, познать тут можно лишь стелень шарлатанства и болезненности воображения творца. Иного от такой живописи не выносишь.

Однако здесь есть и картины, зовущие к размышлению. Вот Эрнст Кирхнер. «Марцелла». Худая, тощая даже, девочка-подросток со всезнающими глазами, с детства познающими изнанку жизни. Картина Миро «Мул в огороде», — некоторое подобие маленького ослика, что щиплет травку на дачном участке. Ну что же... С таким же успехом подошло бы к полотну известное всем: «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька». Сугубо абстрактные картины я вообще не комментирую. Незачем. Их можно лишь смотреть, даже не пытаясь что-то понять, ибо смысла тут нет.

Гораздо больше, на мой взгляд, этого смысла в абстрактной скульптуре и конструкциях. Вот Клес Олденбург. «Геометрическая мышь». Действительно, нечто из плоскостей и кругов, напоминающее диснеевского Микки-Мауса.

А вот, пожалуй, наиболее «со смыслом». Это Мере Оппенгейм. Конструкция «Моя гувернантка». На тарелке и еще на салфетке упакованные на манер жареной курицы две туфельки, каблучками вверх, на каблучках бумажные папилютки, как это делается в ресторанах для отбивных с косточкой. Любопытно? Ведь символика людоедская. О чем мечтает милый мальчик при виде своей гувернантки.

А дальше мы видим на постаменте обыкновенный унитаз. Как бы в пару к нему, водопроводный кран, довольно точно передающий некую часть мужского тела. Автор этого

искусства Марсель Дюшамп. Дальше — больше. Скульптура мужчины, спутанного веревками, и даже натуральная клетка-камера, заглянув в которую можно увидеть там арестанта.

Может быть, символика скульптур и не так проста, но у нормального, здорового человека она рождает, по моему мнению, либо недоумение, либо желание решать эти загадки как ребусы-шарады, либо усмешку, либо негодование и стыд за бесстыдство художника. Символы искусства, которые как-то с пещерных времен принято называть прекрасными и возвышенными, упрощены здесь до символов элементарных ощущений, таких, как боль, страх, отвращение, ужас и, в лучшем случае, любопытство. Здесь, в этих спокойных, светлых залах можно долго стоять перед какой-нибудь абракадаброй из железа, бронзы или красочных линий, но большинство их, повторяю, не рождает того чувства, какое рождает и должна рождать истинная живопись или скульптура, чувства, сходного с тем, какое охватывает душу, когда глядишь на морской простор, реку, лесную даль, грозу, улыбку женщины или опушку желтеющего поля.

Допускаю, что мы вышли из стен «Модерна-музея» более просвещенными в «измах» и «артах». Многие из нас еще раз здраво пытались понять их суть. И я убежден теперь — нет лучшей агитации за реализм, за здоровую живопись и красоту в искусстве, чем общение с модернизмом. Может быть, эта очень тайная мысль и заложена в музей его создателями?

Во дворе музея есть стенка, расписанная детьми. Есть много детских работ. Детям, желающим поупражняться в рисовании, здесь дадут краски, бумагу, кисти. Твори! Пиши, что хочешь и как хочешь!

Ну что же! Может быть, это и есть стимул. Но почему-то я уверен, что любые виды модерна лишь косвенно влияют на реализм, они, возможно, не дают ему застаиваться (вспомним о влиянии яркоцветных импрессионистов на каноны классической живописи!), но они никогда не заменят реализм. Он всегда останется главным методом искусства, так же, как здоровое начало природы и человечества, инстинктивно чуждающееся и страдающее от вида уродства и добровольных вериг.

Возвращались из «Модерна-музея» совсем не той оживленно предвкушающей запретные блага толпой. Даже заметил, как приуныли просвещенные знатоки, у которых все с придыханием: «Ах, Дали! Ах, Шагал! Ах, Матисс!» Действительность трезвее мечты.

В усадьбу скульптора Карла Миллеса, столь же великого и прославленного во всем мире, как и в Швеции, ехать надо из Стокгольма на остров Лидингё. Здесь, на скальном, обрывами спускающемся к морю берегу фиорда, где растут сосны, а вдали виден Стокгольм и словно бы вся Швеция, еще будучи двадцативосьмилетним, скульптор выбрал место для усадьбы. Синий в холодную сталь залив, светлые с пестриной, как грудь сокола, скалы, серое небо,

чуть более теплое, чем дали и фиорд. Шумят сосны. Над железными воротами входа в усадьбу надпись: «Позвольте мне работать, пока длится день». Заповедь, пожалуй, всех истинных художников и мастеров. Им ведь так часто не дают именно работать, реализовывать свою неведомо кем вложенную суть. Их поправляют, одергивают, указывают перстом, совращают на легкий и хлебный путь. Среди сосен стоит странный дом в античном стиле с террасами. Фонтаны. В них купаются бронзовые женщины, быки и сам Посейдон, бог моря с рыбиной в руках взирает на кипящее торжество воды. Вот прекрасная в своей мощи женщина — Европа, укротившая быка — Юпитера. А далее на столбах-колоннах стрижами вьются не то черти, не то ангелы с узкими крыльями и с коньками на ногах. Вся усадьба Миллеса — музей под открытым небом, памятник труду, таланту, энергии, упорству Человека.

Я уже упоминал о фонтане Орфея, встроенном в лестницу Стокгольмского концертного зала, там, где музы и жена Орфея Эвридика слушают волшебного певца. Миллес озадачил им городской магистрат, и проект, прежде чем стать достопримечательностью столицы, едва не был забаллотирован. Такова доля мастера, опережающего время и современников. Как часто по этой причине уродливая и угодливая посредственность «украшает» города, площади и парки. Лезет в глаза пустяковая ложноногосназначительная идея, прет многопуде, идет мимо равнодушные. У Миллеса равнодушных нет. Им можно либо восторгаться, как, например, его «Рукой творца» — представьте огромную бронзовую ладонь, на пальцах которой изваян человек, — либо негодовать, что это за бог моря, что за Посейдон — с рыбиной в руке, точно сбжавший откуда-то или ограбленный, раздетый догола рыбак?

Миллес, как многие художники и скульпторы, любил воду, она органически входит во многие его творения и здесь, на усадьбе, представлена во всех видах: бурлит, брызжет, льется потоками, просто стоит тихим бассейном, в котором цветут розовые кувшинки.

Миллес и его жена Ольга, помощница и возлюбленная, похоронены здесь же, в своей усадьбе, которую годы и годы они строили, превращая в сад искусства. Судьба трех скульпторов — датчанина Торвальдсена, норвежца Вигеланда и шведа Миллеса — удивительно сходна. И Миллес долго странствовал по свету, жил в США, пока вернулся в Швецию, и нет в ней крупного города, где бы не стояли его статуи. Нет сколько-нибудь известного шведа, кто не был бы воплощением в миллесовской бронзе. Легендарный Густав Васа — основатель шведского государства, писатели Тэнгер и Франсен, путешественник Свен Гедин, рыцарь Энгельбрект и многие, многие другие изваяны руками Миллеса, стоят на постаментах в шведских городах и городах мира. Здесь, в Миллесгордене, «дворе Миллеса», они повторены или представлены моделями.

Вот с волнением смотрю на давно известную по репродукциям группу «Человек и Пегас». Лежащий конь и несущийся над ним человек — чудо экспрессии и бесконечного движения. Летят и летят в небе две бронзовые фигуры.

Крыло Пегаса едва касается гранитного пьедестала. Едва касается!

Этот швед умел преодолевать пространство, время, законы динамики. Это может только великий художник. У него настолько свое лицо, что, взглянув на любую статую или группу, без ошибки скажешь: «Это Миллес!» Точно так же неповторимы почерки Вигеланда, Торвальдсена, Родена или Майоля.

И, может быть, только здесь, в саду над фиордом, под шум сосен и плеск воды, под полет и танец всех этих мчащихся, летящих, плывущих фигур я понял, кажется, как откровение может быть, еще раз смысл жизни художника — преодолевай привычное, молву, тяготение, страсти, страх, расчет, собственную немощь, — все, что тянет, давит, отягощает, связывает руки, глаз, язык. Долой эти пути! На слом повседневный хлам жизни! Долой! И ты свободен, перед тобой безбрежные горизонты, может быть, океан, который надо переплыть, и если ты отважишься на это, дашь людям красоту, дашь новую мысль, новое нечто, чего у них до тебя никогда не было и без тебя не будет, ты найдешь счастье, в этом счастье для них и для себя, наверное, смысл бытия художника.

Наутро мы ехали в аэропорт. Улетали из Стокгольма. С Северного Запада, домой! И мне вспомнились слова шведского скульптора Брура Юрта, о котором я не успел рассказать читателю. У Юрта была судьба, сходная с Миллесом. «Именно долгая жизнь за границей научила меня понимать Швецию», — сказал Юрт. Мы были за границей недолго. Но и за эти недолгие дни, кажется, все еще лучше научились понимать всю Россию, как, не живя в России, вряд ли столь остро видели и понимали этот Северный Запад. «Может быть, я не прав, но думаю так».

МЫ — ДЕТИ ТВОИ, СЕВЕР!

Семен НЯРУИ, композитор

Традиции и обычаи моего народа рождены кочевым образом жизни, который с незапамятных времен веет ненцы. Кочевье сложилось семейные традиции, обычаи давать имена, вести родовые занятия, строить чум.

Первое, что очень важно сохранять, — семейные традиции. Имя человеку в тундре дается основательно, емко, считается, что во взрослой жизни человек должен оправдать его: «Ярколана» — метко бросающий аркан, «Ильне» — женщина, дарующая жизнь...

Печально, что воспитатели в интернатах дают нашим детям русские имена, пренебрегая табуированными, родовыми, которые родители дали им в тундре. Да это и неудобно: детей с одинаковыми именами и фамилиями в одной школе столько, что приходится метить кличками: «Худи Коля-тундровой», «Худи Коля-поселковий»... Это неуважение к целому народу. Во взрослой жизни пуганица имен проявляется еще более нелепо. В поселке Се-Яхе продавец пожаловалась милиционеру, что в магазине Окоэтто Василий дебоширил, сквернословил. Пришлось блюстителю порядка арестовать пятерых людей по имени Окоэтто Василий, только после этого выяснилось, кто виноват...

До пяти лет ненецкий ребенок, если мальчик, воспитывается матерью, а затем вступает в жизнь мужчины. Отец учит его езде на оленях, стрельбе из ружья, изучению тундры.

Второе, очень важное в жизни ненца, — природа. Она дает все: пищу, тепло, духовное богатство. Северяне поклоняются ей, относятся к ней ревностно, бережно. Один раз в год, только весной, разрешается охота на пернатых по закону Севера...

Третье — художественно-прикладное искусство. К творениям своих рук и ума ненцы относятся как к само собой разумеющимся вещам. Сделал оленевод нарту без

единого гвоздя — этому творению стоять бы в музее на удивление другим, а он запрягает оленей и едет по своим делам. Многие охотники — искусные кузнецы: куют капканы, копыя, ножи, кольца для упряжки. Все это тоже прививается с малолетства. Малыши сызмальства рисуют на песке, на льду, на снегу.

Ребята у нас талантливые. Жаль, что в школах округа мало внимания уделяется музыке, живописи, хореографии. Назрел вопрос об открытии в Салехарде школы искусств, где маленькие северяне могли бы раскрыть и проявить свои таланты.

Я — за кочевой образ жизни ненцев в тундре. И навыки, и народные промыслы, и опыт — всё рождается в тундре. Только в кочевье сохраняются социально-экономические устои бытия, только там поддерживается еще самобытность нашего народа.

Нет северянина, который бы один, как перст. Родни много. Этому я радуюсь. Отец родом из Ныдинской тундры. Всю свою жизнь работал на партийной работе, был первым депутатом-ненцем Верховного Совета СССР, встречался с М. И. Калининым. Мать — из приуральского рода Неркажи, бабушка по отцовской линии — из гыданского многочисленного рода Яптик, а жена — из ямальского рода Яптик. Тестя Нелёко Яптик работал почтальоном, его так и звали: Почта-Яптик. Он добровольно принял тяжелую по тем временам транспортную работу на оленях. Тестю нравится, что я собираю народные напевы. Когда едем по тундре, я тихонько пою, а Нелёко перестает погонять оленей — слушает...

Положительное то, что коренные ненцы получают образование, профессии, общественную и социальную значимость. Молодой ненец, рыбак из Нового Порта Палевич Окоэтто — депутат Верховного Совета СССР, написал книгу о проблемах рыбного промысла в Обской губе. Иван Ламдо летает на вертолете МИ-6, а Валерий Худи — кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени, работает сварщиком на газопроводе Ямбург — Елец-П. Оленевод Сергей Окоэтто стал

лауреатом премии Ленинского комсомола. Мюсена Гусида с побережья Карского моря на XXVII съезде партии представляла охотников, рыбаков, пастухов...

Как не радоваться за таких людей!

Евдокия Михайловна ПИМОНЕНКОВА, учитель, заведующая кабинетом русского и родного языков Магаданского института усовершенствования учителей

С малых лет все дети в нашей эвенской семье по мере сил участвовали в делах взрослых — в заготовке дров, льда и снега для воды, поддержании костра и порядка в яранге, в выпасе оленей. В военные годы, особенно после смерти родителей, жилось трудно, нередко и голодно, даже в школе-интернате. И здесь дети участвовали в заготовке дров и воды для классов, топчили печи, стирали одежду, помогали на кухне. С детства учиться обслуживать себя — так велось в тундре.

На мой взгляд, ныне дети живут слишком легкой и беззаботной жизнью. Так мы вырастим белоручек, иждивенцев...

Сегодня «Уроки оленеводства» в школах, ученические производственные бригады помогают осваивать профессии оленевода, рыбака, охотника. Но лучше всего этому способствует тесная связь с семьей, пример родных. И этот, самый верный, путь воспитания кадров, которых постоянно не хватает на Чукотке, — пока для нас проблемный...

Забота об окружающих, взаимовыручка — вот еще те обязательные качества, которые нужно всемерно поддерживать у молодого поколения. Сколько помню, все мои родичи были отзывчивы, добры. Стоило матери или тете Мариш Рульгынеут увидеть, что к стойбищу приближаются пещие или на упряжке, — сейчас же начинают готовить еду и горячий чай, стелят шкуры: с дороги люди должны поесть и отдохнуть, будь то родные или вовсе незнакомые. Это замечательный обычай.

Северный морской путь

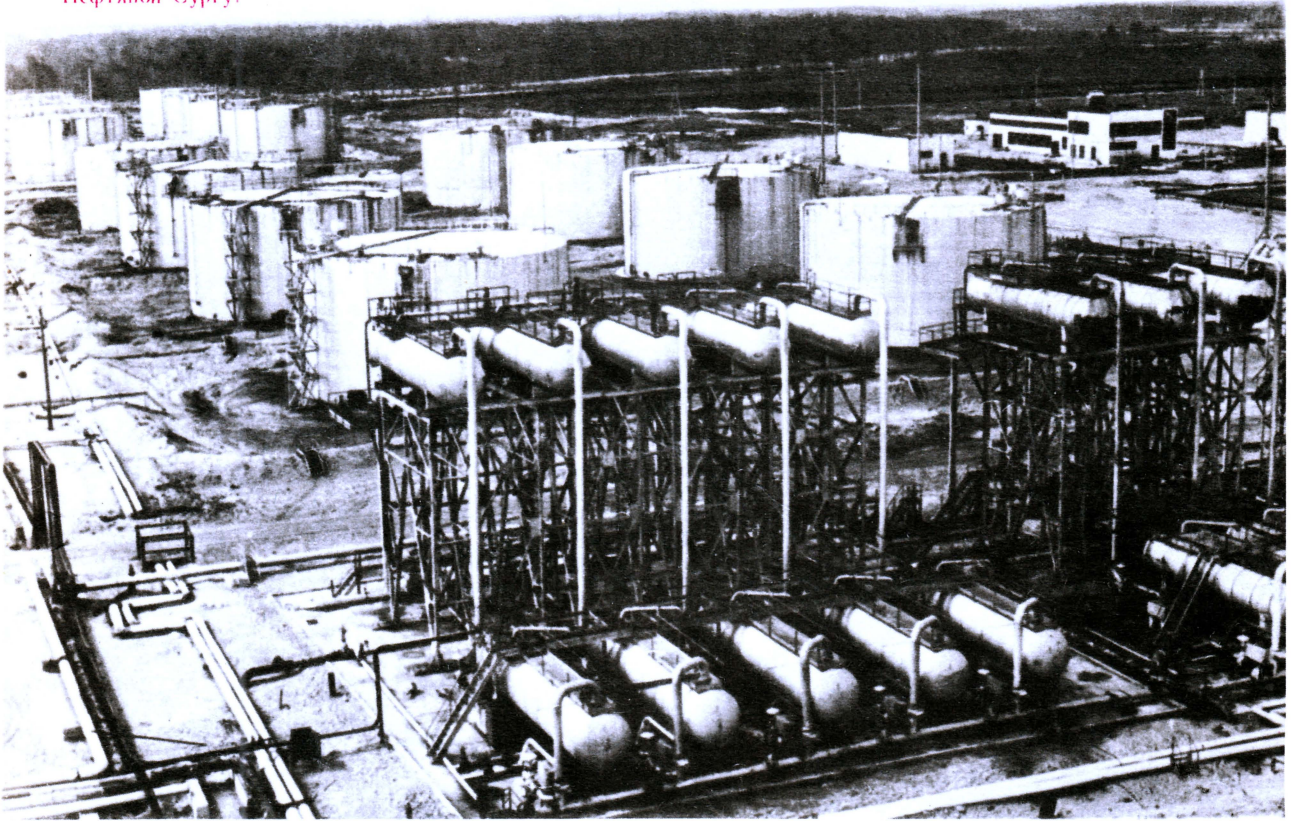
В нефтяной промышленности обеспечить к 1990 году добычу 625–640 млн. тонн нефти и газового конденсата. Продолжить развитие нефтяной промышленности в Западной Сибири...

В газовой промышленности довести к 1990 году добычу газа до 835–850 млрд. куб. метров. Ускорить вовлечение в разработку Ямбургского... и других газоконденсатных месторождений... Осуществить работы, связанные с организацией добычи газа на полуострове Ямал.

Ускорить геологоразведочные работы на нефть и природный газ на территории Западной и Восточной Сибири, на европейском Севере СССР...

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года.

Нефтяной Сургут

«Все шло своим чередом — промышленный зверь, лови рыбу. Но вот появились в стороне Заката солнца новые люди — они делают железную дорогу, по которой будет бегать железная машина с вереницей железных парт. И в стороне Восхода солнца тоже обосновались люди — эти зарывают в землю толстую черную трубу. По ней будет ходить горючий черный жир таежной земли. Теперь надо думать не только о соснах и ягельнике, о реках и озерах, но и о железных партах и о черной трубе... Сколько лет тут жил и был уверен, что кроме зверя и рыбы здесь ничего нет. А тут, как сказывают знающие люди, большое и очень нужное богатство открыли — нефть. И газ. Что ни говори, радостно слышать такую весть о своей земле. Радостно, но и боязно...»

ЕРЕМЕЙ АГШИН,
из повести «Звезда утренней зари».

Фото Е. Баркуна, А. Кирюшина, В. Шумкова, г. Магадан,
И. Сапожкова, г. Тюмень

Тундровики

Наперекор стихии

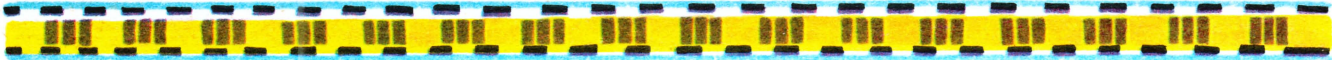
Трассовики

Фото И. Сапожкова

Морской охотник

Мыс Дежнева и поселок Наукан

Каменный Нос,
памятник Семёну Дежневу

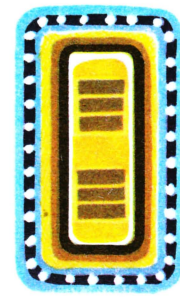

Солнечный день на острове Врангеля

Памятник
Витусу Берингу
в селе Никольском

Город Магадан,
площадь Дзержинского

nalungilat qanoq anorerssuit sujorssugut,
 sapãtip akunere nãssardlugit qanoq anertikartut
 tãrdlo sujorssungnermingnik tordlulãvfigalugit.
 anorit peqatigalugit erinarssorpunga:
 »ilingnik qilanãringningnera
 Nevuqarme qimãpara

ЗЕМЛИ МОЕЙ НАЧАЛО

С приютом детства моего
 пришлось расстаться мне.
 Я нынче ночью
 вновь его
 увидела во сне.
 И стало на душе легко,
 и снова день-деньской
 был берег детства далеко,
 но все-таки — со мной!
 Со мной
 прибрежный гравий,
 гремящие валы
 у вечной, златоглавой,

Soja Nenlumqina

обветренной скалы.
 Со мною
 ваша чистая,
 простая красота,
 скалистые, дернистые,
 высокие места!
 Отсюда солнце
 всякий раз
 по всей стране
 идет рассветом.
 Я в Наукане родилась,
 чтобы идти
 за солнцем следом.

inuk nunalo

Inungnik taigdliat
 Sibiriamêrsut

inuk nunalc

Inungnik taigdliat Sibiriamêrsut

kalãrdlisut taigdiarerqissoq nugterissordlo
 Otto Sandgreen

nevuqartũmit rúsisũmidlo nugterissut
 Michael Fortescue ãma Peter Jessen

ãrqigssuissoq kinguleqũmigdlo agdlagtoq
 Peter Jessen

titartagartalersuissoq Ungãq (Else Poulsen)

naqiterisitsissarfik »Tulugaq/Ravnenc«
 København 1984

«ПТИЦЫ НАУКАНА» — первая книга молодой эскимосской поэтессы
 ЗОИ НЕНЛУМКИНОЙ, посвящена счастливой судьбе маленького муже-
 раздумьям об окружающем мире, о любви.

Книга поэтессы, выпущенная Магаданским книжным издательством,
 была переведена и издана в Дании.

Предлагаем читателям стихотворение из книги стихов «ПТИЦЫ НАУ-
 КАНА».

В МЕСЯЦ БОЛЬШИХ ХОЛОДОВ

Алишет НЕМТУШКИН

Рисунки Е. Охотникова

Повесть*

Это было в пятидесятые годы, кажется, уже в такие далекие года...

Наступал месяц Хугдарии — по древнему эвенкийскому календарю время Глубокого Снега и начало Больших Холодов. Недобрый оно было всегда на земле эвенков. Крепким, беспробудным сном уснула тайга и тундра. Присели, укутались снегом ели и лиственницы, сосны, кустарники, застыли немо голые деревья. В воздухе повисли мохнатые хрустальные льдинки, кругом — белый туман. И ни единого звука, ни дуновенья...

Зверьки и птицы попрятались в норы и гнезда, зарылись в снег. Лоси забрались в самые густые чащи и стоят, закуржавевшие, замерев, боясь нарушить эту мертвую тишину. Олени сбились в плотные кучки, прижались и дышат под себя — так теплее.

Лишь иногда в лунную ночь откуда-то издалека донесется тоскливая, щемящая душу песня: «У... у... у! У... у... у!» Жалобная, горькая не от хорошей жизни волчья песня... Не зря сказано — голод, брат, не тетка! В другой раз, гремя со-сульками, как гирляндами, несется, ломая лес и заставляя дрожать всю окрестную тайгу, медведь-шатун. Так ведь тоже, бедняга, несется по нужде, одна забота — где бы кого заловить. И снова все кругом мертво.

В такую пору люди отсиживались в чумах и грели бока у огня. Только костер мог спасти человека. Поедались все скудные припасы мяса, рыбы, хлеба. Вот почему и не любили это время. Обманул морозы, так считали раньше, — не пора еще, значит, отправляться в нижний мир, к предкам. Есть еще силы, живи и делай добро для тех, кто в этом нуждается.

...И зачем в такое время куда-то гнать оленей? Запалишь легкие и сердца животных, потом, к весне, их, бедняг, не будут радовать ни солнце, ни зелень. Не жильцы они на свете. Как чахоточные люди, будут утробно кашлять, содрогаясь всем туловищем и в конце концов упадут где-нибудь за кочками и больше не поднимутся. Хэ!..

* Журнальный вариант.

Непонятны маленько новые лучи*. Построили избышки на факториях... Мороз не мороз, темнота не темнота — запрягай, друг, нарты, поехали за грузом, за почтой... Вези уполномоченных!

Зачем испытывать период Хугдарии?..

В колхозной конторе, в просторной, рубленой топором избе без всяких перегородок, со щелястым, истоптанным полом, и в будни-то дверь редко закрывалась. А тут по случаю отъезда народного судьи района Ани Комбагир, милиционера Николая Чиркова и бывшего продавца Ванчо Удыгира, считай, сбежалась вся фактория от мала до велика.

Дверь конторы, вся закуржавевшая, с улицы обитая твердой сохатиновой шкурой, не знала ни минуты покоя, скрипела так нудно, что председатель Ануфрий Эмидак морщился, как от зубной боли.

— Суглан**, что ли, сегодня? — оглядев вошедших, недовольно спросил председатель.

— Улицу-то, паря, не отопишь! — поддержал бухгалтер Алексей Зарубин, поживаясь в своей телогрейке. — Народное добро в трубу летит!

В правом углу от дверей чернела большая пузатая бочка из-под керосина, потрескивая и шипя мерзлыми лиственничными дровами. Она служила печкой. И чтобы на ней могли уместиться чайник с ведром, бочка была приплюснута обухом топора, а кругом обложена серыми камнями так, чтобы иным уполномоченным казалось: лежит свинья с поросятами. «Свинья в закутке!» — прозвал эту бочку Зарубин. Но никто из эвенков не видел живой свиньи...

Около окна, слепо смотрящего в помещение и на улицу, сплошь состоящего из снега и льда, дышащего холодом, было пустое место — стол укладывал к печке. Он утонул в ворохе парок и бакарей, которые должна была примерить Аня. Ее одежду забрала Мария Эмидак, жена председателя колхоза, в девках бывшая Комба-

* Лучи — русские.

** Суглан — общее собрание.

гир и теперь на правах родни помогавшая собраться Ане в дорогу.

В обычные дни, когда на фактории не было никаких уполномоченных, за столом, сделанном тяп-ляп, из трех досок, сидели друг против друга председатель и бухгалтер. По мнению большинства охотников и оленеводов, они ничего не делали, а целыми днями глядели друг на друга, соревнуясь, кто кого переглядит, и за это начисляли себе трудодни.

На суглане, на котором Ануфрия Эмидака избрали председателем артели «Омакта ин» — «Новая жизнь», уполномоченным был инструктор райисполкома, который оказался заядлым рыбаком и ранним утром ушел с рыбаками, забыв растолковать новому председателю, чем ему заниматься. Но, слава богу, бухгалтер оказался простым, бесхитростным мужиком, совсем своим, как эвенк, да к тому же еще весельчаком. Он помог распределить людей на заготовку и вывозку дров. Пошло понемножку дело. Для важности Ануфрий приобрел школьный портфельчик, иногда ходил руки в брюки, как, по его понятию, должен был ходить начальник, и томился от безделья за столом. Хорошо, что с бухгалтером можно было поболтать. А руки у Эмидака так и хватились за ружье, пальцы пробовали курок, и снилась ему тайга с белками и соболями...

Когда бухгалтер подавал на подпись бумажку, Ануфрий весь сжимался, он боялся бумажек. Сосредоточенно всматривался в неряшливую писанину: то ли это мышка бегала по снегу, то ли куличок начертил коготками на песке? Скажи бухгалтеру — смеяться будет. В первый раз, еле поняв слово «план», Ануфрий отстранил от глаз бумажку, смахнул со лба бисеринки пота и подал обратно Зарубину.

— Читай сам.

— Привыкай, паря, к моему почерку... Долго нам вместе штаны протирать. Мой-то почерк, слава богу, терпимый. А как будешь разбирать указания начальников? Иной ведь как курица набродит... — Зарубин вопросительно взглянул на председателя, но тот только рукой махнул, читай, мол.

— Так... Ладно. Начало не буду, так... Провести инвентаризацию оленей, находящихся на руках охотников после промысла, в конце марта или в начале апреля.

— Подожди гнать оленей... Что такое инвер... Или как там?

— Инвентаризация. Я, паря, сам недавно узнал это слово. А попросту это — учет.

— А чего мудришь-то?

— Так ведь это по-научному. В бумагах надо

культурно писать. Короче, подписывай, Ануфрий Кумондович, гореть — так вместе.

— Что? В темный дом могут спрятать?

— Не бойся, — успокоил Зарубин, — и моя подпись там стоит. У меня, сам знаешь, шестеро короедов дома ползают, план по поголовью вдвое перевыполнил... Куда я от них? — Он взглянул изумленно на подпись Эмидака: — Тебе бы, паря, только на деньгах расписываться!...

Что верно, то верно. Расписывался Эмидак по-наркомовски, с завитушками, с закорючками. Два года кочевал с одним учителем по тайге — он научил. Как только Ануфрий прилачился писать свою фамилию, завел тетрадь и светлыми весенними ночами просиживал до нового Солнца, тренировался. Мария, жена его, хвасталась людям:

— Вот, мой-то научился писать закорючки! Ночами не спит, как бы головой не тронулся... Начальник!

В конторе становилосьлюдно и шумно. Пришли сюда, похоже, все, кто мог шевелить ногами. Правда, большинство охотников и оленеводов были в тайге, на фактории оставались старики да ребятишки.

Аня и Николай Чирков сидели на единственной скамейке, спинами к печке. Аня собиралась примерять бакари, а Чирков от нечего делать просматривал «Огонек». Остальные тоже жались поближе к печке. Одни сидели прямо на полу, поджав под себя ноги, другие полулежали, прислонившись к обшарпанному стенам — с косматыми головами, с коричневыми, обожженными на морозе лицами, капляя, швыряя носами, и все с любопытством наблюдали за уполномоченными.

Они, эти уполномоченные, появились в Сиринде после ноябрьских праздников, с первым грузовым караваном. Они приехали судить продавца Ванчо Удыгира. Всего какой-то год с небольшим побыл заведующим магазином Ванчо Удыгир, видно, кто-то нацисал, сделали ревизию, и обнаружилось, что не хватает товаров и продуктов на восемьдесят тысяч рублей! Представить себе невозможно такую кучу денег. Забегали по фактории люди, да где возьмешь такую сумму... Вот и ждали, чем кончится. Приехал следователь, ходил по домам, спрашивал, выяснял, но, так и не разобравшись, куда могли исчезнуть столько товаров, махнул рукой, заявив, что дело пахнет групповщиной. И вот приехал суд.

Была одна причина, заставлявшая всех жителей внимательно присматриваться к народному судье. Это молоденькая женщина была женой секретаря райкома партии Василия Комбагира, родители которого, Микулашка и Огдо Комбагиры, живут здесь, в Сиринде, но сейчас находятся на промысле, в хребтах Воеволи. Мария — родная

сестра председателя. Бахилай — так эвенки прозывают имя Василий — в прошлом году вернулся с учебы из Ленинграда и привез с собой жену, русскую. Говорили, что она тоненькая, белолицая, беловолосая. Слух этот быстрокрылой птицей долетел до Сиринды, а вот видеть ее и убедиться в том собственными глазами еще не довелось. И вот она приехала.

У кого же, как не у родни, ей остановиться? Проводник без раздумья завернул к Марии Эмидак. Аня, как большая кукла, была укутана во все меховое, пришлось ей помочь подняться на ноги. В маленькую избушку уже успели набиться соседи. Аня развязала уши у беличьей шапки, сняла ее, и при свете керосиновой лампы, тускло мигавшей язычком пламени, все ее разглядели и убедились, что слух был верным. Только еще удивительнее оказалась русская невестка!.. Аня сняла шапку, и люди сразу отшатнулись, руками стали загораживать глаза, как от солнца... Лицо у нее маленькое, беленькое, с огромными, как у оленя, и синими, как небо, глазами. А волосы — из светлых солнечных лучей... Э, не невестку, а ягодку где-то сорвал Бахилай!..

Еще не оглядевшись, не познакомившись ладом, Аня попросила занести с улицы свои вещи, что с огромной радостью кинулись исполнять подростки, и, распаковав турсуки и потки, она, доверчиво и смущенно улыбаясь, что-то хорошее говоря, подала гостинцы Марии, Ануфрию, их младшему сынишке Ванчо, дошкольнику. И сразу стало легко и нестеснительно. Хорошо, тепло стало на душе у всех. Понравилась Аня всем. Полюбили ее и за то, что вот она, светленькая и красивая женщина, вышла замуж за темнолицего, темноволосого Бахилая Комбагира, их соплеменника, не побоялась приехать в такой холодный край и стала работать начальником. Да еще каким — народным судьей!.. Утерла нос мужикам — баба ум-ачин!.. Ай да Бахилай! Повезло, крупно повезло комбагирскому роду!..

Надолго запомнится эта зима сиридинцам. Теперь, вспоминая, будут говорить: «Э, это было в ту зиму, когда приезжала Дыла-чады Кукин — Солнечная невестка!»

Старичок Кумонда Елдогир, перевиравший все русские слова, попробовал с нею шутить, и она поняла его шутку, звонко смеялась, чем несказанно обрадовала его, и он, осмелев, всякий раз встречал ее какой-нибудь прибауткой:

— Ты, доська, оннако, сапсем дынем глазам пилохо видаешь? — спрашивал он Аню.

Та испуганно смотрела на него, не понимая, что такое у нее с глазами.

— Твой глазам сапсем, как сова. Она днем сапсем пилохо видаает.

— А!.. Вот вы о чем, — звонко смеялась Аня, — опять вы шутите, а я не могу сообразить, почему это днем должна плохо видеть!..

В другой раз, увидев выходящего из избушки бухгалтера Николая Чиркова, старичок с серьезным видом — для Ани — рассуждал:

— Хэ, беднай, сапсем бедная Микулай Сиркох!.. Ругай его буду. Сапсем нос не бережет, сапсем не закрывай. Все виремя замерзай. У люча сапсем нету лица, много-много носа... Эвенки сапсем нету носа — много-много лиса! Хорошо, никогда не замерзай!..

— Слышал бы Чирков! — смеялась Аня.

Чиркова тут же перекрестили, стали звать: нос, нос!..

...Председатель колхоза, порывшись в ворохе, выбрал меховые чулки и подал Ане:

— Померь эти... Пожили бы еще? Пройдут первые морозы, отмякнет — вот и езжайте потом...

— Весну, что ли, ждуть? — Аня посмотрела на него. — И так уж целый месяц командировка длится!..

Аня надела чулок, притопнула ногой — удобно ли ступне.

— Считают, что до Туры от нас шестьсот километров, с небольшим хвостиком, — сказал председатель.

— Конечно, а хвостик еще с полтысячу километров!.. — подначивала Аня. — Это кто же в тундре измерил километры?

— По присказке-то, мужик с чертом мерили, — встрял в разговор Алексей Зарубин. — Веревкой! Да порвалась она у них... Что делать? Черт говорит мужику: давай, паря, свяжем... А мужик рукой махнул: не-е-е, паря, давай так, наугад скажем!..

— Вот то-то и оно, — вздохнула Аня. — Верно эвенки говорят: хорошие оленчики — мало километров, плохие — и за полмесяца не доберемся. Второй год езжу, вроде ко всему привыкла... Колобо* ваш есть, чукин**, стельки — и те теперь заворачиваю по-эвенкийски. А вот к морозам, наверно, никогда не привыкну. Бр-р-р!.. Как вспомню, что снова придется спать на снегу... Ужас! Ма... моч... ка... а... а! — Аня сделала плачущее лицо, захныкала нарочно и потрясла, как цыганка, плечами: — Хэтэтэй!*** Так, да?

По конторе прошел одобрителный шумок. Смотри-ка, ее уши хорошо слышат эвенкийскую речь, понимает! Ну, не молодчина ли эта Солнечная невестка! Вчера на суде говорила такие умные слова... Все видит, понимает — пожалела бедного Ванчо, разъяснила, что к чему.

* Колобо — хлеб.

** Чукин — недожаренное мясо, мясо с соком.

*** Хэтэтэй! — восклицание холода.

Аня, чувствуя, что на нее смотрят, картинно, как в кино, мотнула головой — откинула за спину рассыпавшиеся золотые волосы и завязала их в пучок.

— Чулки как раз. Можно ехать! — сказала она.

— Да не торопись ты, — произнес, отрываясь от журнала, Чирков. — Знаю я их лешачью натуру: с утра начинаются сборы, а выезжают ночью.

Все посмотрели на Чиркова, промолчали. Зарубин немножко помялся и тоже ничего не сказал. Милиционера побаивались. Этот, лет тридцати, мужик, видать, шуток не любит, на язык грубоват. По фактории ходит начальником, с гонором, и пистолет на боку, как напоказ.

Но тут произошло маленькое событие, отвлекшее внимание и от милиционера, и от всего остального. Распахнулась настежь дверь, хлынули клубы белого, как пар, морозного воздуха, и раздался громкий собачий визг, чей-то вскрик, и в контору на целой своре собак въехала какая-то парка.

— Тулиски!* — все закричали, стали выгонять собак. Те, с виноватыми мордами, старались спрятаться.

Парка поднялась, закашлялась, и люди узнали старичка Кумонду Елдогира. Он поднял слетевшую с головы шапку, огляделся и весело произнес:

— Мне оленчик не нада, я на собаках умею ездить!

Грохнул хохот, чуть не раскатилась контора. А Мария, отсмеявшись, притворно сказала:

— Вот память-то дырявая, забыла прихватить с собой толстую иголку с крепкой жилой... Коекому зашла бы рот!

Аня примеряла уже бакари. Они ей тоже оказались впору.

— Ну, как, Мария? — спросила она.

— Ты сама смотри-то, — отозвалась та, — тебе в них ехать.

— Нисиво, тайга пропадай не будешь. Лепеска будет помогай и штаны снимай, — подал снова голос Кумонда.

Среди шума, смеха и кашля, боясь, как бы Аня не обиделась, Мария схватила со стола сумку и через людей дотянулась до старичка — хлопнула его:

— Зашью тебе рот, чтобы язык твой не болтался, как тряпка на ветру!

Смех и кашель усилились. Лепешка, парнишка Хукочар, которому поручили отвезти гостей, смущенно уткнулся лицом в шапку, а Аня, поняв

сказанное, вспыхнула лицом и, тоже смеясь, проговорила:

— Ну, Кумонда Кутуевич, вы у нас работаете!.. Баня-то пустая!..

А правда в словах старичка есть. Смех и грех, как говорится, в дороге с этими уполномоченными. Иные сидят на нартах, рукой-ногой боясь пошевелить, сидят, пока совсем не заоченеют. А за кустики-то по большой-малой нужде надо, бывает, сбегать? Бедные женщины плачут порой, вот и приходится проводникам ухаживать за ними — ремни, пуговицы расстегивать на толстых ватных брюках. Мужчинам проще, тут разговору нет, нестеснительно...

— Чем смеяться, лучше бы по дороге избушки построили бы да оленчиков подобрали бы, как у Кордуя, — Аня посмотрела на председателя.

— Точно. Завтра были бы в Туре, — оторвался от «Огонька» милиционер.

— У Кордуя олени — ветер... — отговорился председатель.

— Вот и нам запрягите ветер, — сказала Аня.

Фамилию Кордуя, председателя соседней артели из Мурукты, частенько вспоминали, когда собиралась аргументировать. И долго еще будут вспоминать его рекорды. За двое суток добрался до Туры...

А дело было так.

Дня за три до пленума секретарь окружка партии вызвал по радию председателя кочевого Совета Чапогира, а на радио вместо него явился Кордуй.

— Моя, Кордуя, силушает!.. Пириём!.. — услышал окружкомовец далекие крики председателя артели.

— Как Кордуй?! — тот тоже перешел на крик. — Что за фокусы — мы вас тут встречать собрались, а вы почему еще там? Вы, что, не поняли, что вам нужно отчитаться за оленей? Вы же пленум нам сорвали!..

— Моя пленум пириедет!.. Моя оленчики запрягай!.. Пириём!..

— Моя, моя! — не сдержался секретарь. — Вы, говорю, пленум нам сорвали!.. Моя, моя!.. — и бросил в сердцах трубку.

Съехавшимся партийцам объявили об изменении повестки. Говорили, что Кордуя заготовили добрый выговор. Но каково же было удивление всех, когда накануне заседания, в коридоре Большого Чума появился весь закуряжавевший, улыбающийся Кордуй:

— Моя не опоздала?..

— Нам хоть и поближе ехать, — опять поднял голову милиционер, — но если каждый день до ночи будем собираться, тут не до рекордов...

— Ночью оленчики лучше бегут. Да и звез-

* Тулиски! — На улице!

ды не дадут вам потерять дорогу,— сказал председатель.

Наконец-то всё готово. В парке, в беличьей шапке с длинными ушами, в бакарях и поверх всего этого одетом сакуе, Аня стала похожа на неуклюжего медвежонка. И Чирков во всем меховом одеянии стал еще громаднее, совсем, как сохатый.

— В дверь-то пролезешь? — пошутил Зарубин, — а то, паря, прорубать придется.

«Как такую тушу повезут оленчики? Пожалуй, и нарты-то надо грузовые», — думал, глядя на него парнишка Хукочар.

Парнишка Хукочар, он же Лепешка, печальный Ванчо Удыгир, одетые в парки, но не так толсто, как русские, копошились каждый у своей упряжки. Чирков позавидовал, с какой легкостью они двигались, умело пристегивали нехитрую сбрую, ремни. Вчера, после суда, он хотел взять Ванчо под стражу и посадить в баню, но судья не позволила, сказав, что и так никуда не денется.

— Ну, что ж, подчиняюсь. Смотрите, вам отвечать! — сказал милиционер и не сдержался от замечания: — А вы ему маловато дали. За такие шутки сейчас по полной катушке дают!

— Будете на моем месте, Николай Васильевич, будете давать катушки.

Гирго Хукочар и Ванчо Удыгир еще раз прошли по всем нартам, уложили мешки с продуктами, потакуи, турсуки, спальники и, чтобы, не дай бог, ничего не посеять на дороге, крепко привязали поклажу ремнями и маутами. Не забыли проверить и чонгой* — без них тоже нельзя, без них олени могут убежать обратно.

Груза набралось порядочно. Старики и старухи принесли сушеного мяса, мерзлой рыбы и даже мороженого молока, смешанного с голубицей — гостинцы для Ани и Бахилая.

Откуда-то из серой мглы вынырнул и вразвалку, как утка, подошел с мешком за спиной старичок Кумонда. Запыхался. Оказывается, бегал домой за гостинцем:

— Этто тебе, доська! Приезжай летом. У меня будет много-много тайменя, мы будем с тобой кушай!

— Спасибо, дедушка, только мне ничего не надо... — и осеклась, увидев лицо Кумонды. Смешливое лицо враз стало печальным, голос дрогнул:

— Ванчо! Сынок! Пусть твое сердце будет огромным, как небо!.. Пусть не хмурится оно на людей, сынок. Ты помогал нам держаться на этом свете. Мы будем молить духов, чтобы они

дали тебе силы держаться там, в чужой стороне... Не держи обиды на нас, сынок!..

Не выдержала толпа. Только что смеявшаяся и, казалось, совершенно забывшая, по какому поводу они собрались здесь, теперь одновременно заговорила, загомонила, женщины запричитали.

Ванчо хмуро молчал. Ане стало жаль его. Какая-то виноватость шевельнулась в сердце, она опустила глаза, чтобы ни на кого не смотреть. И впервые ей подумалось, что, наверное, надо менять работу. Таких неловкостей будет много.

— Анванна, ты сюда сядай, — хмуро обратился парнишка Хукочар к Ане. — Моя санка твою таскай, Ванчо — милицию...

Ане и Чиркову помогли сесть в нарты.

Караван тронулся. К нартам Хукочара были привязаны олени Ани, за нею — еще две упряжки. Бывший продавец Ванчо «потащил» нарты милиционера и тоже две грузовых.

Заскрипели полозья, защелкали в суставах олени ноги. Неделю, не меньше, копыта животных будут отплясывать ритмичную дробь, а нарты будут тянуть однообразную унылую песню.

Из факторин, с отлогого берега, дорога незаметно скатилась на лед озера и, огйбая торосы, потянулась, как длинный маут, к противоположному. А озеро, по здешним меркам, огромное: в длину километров пятьдесят, в ширину — двадцать. В ясную погоду на той стороне темнеет зубчатая полоска хребтов и над всеми над ними, как олений сосок, высится священная гора Унгтувун — Шаманский бубен. Осенью, отправляясь на промысел, каждая семья охотника первую стоянку делает у этой горы и принесет жертвоприношения духам. У большого, как русский дом, серого валуна, лежат подарки, на деревьях развешаны разноцветные тряпочки верховному боже-ству Экшэри — владельцу зверей и птиц, рыб, всей тайги. Разгневаешь его чем-нибудь — жди неудачи на охоте. Экшэри — держатель ниточек жизней-судеб. Оборвет ниточку — обрушится каменной осыпью вершина скалы, оборвет другую — засохнет дерево на корню, перережет третью — исчезнет в тайге зверь. Хитрый он, Экшэри, как лиса, скользкий, как налим. Дух охоты посылает промысловика зверя, а Экшэри меняет решение: говорит, нет, этот охотник не заслуживает доброй добычи, он плохо себя ведет, не уважает законов тайги... И отгоняет звериные табуны к другому охотнику. Таков он, этот все- сильный, всемогущий Экшэри.

В сером, сумрачном свете висят мохнатые иглистые снежные кристаллики — жмет мороз. От

* Чонгой — олений башмак.

дыхания оленей образуется белое облако. Ничего не видно ни впереди, ни сзади, ни в стороне. И горы, не видно, да и незачем подъезжать туда с уполномоченными. Они не верят в сверхъестественные силы, а всякие приметы считают ерундой.

Зимняя дорога, не добегаая до берега, сворачивает в залив, который потом переходит в узкую речушку Делингдекон — Малую Тайменную, рожденную озером, и змейкой будет петлять, повторяя каждый поворот речушки.

Дорога в неизвестность бежит по серой, сгущающейся мгле. Бежит долго, бесконечно, протянулась до самых звезд, тускло мерцающих вверху. Все приметы к тому, что крепкие морозы продержатся долго. Может, прав председатель, следовало переждать? От тревожных мыслей Аня омрачилась, вздохнула, заерзала, выбирая позу поудобнее, откинулась на спинку нарт. «Не могли найти доброго проводника, мужчину... Ну, что сможет сделать мальчишка? Мало ли что может случиться в пути? Он и дороги-то толком не знает... А Ванчо, хоть и парень, но какой-то уж больно жалкий: похоже, ему сейчас наплевать на все, и на свою собственную судьбу тоже. Чирков почему-то уверен, что в тихом болоте все раки зимуют... Но Чиркову верить-то...

И откуда в Чиркове это? В поселке был мужик мужиком, а стоило выехать — сразу поперло из него брезгливое пренебрежение и высокомерие. Простой, крестьянский парень...

После ноябрьских праздников сразу Аня с Чирковым выехали в Сиринду. На первой же стоянке она вместе со всеми попутчиками ела дымящееся мясо, вываленное из котла в общую тарелку. Отрезала ножом у самых губ. Проголодалась на морозе. И не заметила отсутствия милиционера. А он налил в свою кружку чай, достал из мешка мерзлый хлеб и масло и молча ел в сторонке... Ему предложили мяса — отказался. Утром, во время завтрака, история повторилась.

Аню это удивило. Она знала, что эвенки не любят, когда кто-то держится обособленно — какое же будет доверие, если каждый станет питаться по отдельности? Обычно сваливали продукты в общую кучу и ели, кто сколько хотел. И можно потом месяц, два питаться за общим столом и никто никогда не скажет плохого слова, не упрекнет.

Аня решила поговорить с Чирковым. Это его первая командировка, надо предупредить, что так не годится вести себя представителю власти... Она вышла на улицу. Чирков, сидя на нартах и зажав кружку обеими руками, жевал хлеб.

— На одном чае долго не протянете, — сказала Аня.

— А вы не боитесь заразиться туберкулезом или еще какой холерой? — вопросом на вопрос ответил милиционер и поморщился: — Противно мне с ними. Где едят, там и харкают...

Ане еще не приходилось встречать такого откровения.

— А зачем вы сюда ехали?

— Не думалось, что буду с хунхузами распивать чай из одной кружки, — последовал ответ.

— Вы, наверное, забыли, что у меня муж, как вы выражаетесь, из хунхузов?

— При чем здесь ваш муж? Василий Николаевич, можно сказать, цивилизованный человек. С высшим образованием, — польстил он.

— Но ведь вы наносите эвенкам кровную обиду. Неужели вы этого не понимаете?

— Ну, Анна Ивановна, это меньше всего меня беспокоит. Здоровье, говорил мой отец, не купишь. Не хочу, чтобы по мне вши ползали... — он выплеснул остатки чая. — Зря я согласился работать в милиции... В каждом человеке вижу преступника, руки им всем крутить охота...

— А может, вам вернуться?

— Куда вернешься-то? Послали — поеду...

Сиринда известна в здешних местах. Где-то в начале столетия в тайге и тундре на сотни верст кругом еще не было ни одной избушки, а здесь уже красовалась небольшая деревянная церковь. Самая первая постройка лючей в этих таежных местах. «Русский шаманский дом» — называли ее эвенки.

Туруханские миссионеры знали свое дело. Один раз в году сюда приезжал мордастый поп, сопровождаемый эвенкийским князьцом Тиштеем Удыгиром, на груди которого, как солнце, сияла царская медаль. Поп за несколько дней, махая и дымя кадиллом, как дымокурором, справлял все накопившиеся дела: крестил появившихся на свет новых «нехристей», давал русские имена, отпевал ушедших в другой мир, а самое главное, на месте, не гоняясь за кочевниками по всей тундре, принимал соболей, лисиц и другую меховую податль. Любил батюшка-бог пушнину! Хоть сколько давай — не отказывался.

Новые власти, пришедшие на смену царизму, не признавали ни бога, ни черта. А туруханских попов и дьячков попросту разогнали. Осталась таежная церквушка без дела.

В те же годы на тайгу и тундру навалились невиданные беды. Перестали приезжать «друзья» князьцов, и в таежных стойбищах, в одиноких чумах, торчащих на веселых и бойких местах, начался голод и болезни. Тайга и тундра огласились громовым раскатом шаманских бубнов, хрип-

лыми выкриками, сзывавшими духов одолеть напасти. Но все камлания шаманов оказались бесполезными. Тайга становилась пустой, безлюдной. Богатые оленеводы в страхе бежали, уводя оленьи стада. Безоленные роды стали уходить в нижний мир. Хоронить их было некому. Хэ... Горем и слезами наполнилась тайга!

Всемогущие духи показали шаманам причину — все беды от русских попов и дьячков, которых и в помине уж давно не было, но стоял их дом... Отчаявшийся народ ринулся к озеру, чтобы огнем уничтожить «исганный русский дом». Да спасибо, вовремя приехал уполномоченный, который привез от новой власти муку, продукты, лекарства.

Не суждено было церквушке исчезнуть в огне. Не страшны ей оказались ни вечная мерзлота, ни стихии. Как поставили — так, ровнехонько, не покосившись, не заросши мохом, и стояла. Правда, чуть посерела под дождем и снегами.

В тридцатых годах, когда организовывали первые артели и фабрики, у церквушки снесли верхушку, она стала называться Красным чумом. В Красном чуме проходили все сугланы, и суды тоже... Любопытного на них можно было слышать вдоволь. Судились чаще всего из-за калымов или из-за неуплаты за отработку, опять же связанную с калымом, разбирали жалобы на пре-

старелых женихов. На Большой земле многие дела просто не принимались бы к разбору. Но здесь от них отмахиваться было нельзя: вместо родовых судов вступали в силу новые советские законы, и обиженных нужно было защищать.

Дело бывшего продавца Ванчо Удыгира было таким же удивительным. У эвенков не принято раньше было иметь еду, продукты только для себя. Убил сохатого — тащи мясо на стойбище; поймал тайменя — туда же, в общий котел. То был закон, выработанный самой жизнью, которая была сурова, и его соблюдали все кочевники.

Следователь, видимо, не знал тонкостей кочевых обычаев и потому квалифицировал дело Удыгира, как «крупное групповое хищение социалистической собственности».

Ванчо Удыгир, назначенный заведующим магазином, посчитал, что он теперь полноправный хозяин всего этого добра и, чтя закон предков, стал раздавать направо и налево продукты, товары, благо, раздавать было кому — родни и своих людей целая фактория! Женщины без всяких денег набирали сахару, табаку, муки, обещая уплатить, когда вернутся охотники с пушниной. Возвращались охотники, но добыча почти вся уходила на уплату артельных кредитов, государственных займов, а на трудодни ничего не оставалось.

К тому же, у Ванчо не оказалось никаких бумаг на списание дров, разной тары и передачу материальных ценностей. Тара — мелочь, а вот акт о передаче... Тут, видимо, и было самое главное. А где теперь взять предшественника этого, Суханова, наверняка нагретого руки и надувшегося доверчивого беднягу? Да и что можно ему предъявить? Он теперь чистенький, все ценности записаны на Удыгира...

Аня осматривала «гири» Удыгира — камень и мешочек с дробью, с помощью которых он отпускал продукты. Килограммовый камень фактически оказался почти на пятьдесят граммов тяжелее, это значит: на каждом килограмме Ванчо сам себя обвешивал...

— Так ведь и Суханов тоже пользовался этими гириями, — говорили Ане. — А у него не было недостачи!

У Суханова голова была на плечах. Не зря он выбрал камень потяжелее килограмма, а мешочек с дробью — полегче... «Еще неизвестно, сколько он ваших денег вывез», — хотела сказать Аня, но промолчала.

На суде Ванчо полностью признал себя виновным. Обвинение в групповом характере преступления отпало. Статья о крупном хищении осталась, и тут Аня ничего не могла поделать.

Ванчо в семье был самым младшим, последним. Его мать, Балба, как и все женщины тогда, часто рожала, но выжили только он и двое старших сыновей — Христофор и Микулай. Остальные умерли, не дожив и до году.

Ванчо появился на свет летом. Пришла мать в очередной раз из отдельного родильного чума и принесла завернутого в тряпки малыша, еще без имени.

— Будущий охотник, — устало сказала она, а у самой в глазах тревога: выживет ли?

Ванчо выжил. Может, из-за того, что родился летом и до холодов успел немного окрепнуть. И стал любимцем родителей.

— О, мое солнышко! — в счастливые, удачливые на охоте дни ласково тормошила сына Балба, щекотала и нюхала его тельце.

Малыш улыбался во все круглое лицо, от глаз оставались только щелочки... Отец Костана отрывался от плетения маута и тоже, довольный, поглядывал на них.

Ванчо чуть подрос, стал сидеть в зыбке, и тут стала заметной маленькая порча у него — косолазие. Позовешь его, поманишь рукой, а он, отвернув голову на бок, улыбается куда-то в сторону. «Значит, не быть охотником», — горестно думал отец.

К трем годам отец сплел для Ванчо детский маут. К большому удовольствию родителей он ловил им телят, щенков, с которыми играл возле чума.

— Оленеводом будет! — радовался отец.

Ванчо ростиком не вышел, не торопился расти, и родители не спешили его отдавать в интернат. В кочевом Совете интересовались: «Когда ему в школу?»

— Рано еще, видите, еще маленький, — отговаривалась мать, наученная отцом. Родители Ванчо смолоду жили дружно, одним умом, потому у них было согласие на все случаи жизни. «Пусть кочует с нами, привыкает к тайге, — рассуждали они, — все веселее, и нам есть о ком заботиться».

Мать, Балба, иногда философствовала:

— Теперь всех ребятшек учат в школах. Это, конечно, хорошо — понимать бумагу... Но неужели они все будут начальниками? А кто будет добывать белок и бегать за оленями?.. А с женщинами — как? Раньше, до войны, на всех сугланах кричали: «У женщины ума нет! У женщины ума нет!» Прошло время, опять начали кричать: «Женщина такой же человек, как и мужчина!» Если женщины будут равняться с мужиками, то отец моих детей скажет однажды: «Балба, ты сидела сегодня в чуме, варила котел, а я бегал по тайге на лыжах, гонялся за Большим Мясом, маленько устал. Завтра я буду лежать дома, греть у костра живот и чайник, а ты одевай мою парку, бери ружье и иди на охоту...» Мужик-то котел сварит. А мне как быть? Сохатого я не догоню...

Старикам и старухам, сидящим в чуме и сосущим трубки, рассуждения матери казались умными и убедительными. Начинали вспоминать смешные случаи, приходили к выводу, что Балба права.

Потом с отцом случилась беда на озере, и Ванчо отдали в интернат. Ему было уже десять лет. Грамоту маленько все равно надо знать, мать со старшими братьями рассудили еще, что в интернате кормить-одевать будут, морозы в тепле обманет.

Ванчо посадили в первый класс — все же выше малышей, семилеток. Ребятя, отсидевшая год в нулевом классе, уже знала буквы, цифры, бойко болтала по-русски. А Ванчо, сколько ни рассматривал нарисованные картинки, не мог сообразить, что от него требует молодая русская учительница. Помучившись с ним месяц, она пересадила его в нулевой класс — пусть Ванчо учит русский язык.

— Лепешка!.. — председатель колхоза, слегка усмехаясь, окликнул Гирго Хукочара, разгружав-

шего тонкий «макаронник» — сырые лиственничные дрова у колхозной конторы.

Гирго поднял глаза.

— Завтра в лес не ездят, слышь? Скажи матери, пусть собирает тебя в дорогу. Поедешь проводником с Солнечной невесткой, понял?

Гирго обрадовался, но тут же устыдился: чего это я, как мальчишка? Подумаешь, ехать в Туру... А в голове само по себе крутилось: «Надо же! Мог ведь другого отправить, а выбрал меня, а?»

Немного человеку надо. Побывать в Туре, в Виви, в других дальних и ближних факториях — да разве есть мальчишка, не мечтающий об этом, хэ?!
— Смотри, Лепешка, не потеряй в дороге уполномоченных, — напутствовал председатель.

Гирго на прозвище не обижается.

...Он учился во втором классе, когда учительница Анна Феофановна — просто Анханна, потому что ребята не могли выговорить ее трудное отчество — вызвала Гирго к доске и попросила пересказать русскую сказку, которую вчера читали. Гирго обрадовался, что его вызвали, — сказка ему понравилась, и он ее хорошо помнил. Он уже раскрыл было рот, и вдруг память вылетела из головы, вот оно, на кончике языка вертится, а не вспоминается — кто там был, в сказке, как его звали...

Ребятишки заерзали, потянули руки вверх. А Гирго все стоял и морщил лоб.

— Забыл? — участливо спросила Анханна.

И Гирго облегченно выдохнул:

— Лепешка катисса, катисса, а навстречу болк!..

Только успел произнести, класс так и покатился со смеху, и учительница смеялась до слез:

— Гирго!.. Да не лепешка катилась, а колбоб!..

...Приподняв шкуру, служившую дверью, Гирго запрыгнул в чум. «Пэт!» — гулко хлопнули его мерзлые бакари.

— Харги! Харги!* Что?! Что делается?.. — испуганно заподпрыгивала, сидя на одном месте мать, Христина. Разглядев сына, она недовольно выговаривала ему: — Откуда, как дикий олень, летишь? Так чум можешь свернуть!

«Э, повсрчи, повсрчи...» — думал Гирго. У него пела, радовалась душа. Мать давно всего пугается. Ее настоящее уже и забыли: Олон и Олон — пугливая, значит. Она вздрагивает от любой неожиданности, начинает нервно кричать, подпрыгивать. Всегда всего пугается. Говорят, такая у нее болезнь.

Успокоившись, мать спрашивает:

— Кто за тобой гнался-то?

— Никто не гнался...

— Что ж так летел?

— В Туру еду.

— Что ты там забыл?..

— Солнечную невестку и милиционера буду сопровождать.

— Что, мужчин не нашли?

— Я уже не маленький! — рассердился Гирго.

Безмолвный мир. Холодный, безжизненный... Только шелканье копыт, скрип нарт да звон колокольчиков нарушают эту вечную тишину, звенящую в ушах.

С речки, замедлив бег, олени, натужась, тяжело дыща, еле поднимаются на заросший кустарником берег. Исчез туман. В лунном свете открылась широкая тундра, с темными пятнами стелющихся кустарников, березок, ягодников. Вдалеке, на горизонте, угадывался лес. Дорога петляла, огибая возвышенности с одинокими высохшими деревцами, сухостоем, пнями и глубокими ложбинами. Осколок нарождающейся луны, с мохнатыми звездами, появлялся то слева, то с правого боку, то забегал далеко вперед, обгоняя караван.

На ровном месте скрип нарт убаюкивает. Хочется спать... Но Аня знает, что поддаваться сну нельзя — уснешь и не заметишь, как обморозишься.

Пока ехали по озеру, Гирго не проявлял усердия, даже ни разу не оглянулся, и Аня подумала, что он, наверно, мерзнет, пожалела его. Выехали в тундру — стал оборачиваться, и Аня видит светящийся огонек. «Надо же: тут нос не хочется высовывать на мороз, а он, видите ли, курит... Как взрослый! Неужели не мерзнет, или у них с пеленок привычка к морозам?»

Аня застыла от неподвижного сиденья. Ей бы шевелиться, ворочаться, но она толсто и неуклюже одета. Да и не хочется: начини шевелиться — растревожишь все на себе, понадет холодный воздух...

Между тем позади осталась тундра, с тенями и темными полянками кустарников. Караван неожиданно оказался в ином мире, в царстве темноты — въехали в мелкий, но густой лиственничный лес, частоколом окруживший дорогу. Полжелтка луны исчезло, спряталось где-то за деревьями. Глаза привыкли к темноте, не стало силуэтов, и все ближе кусты, деревца, олени приобрели четкие очертания. Аня высунула рот и нос, выдохнула: пара не видно. Или в лесу действительно теплее?

Надо бы сделать и для людей, и для оленей

* Харги — злой дух.

перекур. Пока темно, надо кое-куда сходить. Вот, смеялись на фактории над этим, а что поделаешь?

— Гирго! Гирго!

Мальчишка оборачивается.

— Тандерить * будем! — кричит Аня.

— Хэ!.. — смеется Гирго и дергает повод, бросаая рядом с передовым оленем хорей. Тот сразу останавливается.

Олени дышат тяжело, даже в темноте видно, как ходит шерсть на животных. Закуржавевшие морды выглядят мохнатыми, блестят большие глаза, из ноздрей свисают сосульки. Бедные оленчики!

Аня еле передвигается: отсидела ногу. Подъезжают Ванчо с Чирковым. Милиционер, как темная глыба, приближается к Ане.

— На ночь-то вроде вымет,— говорит он, стянув рукавицу и что-то вытаскивая из-за пазухи.

— Согреться хочешь?

— Спасибо,— догадывается Аня.

— А я без этой штукенции давно бы дуба дал,— говорит Чирков.

Отвинтил колпачок, запрокинул голову. Забулькало. Схватил рукой снег — и в рот. Покрякал, прокашлялся удовлетворенно и снова протянул Ане фляжку:

— На, у меня еще есть. Зарубин снабдил.

— Ну, что вы? — говорит Аня.— Потом-то я уж точно превращусь в сосульку!

Ванчо и Гирго не предложил. Закурил. Аня топчется, прицеливается на месте.

— Сильнее прыгай! — советует Гирго.— Пока сила есть...

Аня прыгает сильнее, старается. Через минуту чувствует — выдыхается: не хватает воздуха легким. Дышать старается, как учили, через нос, но стоит остановиться — начинает мерзнуть. Чуть не плача, говорит:

— Черта с два согреться... Давайте, может, поедим? Только вы, Николай Васильевич, поезжайте теперь впереди.

— А чего?.. Мой-то знает дорогу? Сидел, понимаете ли, катал в магазине костяшки, вст и накатал...

— Николай Васильевич, я вас не узнаю,— говорит сердито Аня.

— А чего узнавать-то? — раздражается и милиционер. Мороз и его донимает.— Черт меня попутал с этой работой!.. Первая и последняя командировка! Ну, к бабушке этот Север!..

Ох, уж это эвенкийское «однако маленько», когда определяют расстояние! Ни с чем нельзя

сравнить. В анекдоты превратилось! Аня спросила Гирго, далеко ли до Дудыпты, до чума. Он ответил совершенно понятно и, главное, точно: «Однако маленько!» — «Ну, сколько маленько?» — «Однако километров двадцать, а может, тридцать».

Три часа бегут олени. Тайга сменяется тундрой, тундра кончается и начинаются озера; те, в свою очередь, уступают дорогу лесистым островам... Но обещанной речки нет, как нет и желанного чума. Так ведь замерзнуть можно!..

Председатель колхоза объяснял, что первый чай, он почему-то так выразился — чай, а не почевка, будет в чуме Маичи Мукто. Чум его стоит как раз у устья речки Дудыпты, где проходит дорога на Туру. Вторая ночь тоже должна пройти в тепле. На расстоянии дневного аргиша от Маичи стоит другой охотник Ейда Елдогир. А дальше уже самим придется выбирать места для ночевки и спать около костра...

По всем меркам, пора бы уже быть чуму. «А вдруг он откочевал в другое место, мало ли чего? Вдруг волки разогнали оленей и пришлось менять место?» Странно от одной только мысли... Лучше не думать, а то и холоднее сразу стало... Аня сжимает и разжимает кулаки, трет онемевшие ноги и про себя чуть поскуливает: «Ну, когда будет чум?»

Она готова совершенно отчаяться, как вдруг впереди, неподалеку, раздается дружный собачий лай. «О боже, наконец-то!» Олени, почуяв близость жилища, взбрыкнув колокольчиками, ускорили бег.

В неясном свете обломка луны обрисовался темный конус чума, извергающего из себя рой золотых искорок, исчезающих на фоне звездного неба.

Никто не вышел встречать. Зачем?.. Имеющий достояние хозяин не будет любопытничать, как мальчишка. Приехали — значит, чум не обойдут, напьются горячего чаю, развяжутся языки и, если нужно, расскажут, куда и зачем держат путь.

Аня уже знала и на себе испытала удивительную простоту человеческих отношений на Севере, обычаи народа, выработанные веками. Здесь все делается молча. Незнакомому человеку эта молчаливость кажется несколько странной. Но надо знать людей... Суровая природа Севера отточила их характеры, сделала бесхитростными, до наивности открытыми; сострадательными и добрыми. Хитрость и фальшь они чувствуют, как звери.

Милиционер, оказывается, спал. Ванчо растолкал его, и он, весь окаменевший, с трудом разогнул руки, ноги и, кряхтя, поднялся. Пошатнулся, уперся руками в нарту, на какое-то время так и застыл.

* Тандерить — что-то вроде перекура.

Гирго помог раздеться Ане.

Чирков окончательно проснулся и, придя в себя, сбросил лишнюю одежду и, как Аня, оставшись в телогрейке, деревянно переставляя ноги, зашагал к чуму. Нашарив в темноте дверь, он полез внутрь и, как часто бывает, зацепился чем-то за шкуру, стал дергаться так, что зашатался весь чум.

— Эбэй! * Уронит!.. — испуганно вскрикнул женский голос.

Вошли, поздоровались и потянули руки к гудевшей печке.

В деревянном подсвечнике, воткнутом в землю на малу **, горела свеча.

Хозяин чума, Маича Мукто, пожилой человек, с крупной для эвенка коренастой фигурой, жилистый, с реденькой бородкой и живым привлекательным лицом, для его лет еще не изношенным, как и все таежники, с нестриженными спутанными волосами, в которых торчала оленья шерсть, сидел раздетый, в одной хлопчатобумажной рубашке, в таких же легких, неопределенного цвета штанах и босиком. Он спал, только что вылез из мешка. Царапая рукой грязную подошву ноги, он с нескрываемым любопытством вглядывался в лицо вошедших и, не найдя знакомых, отвернулся, начал искать меховые чулки.

Хозяйка, лет тридцати, гораздо моложе мужа, симпатичная женщина, загоравшаяся рукой от света и печки, второй рукой шуровала в большом черном котле. Вся печка была окружена котлами и ведрами. Чайник стоял чуть в сторонке, из горлышка шел пар. Вкусно пахло мясом и свежей хвоей.

Накинув на плечи телогрейку, Маича нашел трубку, железным крючком деловито выковырял нагар, поколотил об полено, туда-сюда продул ее и оставил во рту. Потом он, так же не торопясь, набил трубку табаком и, придавив пальцем, потянулся лучиной к свету.

Аня и Чирков, все еще охая и ахая, топтались на ногах.

— Там, — кивнул Маича, показывая им за спины, и похлопал у себя на сиденье.

Аня поняла и, выдернув у оснований жердей аккуратно сложенную шкуру, расстелила и опустилась на нее. Чирков присел на дрова.

Чувствовалась хозяйская женская рука: в жилище все прибрано, ничего лишнего, отчего чум кажется просторным. У самых оснований жердей сложены турсуки, потки, очевидно, с продуктами и охотничьим провиантом, и все это прикрыто суконными зипунами, шкурами. На половине

хозяев висело около десятка белчих и горностаевых шкурок. На земле, один к одному, уложены тонкие жердинки, а сверху устланы еловыми ветками. От них шел приятный запах.

Жилище, тепло — и уже в помине нет холодов, еще минуту назад выжимавших слезы, забылись тревожные мысли, и вот оно, блаженство.

Аня и Чирков оттаивали.

Аня видела на фактории первую жену Маичи. Слепая, сморщенная женщина, старуха старухой, ходит с посохом. Ануфрий с Марией рассказывали, что она, Дептырюк, первая жена Маичи, сама настояла на том, чтобы муж взял вторую жену. Любила его и заставила. «Я-то слепая, а как ты станешь охотиться? Ты будешь, как без рук. Мужчина в тайге без женских рук не проживет!.. Иди, сговаривайся со стариком Богото — у него славная дочь, Мария, хозяйственная, работающая. Иди, не слушай никого...»

Сын Марии и Маичи, десятилетний Микулашка, старуху Дептырик зовет мамой и водит по фактории за посох. Маича с Марией заботятся о ней, уходя на промысел, готовят дрова, снабжают мясом, рыбой. Ну, что тут можно сказать?

Маича пододвинул к жене чайник, и она начала рыться в своей «кухне». Выставила доску на маленьких гагарьих ножках, на нее поставила кружки с блюдами. Как заведено в тайге, людям прежде всего надо налить чай с хорошей заваркой. Он согреет их желудки и души — глядишь, и развяжет языки.

Пьют, шумно дуют на блюде. Старик снимает с печки котел и ставит поближе к Марии. Она знает, что делать. Потом Маича дотягивается до чайника, наливает себе, но пить не стал — отставил кружку.

— Третьего дня ездил на гари, к вершине Дудыпты, — начал он, — нету нигде белки. Ушла... С осени была. Гнезда густо попадались, грибы на пенечках сушились. Чуяла холодную зиму — вот и ушла в темные места. Пустые гнезда остались, следы реденькие...

— А салом где разжился? — как взрослый, спрашивает Гирго.

— Э, наше сало по тайге ходит! — смеется Маича. — На гари собаки остановили пятилетнего быка. Комольй, как важенька... В гон пообломал, видать, рога. А жир не растерял, мясо все в белых прослойках, сала в ладонь!

Намолчался старик, говорить хочется. Рад гостям.

Мясо вывалено на сковородку, дымится. Прямо на доске горкой сложены розовые кусочки деликатесного костного мозга.

Аня берет мясистое ребрышко и подает Чиркову.

* Эбей — возглас испуга.

** Малу — почетное место.

— Ешьте, Николай Васильевич,— и, посмотрев в его хмурое лицо, спросила: — Вы, случайно, не больны?

Чирков помедлил, но мясо взял. Снова, как днем, полез рукой под телогрейку, вспомнив слова Зарубина, со спиртом, мол, никакая холера не пристанет...

— Надо подлечиться!.. Ну, как, старина, маленько багдарин * будем пробовать?

Мукто, увидев фляжку, оживился, глаза у него заблестели.

Чирков перебрался поближе к старику. Аня повернулась другим боком к печке, а то одна сторона прилеплась, а другая мерзла.

Мария подает фарфоровые чашечки, хранившиеся для такого случая в деревянном ящичке. Чирков наполняет одну чашечку, другую, третью и, держа руку на весу, смотрит на Аню. Та, заметив, замотала головой, замахала рукой, и тогда милиционер откинулся назад и завинтил фляжку.

— Молодежь не будем совращать. Пусть подрастут! — кивает он в сторону парней.

Предвкушая удовольствие, старик согласно кивает, поддакивает. Парни заметно недовольны. Чирков как будто не замечает.

— Ну, как говорится, с богом!.. Хух!.. — выдохнув из себя весь воздух, он опрокидывает в рот чашку, хватая кружку с водой: — Злая, стерва!

Берет ребрышко и начинает трудиться.

Старик со своей чашкой медлит, потом решается и пьет неумело, маленькими глотками. Чирков морщится и отворачивается.

Через минуту-другую спирт делает свое дело, и старику становится весело, развязывается язык.

— Ничего, Гирго! Скоро в Туре будешь, там этой веселой воды — хоть купиайся! Зайдешь к Мефодьке Фаркову, на квартиру всех эвенков, скажешь: «Здорово!» — «О, друг приехал!» — закричат Фарковы: сам Мефодька, Катерина, жена его, Гошка, их сын. — «Здравствуй! Здравствуй, друг! Садись за стол...» Подадут Гирго кружку, он посмотрит: вода! Выпьет — слезы побегут... Ха-ха-ха!.. Будут все смеяться. «Что вы мне дали? — спросит Гирго. — Какую-то горькую воду! Дураки вы!» Посидит Гирго маленько — что такое? Почему, скажет, в животе стало жарко, кто туда каленых углей накидал? Вспомнит — нет, никто как будто в животе костер не разводил. Еще маленько посидит — что такое? Почему пол закачался? Э, подумает Гирго, это же я на оленчике в Туру еду...

Марии тоже стало весело, улыбается даже Ванчо. Чирков тоже смеется и добавляет:

* Багдарин — «белая», так называют эвенки водку.

— Глядишь, и за волосы с кем-нибудь потаскаются!

— Утром он проснется: где я? — продолжает довольный Мукто. — Почему болит голова, кто плашкой давит?..

Вытерев руки об телогрейку, Чирков вытащил фляжку, разлил по чашкам и, взболтнув — сколько там еще? — попросил еще посуды.

— Ну, что, старина, плеснем им? — милиционер весело кивнул в сторону парней и пошутил: — Смотрю, мясо у них насухую-то застревает в горле...

— Нальем, нальем, — с готовностью соглашается Мукто, кивая косматой головой, — пускай маленько греются, хорошие ребята.

— Я не буду, — заявляет Гирго, занятый кастрюлей.

— Молодец, не учишь! Как тебя — Лепешка, да? — смеется Чирков. — Я ведь тоже не любитель, да вот по нужде...

— Да, да, Лепешка его имя, — радостно смеется Мукто. Лицо его отмякло, подобрело, глаза сверкают. Ему стало совсем хорошо.

Мария выходит на улицу и возвращается с полным ведром снега. Ведро ставит на печку, подбрасывает дров.

— Ты, друг, по колхозу уполномоченный? — старик толкает Чиркова. Разговор у него уже громкий, с жестикуляцией. Не дождавшись ответа, стучит себя кулаком в грудь: — Друг, слушай, друг!.. Я — стахановец!.. Белок, горностаев по восемь турсуков добываю!.. Жена моя, Мария, знает... Спроси Марию. Я не хвастаюсь, правду говорю! Грамоты — полный ящик таскаю, целая нарта. Значков у меня полно, медаль... Мария!.. — он тормозит рукой жену. — Мария! Где мои бумаги? Начальник требует бумаги! Посмотреть хочет!..

— Э!.. — раздражается Мария. — Куда денутся твои бумаги? Там они, на улице...

И не произнеся больше ни слова, занялась хозяйством. В большую чашку вылила кипятку, пополоскала поочередно чашечки, кружки, ложки, вытерла насухо лыком жимолости и сложила в деревянный ящичек. Чайник наполнила натаившей водой и поставила на печку. Попросила Гирго нарубить помельче мясо и занести в чум — мясо тоже надо поставить на печку. Пусть прет, утром будет что поест, да и ночью, глядишь, кому понадобится подкрепиться. Мясо есть, что его жалеть?

Ане на ночевку отвели почетное место — малу, а Чиркова уложили справа от входа. Он длинный, будет куда протянуть ноги. Правда, не успел Чирков забраться в спальник, как тут же вылез, отплеываясь, еле дыша, весь в шерсти:

— Как вы в них спите-то? Чуть не задохся! Оказывается, там, где должны быть ноги, Чирков залез головой, а ноги остались наружу. Влезла в свой мешок и Аня.

Парни еще сидели, курили. Мукто рассказывал им об охоте: снег повсеместно стал глубоким, собака уже плавает, никак не хочет идти по следу — надежда только на самолеты. Дикарь-олень пришел из Заполярья, да густой массой, как бы он к весне не увел домашних. Потом вдруг спросил Ванчо:

— Куда тебя везут-то?

— Не знаю,— отвечал Ванчо тихим голосом,— сейчас в Туру, а там дальше...

— Она судила?

Ванчо молчал.

— Посадила? — с тревогой в голосе спросила Мария.

Опять молчание.

— Пятнадцать лет,— сказал Гирго.

— Нголемо!..— вскрикивает Мария,— тебе не страшно такое говорить?! — кричит она на Гирго. Но, поняв, что это правда, обрушивается на Ванчо: — За что? Ты, что, себе украл? Когда это эвенки ворами были, ты не мог ее спросить? Или не мог сказать, что деньги всем народом вернем?.. За что тебя — в темный дом?.. Ну, я ей скажу!.. Не посмотрю, что она жена Бахилая!..

Мария решительно вскочила на ноги, но ее усадили на место. Она горько заплакала.

Аня замерла. Не так просто без привычки уснуть на холоде, а тут еще этот крик... Забылась она лишь под утро. Сколько спала — не понять, было все так же темно и холодно. Поднялась разбитая, с больной головой. Она знала, что это от недосыпания. Теперь голова будет раскаливаться до самой Туры.

Мария уже на ногах. В сером, расшитом орнаментом зипуне, в цветастом платке, приспущенном на глаза. Как и все язычники, любят северяне яркую одежду. Глаз не поднимает, готовит еду собакам. Мужчин нет — ушли за оленями. К обеду соберут...

Холод, как говорится, собачий... Неуютно на душе, настроение скверное.

Смешно виляют задами олени, туда-сюда водят отростками хвостов, мельтешат мохнатыми от инея мордами. Бегут, трусят, родимые, как в танце переставляя ноги, и если их погонять, как лошадей, они будут бежать до тех пор, пока не упадут от разрыва сердца. Не умеют они ходить шагом... Что бы делали люди без них? Разве могла быть жизнь без них?.. Как все-таки предусмотрительна и мудра матушка-природа! Никого не

обделила, а Северу подарила такое животное, что удивляться приходится. В олене поразительным образом соединились все лучшие достоинства четвероногих друзей, живущих рядом с человеком. Он, как лошадь, может таскать тяжести и возить человека; как корова, снабжать густым, как сметана, молоком; как баран — давать человеку мясо и шкуру; от свиньи ему досталось сало и нежное мясо; и даже от корабля пустынь и песков — верблюда — есть у оленя выносливость и неприхотливость в пище.

Для одежды олень отдает человеку свою шубу — самую теплую в лютые морозы. Ни собачья, ни заячья не могут сравниться с ней. Она же служит и для покрытия зимнего жилища. Олень — крылья и ноги северянина в путешествиях по необозримым просторам тайги и тундры. Всего отдает себя олень, ничего не прося взамен...

Ему не нужно строить теплый хлев, двор. Шубе его не страшны ни трескучие морозы, ни жара. Сена и кормов тоже не надо заготавливать. У него широкие раздвоенные копыта, и он ими, как лопатой, разрывает снег и находит свой хлеб — шершавый вкусный ягель. Лишь иногда защити его от волков и других хищников да спаси от болезней... Недаром в бесконечных, однообразных эвенкийских песнях самые нежные и лучшие слова адресованы оленю. Он не продается, не покупается — его можно только дарить...

Бегут, трусят, родимые! Караван движется по огромной тундре, со всех сторон окаймленной далекими зубчатыми хребтами. Висят в воздухе игольстые льдинки — ни дуновения, словно природа сама понимает, что в такой мороз даже малый ветерок — смерть всему живому. На болотцах и озерах, по которым вьется дорога, мороз гораздо крепче. Надо проскочить сегодня тундру, а там, в хребтах, глядишь, будет полегче. В той вон гряде рождаются сотни безымянных ручейков, разбегающихся на все четыре стороны. Одни ручейки, попетляв по этому северному склону, слившись с другими, образуют дикую и необузданную реку Котуй, уносящую свои ледяные воды в Ледовитый океан; другие ручейки, сбегав с южного склона, устремляются в теплые края, к матушке-Катанге. «О, Катанга, матушка рек эвенкийских! Ты — из слез наших, светлых и чистых!» — поется в песне.

В той, южной стороне хребтов и лес заметно толще, роскошнее, путник всегда может найти сухих дров на ночлег под открытым небом.

В одном месте спугнули большую стаю куропаток, комочками жавшихся к кустикам голубичника. Они не разлетелись даже, а сделали попытку разбежаться и, видя, что караван проезжает мимо, снова застыли на месте.

Ночевали в палатке Ельды Елдогира, стоящей в темном ельнике. Если бы не собаки, можно было проскочить и не заметить. Палатка маленькая, четырехместная, еле вместила всех. Ельда Елдогир — симпатичный парень, по виду чуть старше Ванчо, белолицый и чернобровый, лишь раскосые глаза выдают в нем эвенка. «Метис, наверное», — подумала Аня. Жена его, Галя, — полная противоположность мужу. Маленькая, невзрачная, как подросток, с растрепанными волосами и к тому же, видно, не приученная к хозяйству. В палатке валяются перевернутые котлы, ведра, какие-то тряпки.

Пока пили чай, шел неторопливый разговор об охоте, о дикарях, целым табуном прошедших через участок Ельды. Потом перешли к делам на фактории. К новости о поездке Ванчо молодые хозяева отнеслись более спокойно, но тоже огорчились.

Ельда объяснил Ванчо и Гирго, где лучше останавливаться на ночевки:

— От моей палатки до Бугарикты — дневной арши. Мы, правда, в марте ездили, уже по теплу, солнышко сияло и у нас перед глазами все время темнела гора Авсарук. Она точь-в-точь похожа на женскую игольницу. Сейчас-то ничего не увидите... Но старинное стойбище Оёгиров никак не проедете мимо. По правую руку будут видны остовы чумовищ, но там вы не останавливайтесь, а проезжайте чуть вперед, до гари. Лет двадцать назад, говорили старики, там прошел большой огонь, и теперь вырос богатый ягель..

Ельда подробно рассказывает, где сделать вторую стоянку, третью — так, до самой Туры. Называет всякие приметы: наклоненное дерево, осыпавшуюся скалу. Парни слушают.

...Ночью Ане приснился сон. Будто идет она по родному Ленинграду, в легком летнем платье. А погода, как всегда осенью, хмурая, с Финского залива ползут тяжелые тучи. Почему она оказалась здесь, раздетая — понять не может. И вдруг среди редких прохожих увидела мать. Аня обрадовалась, но мать, не замечая, прошла мимо... «Мама, мама!..» — зовет Аня, прижимая к себе раздуваемое порывистым ветром платье... Аня кричит и просыпается.

Молодые хозяева и парни пили чай.

— Анна Ивановна дома была? — улыбаясь, спрашивает Ельда.

— Да, маму видела во сне... Но она прошла и не остановилась.

— Ничего... — как-то неопределенно протянул Ельда и сказал: — Наедайтесь покрепче мяса, теплее в дороге будет.

Ельда помог поймать и запрячь оленей. Выехали раньше вчерашнего.

Сбросили сакуи, и через какое-то время Аня почувствовала, как по размятому телу пошла приятная теплота. Впереди пыхтел Чирков.

— Вот, оказывается, как надо-то греться, — сказал он на отдыхе. — А мы, дурачье, сидим, как чурки!

Высунув руки из разрезов рукавиц, пришитых к парке, Ванчо негнущимися пальцами пытался скрутить самокрутку. Он слюнявил бумагу, но она тут же покрывалась ледяной корочкой.

— Брось ее, Ванчо, — достав из кармана телогрейки пачку «Байкала», протянул Чирков, — закури моих...

Ванчо удивленно взглянул на милиционера. За весь путь Чирков не сказал ни одного доброго слова — знал Ванчо и его мнение по своему делу... Ванчо молча взял пачку, вытащил папиросу и протянул пачку обратно.

— Бери, бери, у меня еще есть, — проговорил Чирков.

Ванчо снова промолчал. Чиркнул спичкой о дощечку и, прикурив, спрятал дощечку в кисет. Ни спасибо, ничего. А, собственно, что произошло? Подумаешь, дал закурить... У эвенков и слова-то «спасибо» нет: это естественно — делиться тем, что у тебя имеется. Может, люча начинает понимать, что Ванчо не вор, и не будет больше смотреть на него, как на преступника?

Ванчо снова украдкой смотрит на милиционера. Никогда еще его голова так много не думала... Понимал он, что отныне на его долю выпали жестокие испытания. Прежняя, тяжелая и беспросветная жизнь краешком своего крыла задела и его детство и приучила молча переносить любые страдания.

Если признаться, у Ванчо так плачет и разрывается сердце не потому, что его куда-то увозят. Оно страдает от жалости к старенькой матери... Наверно, Ванчо с ней никогда больше не увидится, не выдержать ей столько лет... Может, люча начинает это понимать?

Ванчо затягивается папиросой, пускает белый дым и снова смотрит на милиционера. Коричневое лицо его светлеет, он бросает папиросу, сплевывает в снег и берет хорей.

Выехали на лед продолговатого озера, вытянувшегося дугой вдоль хребта. И тут впервые за нынешнюю зиму увидели северное сияние... В Полночной стороне во всю ширину неба засветились и волнами заходили разноцветные полосы. Они, как гигантские столбы, катались по всему горизонту, то появляясь, то исчезая. Тревожно и жутко стало на душе. Забеспокоились даже олени, поглядывая на небо.

— Боги веселятся! Отблески их костров! — кричит Гирго.

В это время у берега что-то гулко ухает — обваливается лед в образовавшиеся пустоты. Олени вздрагивают, озираются, настороженно водят ушами. Этот испуг передается людям — становиться не по себе. Неуютным кажется белое безмолвие... Как мал и ничтожен человек перед неизвестными силами природы! Не верится, что есть где-то шумящие и сверкающие огнями города, полные веселья и смеха, где-то люди торопятся в кино, театры и, вообще, невозможно себе представить, что сейчас где-то люди изнывают от жары!.. А здесь вон выплыла луна, одетая в «рукавицы», словно и она знает, что можно обморозиться. Заметно подросла она за эти две ночи, к концу путешествия засияет во все свое лицо. Тускло мерцают звезды. Есть примета: значит, к холодам.

Говорят, у каждого есть своя звезда. Интересно, если есть, то где?.. Вон Полярная, вон созвездие Большой Медведицы, вон Венера... Тысячи лет звезды смотрят вниз, наверняка эти-то заняты другими людьми... «Да они и холодные, — думает Аня, — а я мерзлячка, мне нужны теплые звезды. Стоп!.. А ведь есть там теплая звезда... Ее сейчас не видно, она появляется рядом с лунной, когда нужно отогнать мороз. Эвенки так ее и называют — Собачка Луны, отгоняющая мороз. Где ты сейчас, добрая собачка? Слышишь, я загадываю на тебя, моя добрая собачка, отгони поскорее мороз, появляйся на небе почаще!..»

...Ане стало жарко-жарко. Да это же Артек!.. А вон Нинка Рязанова, надо позвать ее искупаться... А солнце-то, солнце-то как печет — прямо настоящая печка!..

Аня просыпается вся в поту. По-прежнему раскалывается голова, ломает тело. Вот некстати-то...

Сон не принес отдохновения.

Наступило новое морозное утро.

Днем, в перекур, опершись на хорей, как на посох, — так Ванчо отдыхал — он ткнул рукой в темнеющий горб хребта:

— Вон Авсаг-гора!.. Оттуда наша дорога век будет катиться в Катаанге...

У той горы все и произошло.

Поменяли оленей у Чиркова — больно тяжелый он для оленчиков, выдыхаются, бедные. Пока парни меняли оленей, Чирков отошел к толстой лиственнице, на нижнем суку которой, на кустарниках висели доскутки разноцветных материй — приношения духам и божеству Экшэри.

— По всей тайге развесили тряпок, а самим ходить не в чем, — он сдернул черную матерью, — эта совсем новая, на портянки годится...

— Не трогай, — мрачно сказал Ванчо. — Харги рассердится, грех!..

— Какой грех?! Вбили себе в голову всякую чушь и верите! — ответил Чирков.

— Не троньте, Чирков! Уж не думаете ли вы в самом деле обматывать себе ноги? — рассердилась Аня и с укором заметила: — Невоспитанный вы человек, Николай Васильевич!..

— Мы институтов не кончали, мы их на пузе проползли... — со значением и словно гордясь собой произнес Чирков.

— Простая порядочность не требует институтского образования. Уважайте веру других.

Чирков отбросил тряпку в сторону. Как ни в чем ни бывало, вернулся на дорогу. «Горбатого могила исправит», — с неприязнью подумала Аня.

...Олени Ванчо бежали ходко. Он не заметил, как дорога повернула в распадок. Начался крутой спуск. Упряжки нужно было спускать поодиночке, но поздно хватился Ванчо: олени разбежались, раскатились нарты... Ванчо изо всех сил наваливается на хорей, тормозит, и вдруг раздастся треск — ломается хорей, Ванчо падает, невольно дергая за узду... Олени послушно сворачивают в снег... Задние олени, чтобы не наступить на Ванчо, отворачивают в другую сторону и тут, как на беду, на их пути вырастает лиственница, и они пропускают ее между собой.

Что тут началось!.. Рвется лямка, останавливая оленей, тяжелые нарты вместе с милиционером ударяются о дерево... Трещат лука и копылья, нарта разваливается на две части. Чирков успел выкинуть руку — это спасло его голову. Но страшный удар пришелся по колену, и Чирков отлетел под грузовые нарты. Шарахнулись олени, но упряжные ремни не дали им отскочить: нарта зацепилась чем-то за Чиркова и перевернулась на нем, а следом в эту кучу влетели еще олени...

Треск, сумасшедший звон и бряк колокольчиков, ботал, хрипы, шумное дыхание слились в один, невообразимый шум. Бились, барахтались в снегу олени... Ванчо подскочил к куче и пожом полоснул по упряжному ремню, душившему оленя, и тот, хватив воздуха, встал на ноги. Отряхиваясь от снега, поднялись и другие.

Гирго в начале спуска успел остановить свой караван.

Чирков, весь сморщившись от боли, приподняв ногу, катался на снегу. Никто не знал, что делать, все были подавлены. Чирков, открыв глаза, с матюками напустился на Ванчо:

— Ты куда... своими щелками смотрел?! Убить захотел?..

— Чирков, перестаньте! — закричала на него Аня, думая, что все благополучно обошлось. — Вставайте!..

— Черта с два встанешь!.. — сморщился снова Чирков. Аня взглянула и чуть не вскрикнула: нога милиционера была неестественно вывернута. Подошел Ванчо, как побитый, хотел поправить ее, но Чирков застонал. Было ясно, что нога сломана.

Жалко было Чиркова. Ванчо и Гирго, казалось, лишились речи — в глазах их стоял страх и испуг.

— Ну, что вы стоите-то? Делайте что-нибудь! — чуть не плача, сказала Аня.

Ее крик вывел ребят из шокового состояния, и они бросились к Чиркову, помогли ему подняться и сестра на карту.

— Хана мне... — сплевывая в снег, мрачно сказал милиционер.

— До дров надо доехать... — сказал Ванчо.

Рано стали на ночевку. Парни очистили место от снега, бросили туда две шкуры, поверху — мешок. Втроем помогли стонущему милиционеру залезть в мешок, накрыли сверху сакуями и зарыли снегом — лежи, пока добудем огонь.

Уже в сумерках на снегу запылал огонь, отпугнув уродливые тени и тревожные думы.

Ванчо где-то нашел доску от старой плашки и стал топором обтесывать — делал пластины для ноги милиционера. Чиркова откопали из снега — и пожалели: зря потревожили. Не снимая унтов, осмотрели ногу. Крови не было — но все же перелом... закрытый. Сверху бакаря приладили две пластины и крепко привязали.

Ночь для Ани прошла почти без сна. Дони-мая холод. Под снегом стонал и мучился Чирков. Лишь под утро, когда ковш Большой Медведицы переместился на другой край неба, Аня залезла в мешок и ее, как Чиркова, Гирго забросал снегом.

Спала она или нет... Очнулась от криков Чиркова.

— Анна Ивановна! Анна Ивановна! Вставайте!.. Они, сволочи, бросили нас замерзать!.. Зарыли в снег — и концы в воду!.. Они бросили нас!..

«Перестаньте!» — хотелось крикнуть Ане, но она сдержалась.

— Успокойтесь! Они ушли за оленями.

Аня пошевелила ногой головни, поднялся пепел и мелькнули красные угольки. Сейчас будет огонь... Смутная тревога снова ожила и начала разрастаться. Высунулся из снега Чирков и, весь дрожа от холода, с надеждой в голосе спросил:

— Не пришли еще? — уныло поглядел на Аню и полез обратно в мешок. Аня подошла, зарыла его снегом, вернулась к костру. Болела голова, лезли мрачные мысли: а вдруг что случилось в тайге? Может, они и вправду бросили их?

Звякнули колокольчики, и она отчетливо услышала характерное дыхание оленей. Зашуршал снег, зацелкали ноги. Вмиг слетела тяжесть с души. Окружающий мир, такой неласковый и холодный, посветлел, смягчился. Шевельнулось теплое чувство к этим парням.

— Едут! — радостно закричала Аня. — Николай Васильевич, едут!..

На Чиркова страшно было смотреть: один нос да глаза остались на обросшем щетиной лице.

Ванчо и Гирго подъехали верхом на быках, остальных оленей ввели в связке.

— Чуть без оленей не остались... — сказал Гирго. — Волк тут живет, старый... его, видно, выгнали из стаи, либо сам ушел. Задавил важенку... Остальные олени убежали, еле догнали их...

«Беда не ходит одна, — вяло подумала Аня. — Неужто все дурные приметы начинают сбываться? О, боже, так можно верующей сделаться!»

...Когда она порвала этот злополучный бакарь?.. Сегодня стала невыносимо мерзнуть нога. Попыталась разминать ее и тут увидела дыру — туда набился снег, спрессовался. Пошоркала подошвой об нарту, чтобы выдавить снег, — напрасно.

«Попросить разжечь костер?.. Стоит ли по всяким пустякам останавливаться и разжигать костры... Парни тоже выбились из сил...» Надо лучше пробежаться, решила она. Крикнула Гирго, и они побежали, держась за спинку нарт. Аня старалась сильнее топтать ногой, выдавить, растерсти снег — может, потом удастся зажать чем-нибудь или перевязать дыру. Аня уже задыхалась, но желанное тепло не наступало. Нога деревенела.

Холод лишил ее воли, она в отчаянии закричала. Гирго удивленно оглянулся, дернул за повод и крикнул Ванчо. Ванчо кинул взгляд на унты и все понял:

— Что же молчала-то?

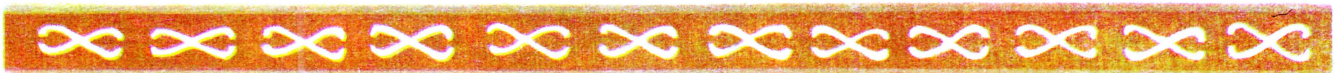
Аня плакала. Ванчо хмуро огляделся — кругом тундра, до дров далеко. Гирго, нахохлившись, как воробей, испуганно молчал. Ванчо молча двинулся к своему каравану. Отвязал важенку, беговую сзади без пары, отвел чуть в сторону, в снег, и вынул нож. Приставил острие ножа к затылку важенки и резко ткнул. Та, как подкошенная, упала в снег и забилась ногами. Гирго уже стоял рядом, с котелком — он сразу догадался: про этот древний способ приходилось ему слышать.

Забулькала темная жидкость. Наполнив наполовину, Ванчо завернул голову оленихе, кровь перестала течь. От котелка шел пар.

Аня все еще не поняла: «Что он хочет делать?»

Граверы из Узлена заслуженный художник РСФСР **ВАСИЛИЙ ЕРМЫКАИН** и заслуженный художник РСФСР, лауреат премии имени Репина **ТАТЬЯНА ПЕЧЕНЕВИЧА**.

ПОЛЯРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Если северное сияние зеленое – погода будет устойчивая; если полыхает разноцветье – жди ухудшения.

Первый мороз прихватил комару крылышки... Отзвенел комар, свалился во мхи, перестал оленю докучать. Скоро дожди придут, ветры налетят. Пришел первый осенний месяц «Луна аисты» – русский сентябрь...

Отныне тихие морозы во второй половине декабря и январе. Охотники-эвенки угадывают, продолжительно ли будет это спокойное зимнее время по тому, как рано бурндук начал собирать орех, высоко ли белка прыгает на деревьях своей грибной запахе.

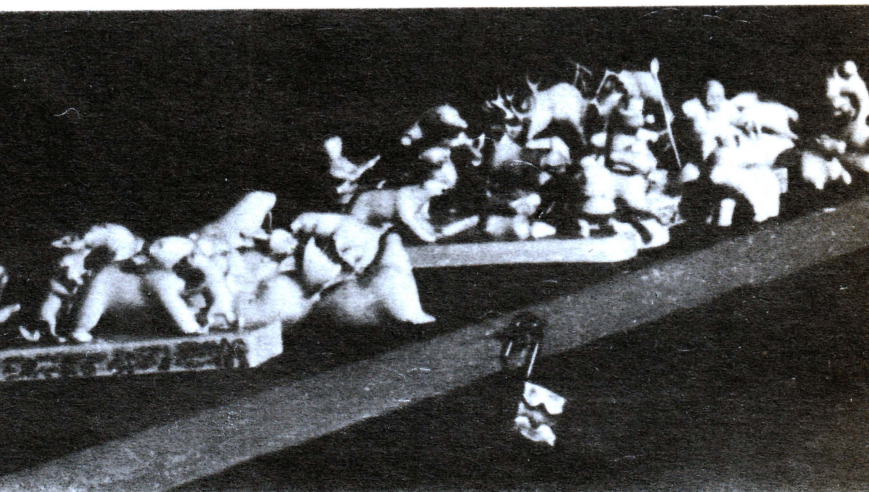
«Телвяний» буран – как только родится первый олененок в стаде, пастухи ждут в конце мая или начале июня затяжного теплого бурана; как правило, он бывает, когда идет олений отел с обильным снегом, и довольно продолжительный.

Два ложных солнца северное сияние зажжет на небе – пора теплее одеваться: к морозу.

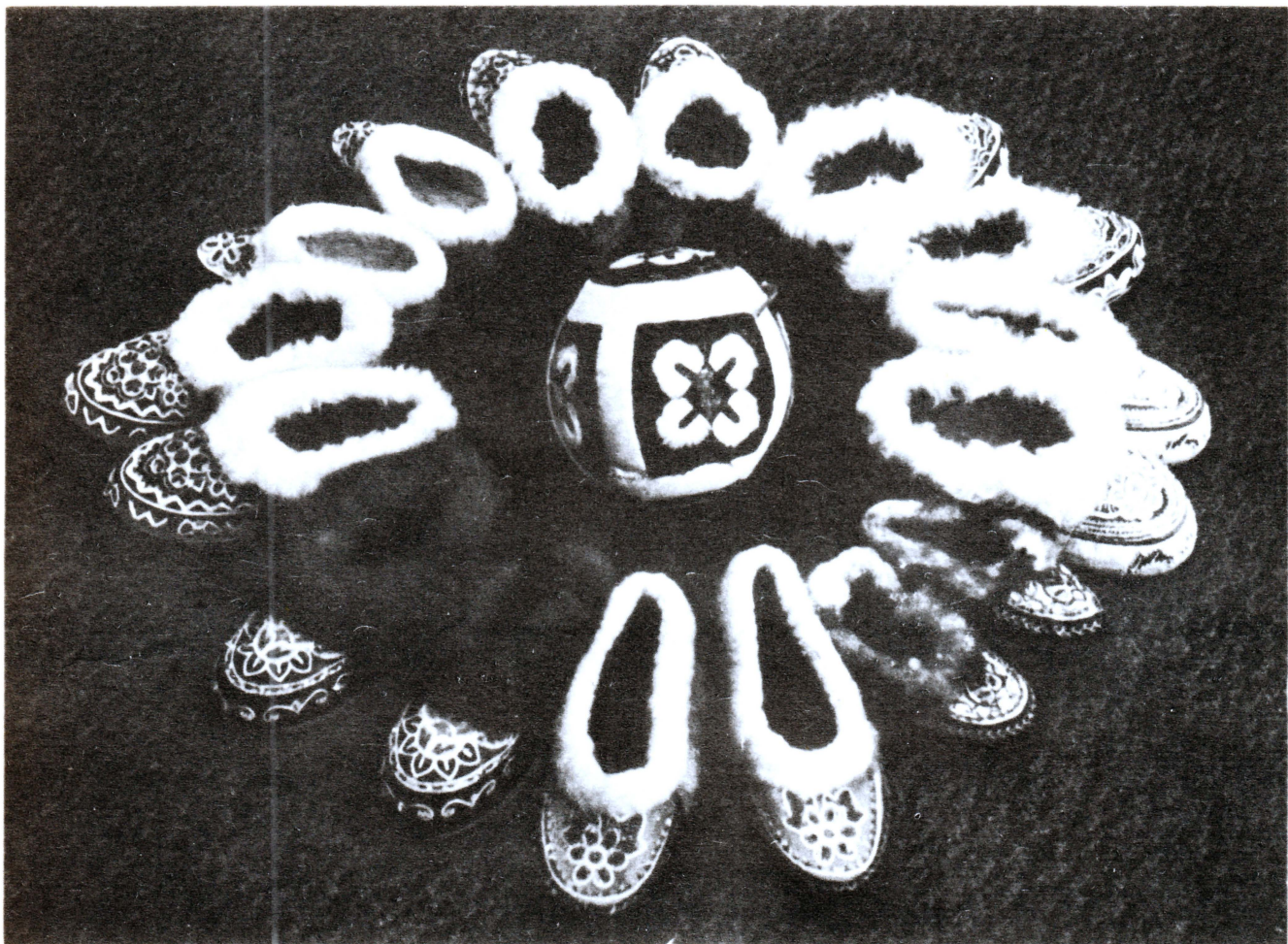
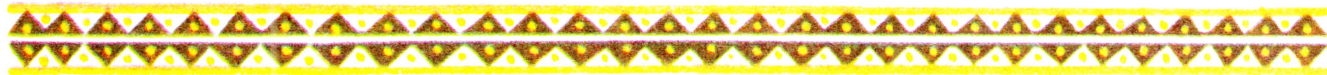
У нас «весна света», у манси – месяц «дешного орла»; в это время домашних оленей выпускают на все четыре стороны – пусть сами ищут корм под плотной коркой – настом...

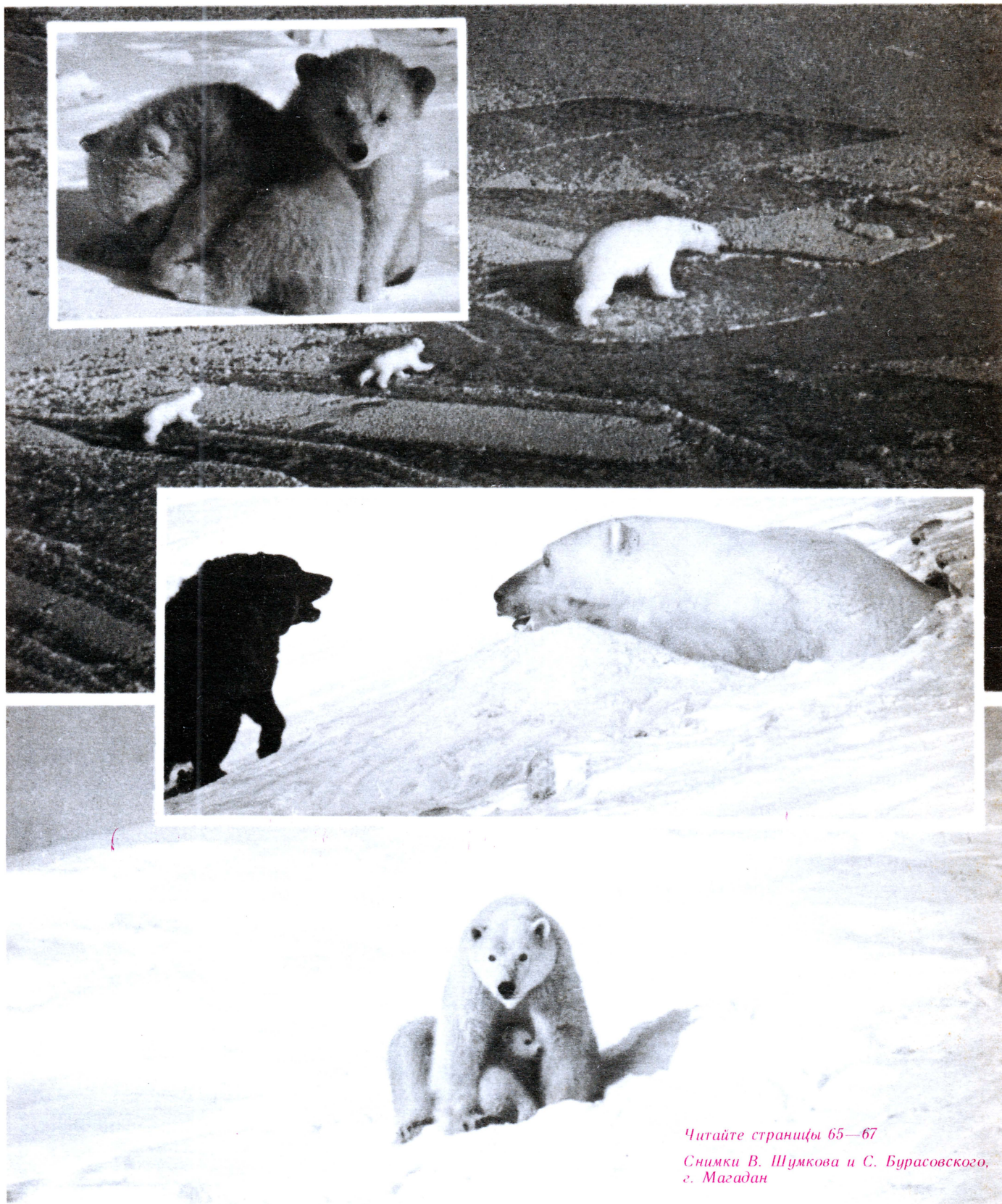

Наставник по прикладному искусству, заслуженный работник культуры РСФСР УХСИМА из поселка Providenia.

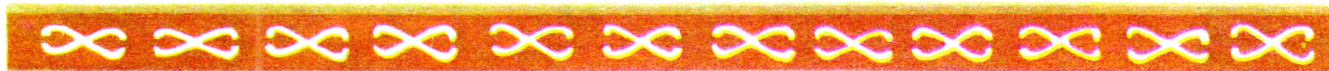

Читайте страницы 65—67
Снимки В. Шумкова и С. Бурасовского,
г. Магадан

— Пей! — он поднес котелок к лицу.

— Да вы что, с ума сошли? — с отвращением сказала Аня.

— Жить хочешь — пей! — снова, как приказание, повторил Ванчо.

Аня зажмурилась и прикоснулась губами к щиплющему металлу. Насильно сделала два глотка, теплая жидкость не лезла в горло. Бывший продавец снова закричал на нее и заставил выпить еще несколько глотков. Не так и противно, только смотреть не нужно...

Ей помогли подняться и подойти к оленю. Гирго помогал снимать бакарь, а Ванчо, распороз живот оленихе, сказал:

— Засовывай туда ногу!..

Аня молча подчинилась. Холод окончательно сковал ее мысли, заморозил волю. «Делайте, что хотите...» — безразлично думала она. Втроем, похотая и мешая друг другу, затолкали внутрь посиневшую, негнущуюся ногу. «Так, так делай», — показал руками Гирго, как нужно массажировать. Аня сунула руку, начала тереть, ломать пальцы, щипать за подошву — никакого результата... Начал помогать Ванчо...

Через минуту по ноге забегали мурашки, появилась отдаленная боль, и Аня поняла, что нога оживает. Потом появилось ощущение, что нога попала на раскаленную жаровню — невыносимо занули пальцы... Аня чуть не взвыла. Боль становилась все острее.

Живая кровь сделала свое дело: боль стала ослабевать, нога начала слушаться. Теперь Ванчо заставил ее растирать снегом — нога покраснела: вернулась кровь. Ванчо насухо вытер ногу Ане, одел шерстяной носок, завернул портянку и натянул меховой чулок. Сверху одели бакарь, обмотали тряпкой, чтобы снова не попал снег, и заставили Аню прыгать.

Между тем Ванчо снял шкуру с важенки — вылупилась красная туша. Он вынул изнутри теплую печень и, почти не жуя, стал глотать целыми кусками. Отрезал и подал Ане:

— Ешь, тепло будет.

Аня взяла пахучую печень, откусила — она не казалась противной.

Быстренько собрались в дорогу. Аню посадили в мешке на нарты.

— Смотри, не вывались! — предупредил Гирго.

И опять она слышала скрип полозьев, щелканье ног, ритмичную дробь копыт. Эта нескончаемая песня убаюкала ее, Аня задремала. Очнулась от тупой боли в пояснице. Навалился жар и слабость — она поняла, что заболела.

Впереди слышались хриплые стоны Чиркова.

«Что теперь будет с нами?» — горько подумала Аня.

Остальную дорогу она вспоминает отрывочно, смутно. Несколько раз Ванчо и Гирго зарывали их с Чирковым в снег, откапывали, поили чаем, и Аня снова проваливалась в забытие, как в пропасть. Перепутались дни и ночи...

И скрипели полозья, щелкали оленьи ноги, тянулась однообразная песня.

— Солнечная невестка! Солнечная невестка!.. Ты живая?.. — тормошил ее Гирго.

«Что это, какое странное прозвище...» — думала Аня.

— А где Ванчо и Гирго?.. — был ее первый вопрос в больнице. — Ну, эти ребята?..

— Они молодцы, — ответили ей. — Они доставили вас...

Ане и Чиркову сделали операции. У Ани пострадала, по какому-то совершенно непонятному закону, правая нога; а левая, которую спасали Ванчо и Гирго, — нет...

Период Хугдарпи только еще набирал силу.

В тот год вымерзли до дна речки и озера, задохлась рыба, померзла птица...

Морозы отпустили только в марте, в месяц Ворон.

...Зачем нужно было испытывать период Хугдарпи?

ЗИМОВКА НА ГЫДАНЕ

Анатолий КОНСТАНТИНОВ

Русский характер был у купца Сибирякова... Мог бы этот человек жить спокойно, присвокупляя к своим «золотым» миллионам новые и новые деньги. А он бросался из одной авантюры в другую — и не в финансовые, а в опасные полярные предприятия. Снаряжал в путь знаменитого Норденшельда, субсидировал северо-сибирскую экспедицию не менее знаменитого Брема... Он и сам испытывал неудержимую тягу к странствиям: переваливал Полярный Урал, путешествовал по полярным морям.

Загоревшись идеей морского транспортного «моста» Европа — Сибирь, в 1880 году сибирский предприниматель нанимает пароход «Оскар Диксон» и из норвежского порта Гаммерфест берет курс на енисейское русло.

Благополучно миновав кончик ямальского «носа» — остров Белый, шведский пароход уперся в стену непроходимых паковых льдов. Потолкавшись у этой ледовой стенки, капитан Нельсон благоразумно посчитал, что следует взять чуть южнее. Так «Диксон» оказался в Гыданской губе.

Стояла жестокая арктическая осень... «Диксон» рыскал то на норд, то на зюйд, но везде его встречали льды. К открытым водам Карского моря капитан Нельсон пробиться не мог. Моряки сочли за благо готовиться к зимовке.

Сибиряков, подождав, когда подстыла тундра, начал действовать. Он связался с местными ненцами и нанял два оленных каравана. С одним сам двинулся на юг, к Обдорску, другой отправил на восток, к Дудинской фактории. С Сибиряковым на оленях упряжках ехали

все больные и немощные моряки. Помощь тундровиков оказалась неоценимой — все путешественники благополучно выдержали почти тысячекilометровый путь по восточному побережью Обской губы. Такого примера история исследования Северной Сибири не знала.

Оставшиеся моряки перезимовали, пользуясь поддержкой окрестных оленеводов, — не заболели даже цингой. Подвела их торопливость капитана Нельсона — как только вскрылась губа, он поспешил вывести пароход на открытую воду. Столкнувшись с матерой льдиной, «Оскар Диксон» затонул... Экипажу пришлось спасаться на шхуне и шлюпках.

Гыдан сурово встречал своих первых исследователей. Три года подряд посылал неутомимый Сибиряков свой пароход «Норденшельд» в Енисейское устье. И эти попытки оказались неудачными.

Осенью 1892 года Александр Михайлович Сибиряков предпринял путешествие на пароходе «Енисей» от Березова до Тазовского устья. Этот путь тогда был малоизвестен. Время для путешествия выбрали не совсем удачно: сентябрь — месяц штормов. Судно не раз садилось на мель, часто попадало в шторм, долго дождалось благоприятной погоды у прохода через Ямсальский бар.

«Пароходных сообщений Таза с Обдорском не устроено, — с горечью констатировал путешественник. — Между тем такое сообщение имело бы значение для всего северного края...»

...Есть в Карском море, у восточного выхода из Гыданской губы, остров Сибирякова. Арктика умеет ценить неукротимый дух русского человека.

КОРНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Роман ЧУК

Недавно создан кетский алфавит, еще одна маленькая сибирская народность получила свою письменность. Пожалуй, прецедентов в истории человечества мы не отыщем — ведь кетов менее тысячи человек...

«Северо-Американский континент не был отделен от материка Азиатского». Кто это утверждает — географ, геолог? Нет — ученый-лингвист. Вывод он делает на основе тщательных исследований языка кетов, населяющих междуречье Таза и Енисея. «Взрывная» информация оказалась заложена... в обычном кетском глаголе!

Но каждому ли покажется убедительным довод, который базируется на тонкой ниточке языковых связей сибирских кетов и североамериканских индейцев? Не существует ли более осязательных доказательств?

Недавно в районе Берингова пролива работали советские океанологи. Их исследования подтверждают гипотезу лингвиста, что первое, древнейшее, заселение Америки шло из Азии, через Чукотку, по Берингоморскому «мосту»...

А легенда о первобытном Прометее?! Записано два

варианта кетской сказки о молодом человеке, который, испытав немало приключений, получает огонь от орла. Похожий миф распространен среди индейцев Северной и Южной Америк...

«Разгадать полностью строй кетского языка — моя мечта». Кетская проблема для лингвиста Андрея Дульзона имела не только языковое значение; он видел в ней «заманчивую перспективу приоткрыть завесу над древнейшей историей Евразии». За свою монографию «Кетский язык» профессор Томского государственного педагогического института А. П. Дульзон удостоен Государственной премии СССР.

...У бабушки Хонам — восемь детей. Старший, Павел Сутлин, — наследник родового гнезда, охотничает в енисейском селе Верхнеимбатском. Евгения трудится на заводе в Красноярске. Валентина закончила медучилище, живет на Тунгуске. Еще один семейный медик, Марина, училась в Дивногорске. У Ольги и Зины — дипломы Игаркинского училища народов Севера, они учительствуют в Эвенкии. Сергей служит в армии. Одна Зоя дома...

Развелось по свету семья кетской семьи, в одном поколении развелось — ведь ни Хонам, ни муж ее, умер-

ший Зипрянь, никогда не помышляли покидать родные места.

Шел я к Павлу Сутлину, но время стояло такое, начало сентября, когда настоящий промысловик уже в тайге, еще не промышляет, но уже готовит зимовье.

В доме остался единственный мужчина — годовалый Саша, пользующийся постоянным вниманием женщин: бабушки Хомам, мамы Тамары, приехавшей рожать тети Оли и заглянувшей в гости тети Марины.

Бабушка разговаривает с внучоном по-русски.

— Что же вы родному языку не учите? — спрашиваю я.

— Так уж и своих-то по-русски растила... — смущается Хомам.

— Девочки — куда ни шло, но Саша-то наследник: вырастет, а кетского языка знать не будет.

— Научим, научим, — вмешивается мать Тамара.

В этой большой семье только трое знают родной язык: бабушка Хомам, Павел и Тамара. Случается, перекинутся меж собой парой фраз, но обычно и семейные разговоры ведутся на русском.

А жаль, наверняка жаль... Кетская загадка таит в себе ответы на многие вопросы из истории не только этого народа, но и всего человечества — Азии, Европы, Северной и Южной Америк и даже, как полагают, Австралии. Уходит кетский язык из быта живущих, и вместе с ним, возможно, уйдут спрятанные в нем загадки...

Ничто в доме Сутлиных не напоминает о родовой принадлежности — обстановка, как в любой сибирской семье. Кто скажет, что здесь живут те, в чьих жилах

течет кровь гуинских воинов покорителя Атиллы? Дервянная кукла с мрачным черным лицом, Аланбан, священная старуха, семейный амулет, или, скорее, теперь уж — сувенир, еще прячется у бабушки под подушками... Немного поколебавшись, Хомам вынесла тонкий железный четырехгранник: вверху и посередине трезубцы, а конец раздвоен и согнут. Это шаманский посох, жезл. Его дают поддержать наследнику когоновского рода. Живой черноглазый малыш цепко схватился за четырехгранник. Но наследнику великого шамана он доставляет лишь минутное удовольствие — внимание ребенка перехватывает телевизор...

А. П. Дульзон считает, что четыре тысячелетия назад предки кетов имели контакты с народами Центральной и Юго-Восточной Азии. «Время кавказско-енисейского контакта, очевидно, нужно отодвинуть еще дальше в глубь прошлого». Что же до легендарных гунов, анализ языковых данных позволил ему сделать предположение о том, что «господствующая или соседняя с китайцами группа племен гуинского государства говорила на енисейском языке».

Человек, даже неважно разбирающийся в географии, скажет, что Кавказ, Памир, Кордильеры, Пиренеи находятся друг от друга довольно далеко. Но у кавказских абхазцев, вершиков Памира, гватемальских индейцев, испанских басков, языки которых называют «генетически изолированными», исследователи находят много общего с енисейскими языками. Именно поэтому кетская проблема приобрела поистине планетарный масштаб.

Так что внуку бабушки Хомам вряд ли стоит забывать язык своих предков...

ОЛЕНЬИЙ ПРОБЕГ

Алексей ЮЖАКОВ

В один из февральских дней 1937 года жители Салехарда собрались на берегу Полуя, вглядываясь в заснеженную тундру: там, на горизонте, быстро приближались олени упряжки. Сам по себе вид упряжки не мог привлечь внимания, их можно было десятками видеть на улицах тогдашнего Салехарда. Причиной многолюдия было то, что в этот день, 4 февраля, давался старт первому пробегу на оленях.

Пробег был организован Салехардской научно-исследовательской ветеринарной станцией по инициативе окружкома партии в честь пятилетия образования Ямало-Ненецкого округа. Кроме агитационно-пропагандистских целей, устроители преследовали и научную — изучение транспортных возможностей северного оленя на сверхдлинном пробеге при отсутствии пастбищного кормления. Маршрут проходил через Мужы, Березово, Ханты-Мансийск, Уват, Тобольск, Вагай, Малахово, Тюкалинское и заканчивался в Омске.

Оленей для пробега выделяли колхозы. Стадо готовили и тренировали. Оленей приучали есть сено и хлеб, что представляло немалые трудности — ведь животные брались с вольного выпаса. Сорок четыре оленя, допущенных к пробегу, распределили между десятью участниками, в составе которых были три ненца, один ханты, трое коми и трое русских.

В пять часов вечера 4 февраля 1937 года начал караван свой длинный, трудный и неведомый путь.

Разные были природно-климатические условия, не одинаковая погода, но средняя часовая скорость держалась восемь километров — за ходовой день преодолева-

лось расстояние до ста километров, в среднем — шесть-десять миль. Первые признаки усталости у некоторых животных стали обнаруживаться спустя тысячу километров, выдохшиеся животные освобождались от работы. Бережное и разумное отношение к ездовым оленям позволило пройти практически весь маршрут без непредвиденных остановок; за все время было потеряно лишь два животных.

Лесотундра на долгое время уступила место тайге. Южнее Тобольска начались березняки, перешедшие затем в степь, простирающуюся до самого Омска; двадцатиградусные морозы сменялись мокрыми буранами, оттепелями. Олени как бы везли людей из зимы в весну...

Ветврач А. Г. Ревнивых в своем отчете записал интересные наблюдения за поведением животных. Поначалу при встрече с лошадьми олени шархались, потом картина переменилась, лошади, не знавшие оленей, завидев упряжки, отчаянно рвались в сторону от дороги вместе со своими седоками... Большое любопытство, даже агрессивность, проявлял крупный рогатый скот. К автомобилям олени, например, привыкли быстро, но к массовым скоплениям людей так и не смогли привыкнуть.

Преодолев 2800 километров за 56 дней, северные прибыли в Омск, где им приготовили торжественную встречу.

Столь большой по протяженности и длительный по времени пробег был, видимо, единственным за всю историю советского оленеводства.

ОПЫТ ОСВОЕНИЯ

Жизнь показала, что города на Севере первые года два-три обустраиваются беспорядочно и только после подчиняются какому-то плану. В Надыме закольцевали сначала бетонку вокруг газосборочного пункта, и вокруг пошел расти город. Уренгой вынужден был «плясать», как от печки, от железнодорожной ветки — так она и сейчас идет, нелепо, посреди города...

Ведомственность мешает многим работам, которые могли бы быть централизованы. Буровики, эксплуатационники, строители — каждый норовит поставить «свою» котельную, «свой» клуб и т. д.

Юрий Рытхэу писал об этом в «Литературной газете»:

«Что лучше для небольшого поселка — иметь одну большую, хорошо оборудованную современной техникой котельную, или почти два десятка кустарных, вечно дымящих, застилающих такое редкое на Севере солнце черным дымом? «Как это, — говорили мне в бухте Провидения, — котельная гидробазы будет отапливать дом, принадлежащий морскому порту?! Это разные организации, разные деньги...»

■ ■ ■

Как построить железную дорогу в тундре, чтобы она не была подвержена постоянным размывам и оползням, которые вызывают нарушение слоя вечной мерзлоты? Над этим немало думали и ученые, и производственники, когда встала необходимость в сооружении магистрали Новый Уренгой — Ямбург. Коллектив ученых Всесоюзного дорожного научно-исследовательского института в Москве предложил использовать для этого специальный материал — геотекстиль, или, как его называют сейчас, — дорнит. Это белое, очень плотное, синтетическое нетканое полотно, способное пропускать воду.

Как же ткань предохраняет дорогу? Она держит насыпь. Дело в том, что грунт — а он очень влажный в тундре — под полотно не просто отсыпается, а заворачивается в эту ткань. Вода затем из него уходит, а почва — в основном, это мелкий песок — уплотняется и остается. Насыпь «пеленается» обычно не на один слой, после чего укрепляется балластом, привозной щебенкой, и только потом кладутся рельсы.

Подобная технология строительства магистралей в отечественной, да и в мировой практике применяется впервые. Ее довольно успешно освоили строители трестов «Уралстроймеханизация» и «Тюменьстройпуть».

ЧЬИ НОСЫ

Сергей
ВЛАДИМИРОВ

Географические названия Арктики сравнительно молоды, в них нет вековых наслоений. И тем не менее не всегда сразу удается объяснить их происхождение... Вот примеры по Западному сектору Советской Арктики.

КАНИН НОС

В 1823 году Ф. П. Литке с трудом опознал этот мыс на имевшейся у него голландской карте в искаженном «мыс Канденос». Еще раньше на некоторых картах мыс обозначался как «Конда-Нос». Это дало основание ученым толковать его происхождение от старинного датского названия Белого моря — «Гандвик» — «Залив Чудовищ». Последнее время топонимисты все чаще связывают происхождение названия с ненецким диалектным словом «канинзь», что значит «мерзнуть».

Термин «нос» в значении «мыс, выступ, гора» получил распространение по всему Северу, Сибири, Дальнему Востоку.

ОСТРОВ КОЛГУЕВ

В старину этот большой остров в Баренцевом море называли «Хэлгола». Ученые пытались объяснить его происхождение от финского «колкка» — «угол, край, яма» и поморского диалектного «колга» — «лыжа». Но, несомненно, ближе всех к истине Ф. П. Литке, еще сто пятьдесят лет назад сказавший, что это и многие другие старые названия Баренцева моря — «остатки языков, истребившихся вместе с народами, которые говорили ими».

ХАЙПУДЫРСКАЯ ГУБА

Она находится восточнее устья реки Печоры (река Пешер). Название губы происходит от впадающей в нее реки Хайпудыры, в устье которой было ненецкое кладбище. В верховьях ее — густой хвойный лес, который ненецы называли «хейвыд педеры» — «страшный лес», так как он будто бы находился под влиянием злых духов. Штурман И. Н. Иванов утверждал в начале прошлого века, что местные жители никогда не рубили этот лес и приносили в жертву оленей этим духам.

ШАРАПОВЫ КОШКИ

Это небольшая цепочка островов, протянувшихся вдоль западного побережья Ямала на юг от мыса Харасавэй. Кошками поморы и теперь называют длинные песчаные мели, которые простираются параллельно берегу. А слово «шарап» исчезло из русского языка. Уже в кон-

И ОТКУДА КОШКИ?

це прошлого века в «Толковом словаре» В. И. Даля оно приводилось с пометкой «старинное, новгородское»: «Шарап, шерап, условный грабеж». Назвали острова так за коварный нрав. Низкие, заливаемые во время приливов и нагонных ветров, они представляли большую опасность для мореплавателей.

Много поморских кочей нашли здесь могилу. Одно из кораблекрушений описано голландцем Н. Витсенем со слов кормщика Родиона Иванова, судно которого разбилось у Шараповых Кошек 1 сентября 1690 года. Во время зимовки на них от цинги погибло одиннадцать человек из пятнадцати. Их на следующий год подобрало поморское судно.

КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Когда-то давно его называли Терский Наволок, вероятно, от новгородской волости Тре. «Наволок» — древний поморский термин, означающий «полуостров». На иностранных картах в средние века он подписывался «Биармия, Лапанд, Лапния», на русских — Лапландский полуостров, Мурман, пока во второй половине XIX века не стал Кольским.

А виной тому стало древнее русское поселение Кола, в свою очередь получившее название от одноименной реки, на которой оно стоит. Название же реки происходит от финно-угорского «кульок» — «рыбная река». Так что Кольскому полуострову значение рыбного вполне подходит.

СВЯТЫЕ НОСЫ

Сразу три мыса в Арктике носят это название. Два в Баренцевом море: на Кольском полуострове, другой в Индигской губе — ему обычно в скобках, чтобы не путать, добавляют («Тиманский») и в море Лаптевых на входе в пролив Дмитрия Лаптева.

Советские топонимисты осторожно связывают прилагательное «Святой», — мы цитируем официальный справочник: «с крестом (крестами), которые ставили русские поморы на могиле умершего мореплавателя, или как своего рода маяк, опознавательный знак для мореплавателей».

И уж совершенно нелепо мнение серьезного исследователя топонимии Кольского полуострова А. А. Минкина о тамошнем Святом Носе: «Появление этого топонима приписывают деяниям чудотворца Варлаама Керетского. Согласно «Житию Варлаама Керетского», он сотворил четыре чуда. Одним из них было уничтожение морских червей, водившихся у Святого Носа, которые источали дннца кораблей в труху».

Но ведь еще в прошлом веке Норденшельд утверждал: «...Название «Святой Нос», бывшее для старинных русских полярных мореплавателей равнозначным с «мысом, мимо которого не пройдешь». Действительно, вот как записал С. Герберштейн рассказ русского посла Григория Истома, плававшего в 1496 году в Данию: «Этот

Святой Нос есть огромная скала, выдающаяся в море наподобие носа. Под этой скалой видна преисполненная водоворотами пещера, которая каждые шесть часов поглощает море и попеременно с большим шумом возвращает эту пучину, извергая ее обратно. Сила же этой пучины настолько велика, что она притягивает корабли и другие предметы поблизости, крутит их и поглощает; по словам толмача, он никогда не находился в большей опасности. Ибо когда эта пучина стала внезапно и сильно притягивать к себе корабль, на котором они плыли, то они едва спаслись оттуда, оказав с великим трудом сопротивление веслами».

У Святого Носа в самом деле сильные приливо-отливные течения. Можно представить, как тяжело они давались крохотным парусным и гребным судам. Вот почему здесь ставились опознавательные «кресты-признаки», и могильные кресты появлялись не раз. Это были почитаемые, святые мысы. И не потому, что здесь древние мореходы воздевали руки к небу, а потому, что у этих опасных мысов, кроме того, надо было менять курс (норвежцы Святой Нос (Терский) так и называли «Вегестад» — «Путевая Скала»), а это делать на парусных судах в свежую погоду было нелегко.

«В настоящее время, — продолжает Норденшельд, — никто уже не думает со страхом о двух «святых носах», ограничивающих в старину морские плавания на восток и на запад живших на Белом море русских и финнов. Я совершенно уверен, что та же судьба постигнет со временем все остальные «святые» носы Сибирского побережья. На самом деле существовавшие еще в XVIII веке мысы «Первый и Второй Необходимые» или «Первый и Второй Святой Нос» уже в прошлом веке стали называться Шелагский (по имени эскимосского племени шелагов) и Дежнева (в честь казака-первопроходца С. И. Дежнева).

ЯМАЛ

«Обдорья, Лукоморье, Страна Самоедов» — как только не называли его в древности. Западно-европейские картографы Линшотен и Блавий нарекли его «Новая Западная Фрезия». В честь боцмана голландского китобоя Виллема Де-Фламинга его называли «Землей Эльмерта», хотя боцману померещилась какая-то земля явно в другом месте.

Кое-кто пытался даже объяснить, что появившееся в середине прошлого века название полуострова Ямал как раз происходит от «Эльмерт-ланд», то есть — «Земля Эльмерта». Это утверждение опроверг профессор Б. М. Житков в 1913 году, считавший, что название происходит от шайтана, которого ненцы именовали Яумал-Хэ. «Яу» — «речной», «мал» — конец, «хэ» — святой.

Однако еще со времен Великой Северной экспедиции северо-восточный мыс полуострова обозначался: «Мыс, именуемый Ямал, то же есть конец земли». Лейтенант Дмитрий Овцын не только записал верную транскрипцию названия Ямал, но и дал его верный перевод. Правда, он ошибся, считая, что здесь жило ненецкое племя, носившее такое имя. По ясачным книгам известно, что на северо-востоке жило племя Окоэтэто, а род Ямал жил на северо-западе полуострова.

МЫ — ДЕТИ ТВОИ, СЕВЕР!

Татьяна Александровна МОЦДАНОВА,
учитель, старший методист
по декоративно-прикладному
искусству
Ханты-Мансийского окружного
научно-методического центра
народного творчества

Меня очень волнует утрата родного языка. Если в разговорной речи он продолжает жить, то письменным в нашем юном поколении владеют буквально единицы... Хантыйский язык развивался вместе с народом, он отражает его историю, быт, роднит с северной природой. Русское слово «болого» — это что-то жуткое, непроходимое, страшное. Хантыйское же слово «нёрум» — это бескрайняя желтизна морошки шюля, голубое покрывало голубики августя и клюквенное пламя сентябрю...

Детей своих ханты воспитывали на легендах, сказках, чудодейственную силу которых мы чувствовали не только в счастливую пору детства.

Ко мне обращаются не по имени, а по родственным отношениям. Одновременно я оказываюсь в разных жизненных ролях: для одних — «Айе» — «маленькая», для других — «Упие» — старшая сестра, «Анэкие» — мама... Оторвавшись от своей социальной среды, теряя язык, мы утрачиваем традиционное обращение и, как следствие, сами родственные отношения...

Подвигом можно назвать работу первых учителей, приехавших в наш суровый край. Эти люди, отдавшие себя гуманной миссии просвещения, овладевали языком, культурой, уважали обычаи народа. Они учили русскому языку, организовывали занятия по охотпромыслам, они писали первые учебники для национальных школ, воспитывали национальную интеллигенцию. Моя родная Казымская школа помнит имена А. Н. Лоскутова, В. А. Архангельского, З. Е. Алачевской и многих других учителей.

В настоящее время национальная школа, на мой взгляд, переживает глубокие противоречия. В чем я вижу причину? Во-первых, в закрытии малокомплектных школ: слишком рано увозим детей в интернаты. «Безмажные» дети не будут иметь корней. Как ни парадоксально, но школа породила и родителей, с которых сняли всякую заботу за судьбу ребенка.

У народностей Севера существовали свои традиции и правила воспитания — не было «трудных» детей. Сегодня же в национальных классах сплошь и рядом «упрямые молчуны». Трудно учителям, и видят они беду. Дети, прошедшие садик, практически не знают родного языка, но и они попадают в разряд «молчунов». Может быть, теперь они «молчат по-русски»? А есть ли в этом разница?

Хантыйские дети, утратившие родной язык и не освоившие русский, утратившие свою культуру и не впитавшие другую, вырастают с психологией обиженных на весь мир. Не способные утвердиться в многонациональных коллективах на равных, страдают от этого, некоторые нашли легкий путь, научились прикрывать свою лень и нерадивость: «Мы не можем, мы же хантыйки». Как хорошо, как удобно жить!

Не от скудоумия и бедности души замолчал в старших классах Сережа М., не от ущербности личности злится талантливая Аля П. — нет!.. Молчат и вредничают от непонимания и равнодушия к их миру.

А как богат этот мир! Только диву даешься яркости, меткости выражений на родном языке!.. На каникулах черпают дети интерната необходимый эмоциональный, духовный запас для дальнейшего «мучения» в школе. «В чуме хорошо, скучно не бывает. Вечером сказки по-хантыйски рассказываем, отец песни поет. Днем шьем чижики, бурки, шапки, шкурки выделываем, камусы... Мама говорит — я делаю. Собакам варим, оленей кормим», — рассказывает Галя Лозямова о своих зимних каникулах.

Советская школа ставит задачу воспитания развитой, активной личности. Но сегодня на нашей земле нужны как новые, так и традицион-

ные профессии. Поэтому национальной школе необходимо вернуться к тем, кого она обучает. Педагоги обязаны овладеть глубокими знаниями национальной культуры, искусства, психических особенностей детей. Из необъятного богатства народной и хантыйской культуры надо применять не только орнаменты, повешанные «сверху ногами», которыми прикрываются многие школы округа... Школа должна быть пронизана национальным духом, чтобы пробудить этническое сознание ребенка.

Лина Григорьевна ТЫНЕЛЬ,
редактор Магаданского
областного книжного издательства

Мне думается, настоящих людей немисливо воспитать вне влияния семьи, производственных связей. В настоящее время нарушены крепкие узы между родителями и детьми. Дети чужды чуть ли не с пеленок воспитываются в яслях, садах, интернатах. Отсюда отрыв от родной языковой среды. Родители сетуют, что годами не видят своих детей...

И получается из наших детей «ни рыба ни мясо»... Повзрослев, многие из них ни сюда не прикнутся, ни там звезд с неба не хватают, словом — потерянное поколение. И пройдут годы и годы, прежде чем они обретут свое дело, свое достоинство.

Больно оттого, что среда не дает обрести чувство национального достоинства смолоду. Приезжие учителя, не знакомые с психологией северных детей, с узлом проблем, исходящих из разрыва семьи северянина, готовы на основании того, что дети плохо усваивают учебный материал, немедленно записать их в умственно отсталые и отправляют еще дальше от родных мест, в спецшколы...

Сегодня достаточно налажена связь между центральными усадьбами совхозов и оленеводческими бригадами. Без особого ущерба для детей можно оставлять их у родителей-тундровиков до достижения школьного возраста, а школьников

непрерывно отправлять на летние каникулы. И не надо чинить препятствия детям, которые до восьмого класса хотят остаться помогать родителям в оленеводстве! Для выполнения же всеобуча — наладить систему заочного обучения.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК,
действительный член
Географического общества СССР

ФОЛИАНТ БУРГОМИСТРА

Геннадий ХАРТАГАНОВ,
художник, скульптор

Я бы хотел сохранить то, что раскрывает душу моего народа ханты, сердце его, характер. Особенно — уважение к природе, ко всем ее обитателям — животным и растениям, жителям воды. Сохранить честность, доброту, щедрость по отношению к людям.

Хорошо помню: когда родители добывали большого осетра или лоса, то созывали жителей селенья за общий стол... В этом четко проявлялась коллективная помощь, особенно тем семьям, которые по какой-либо причине не могут рассчитывать на такую добычу. А когда расходились гости, им обязательно выделялся с собой кусок осетрины или лосятины. Я в своих работах пытаюсь отразить этот добрый обычай.

Или, скажем, обычай почитания воды. После ледохода на Оби каждый ханты, в первый раз садясь в лодку, непременно мочил голову и приговаривал: «Спасибо, высокое щедрое солнце и чистое небо, что опять подарили нам струи реки; пусть и на следующий год они будут такими же чистыми, а уж мы-то побережем твои воды, река, чтобы и житель, живущий пониже меня, мог мочить свою голову и пить...» Я создал скульптурную композицию из дерева «И опять на воде».

Ханты никогда не грязнили реку или озеро. Даже рыбу, успешную испортившись в сети, рыбаки не выбрасывали в воду, а непременно — на землю... Помню, отец в тайге не позволял без надобности сломить лишнюю ветку, приучал не добывать зверя или рыбы больше того, что необходимо...

Надо сохранить в культуре народа все то, что заслуживает этого, может быть, придавая лишь новые оттенки.

Самый знаменитый российский плотник Петр Михайлов — в отечественной истории известный больше как Петр I — во время своего первого, анонимного, визита в Европу завел в Амстердаме весьма полезное знакомство. Новый знакомец написал и на собственные средства издал книгу «Северная и Восточная Татария». Наверно, ему можно простить, что Россия у него все еще именуется Татарией: Европа всегда с трудом меняла свои привычки, если это касалось «варварской» России...

Молодому, страстно-любопытному «плотнику» очень нравились беседы с многознающим амстердамским бургомистром Николасом Витсеном. Да, он был главным лицом в ратуше голландской столицы; но в историю этот блестящий потомок знатного рода вошел благодаря не только своим административным доблестям. Он был сведущ в астрономии, географии...

С Петром «Михайловым» их связывал и общий приятель — Лефорт. Именно через Лефорта Витсен передал свою знаменитую азиатскую карту (за которую его даже титуловали «Колумбом») в Москву, с посвящением двум русским царевичам — Иоанну и Петру.

«Татария» Витсена познакомила просвещенную Европу с молодой, петровской Россией, познакомила доброжелательно. Амстердамский бургомистр одним из первых в мире достоверно рассказал о жизни и нравах российских северян.

Единственный перевод книги Витсена хранится в архиве Института этнографии в Ленинграде. Очень жаль, что такая любопытная книга так и не издана — жаль, что мы не любознательны...

Мне не повезло, когда я приехал в Ленинград, — этнографический отдел был закрыт, встреча с книгой Витсена не состоялась.

Повезло в другой раз. На недавнем шестом Всемирном конгрессе финно-угроведов, который проходил в Сыктывкаре, я встретился с известным венгерским специалистом, профессором университета в Сегеде Тибором Микола. Речь зашла о книге Витсена.

— Что ты горюешь, — ободрил меня жизнерадостный ученый-венгр. — Немецкий язык понимаешь?

— Со словарем, — анкетно ответил я.

— Я тебе подарю Витсена!..

И Тибор достал аккуратный томик регулярного университетского сборника «Студия Урало-Алтайки» — «Сообщения Н. Витсена об уральских народах».

Как известно, венгры-мадьяры относятся к уральской семье народов, они — близкие языковые родственники обских угров, хантов и манси, поэтому венгерские исследователи много делают для изучения своих сибирских «родственников».

В томик урало-алтайского сборника (переведен не весь увесистый фолиант Витсена) Микола отобрал только те фрагменты, которые рассказывают о сибирских народах угорского круга.

Витсен поведал об обычаях, одежде, промыслах, хозяйстве северян, о реках, поселениях, много интересного сообщает о Новой Земле и Мангазее. Небольшой словарик немецкого языка показывает, что безмянный русский знаток предоставил в распоряжение Витсена грамотно составленный самодско-русский словарь. Русская наука в ту пору только начиналась, но образованные и любознательные люди на Руси никогда не переводились. Наверное, несправедливо, что мы не знаем о них, и вся слава перепадает просвещенному европейцу...

Еще один штрих делает честь описателю Российского Севера. Название ненцев — «самоеды» и гораздо позже некоторые ученые производили от якобы каннибальских привычек коренных северян. Витсен же авторитетно доказывает, что так называли ненцев потому, что их излюбленным блюдом было сырое мясо. Уже в петровские времена русские хорошо знали, что никакого северного людоедства, каннибальства не существует.

Я горжусь, что в моей библиотеке есть томик Николаса Витсена, возможно, единственный за Уралом... Но моя гордость несколько бы не пострадала, если бы любопытную книгу знаменитого амстердамского просветителя все же издали на русском языке, и мои современники узнали бы о том, каковы были давние представления о нашем Севере...

КОМПОЛЕН

Ольга ТАПИТ

Оглянувшись на треск сучка, Натаска повалилась. Толян подхватил ее и прямо перед собой, метрах в десяти, увидел Его... Темная масса, подобие человека, с красным отливом глаза... Толян, вскинув Натку на руки, изо всех сил пустился бежать.

Испугавшись, не поняв, что это такое, Толян решил молчать. Но на следующий же день не выдержал и все рассказал Серому.

— Может, показалось? — допытывался Сергей. — Может, это куст был, дерево?

Толян с Серым решили посвятить в это дело Колю, Леку, Сережку Комарова — Комара, в отличие от других пяти Сергеев из класса.

— Слышали, что Натка в больнице? Это у нее от испуга, — сказал Серый. — Вчера и позавчера они ходили с Толяном гулять к Туману и там видели не то человека, не то зверя... Вчера Натка увидела его совсем близко и упала в обморок.

— Большой? — спросил Лека.

— Больше двух метров... Руки, как у человека, только длинные.

— Может, медведь, медведи тоже большие бывают... — сказал Коля.

— Не-е-е... не медведь!

— Что будем делать?

— Значит, так, — Серый, как самый старший, решил взять все в свои руки. — Ты, Лека, книжный человек, поройся в журналах, что узнаешь — тащи сюда. Толян сходит к бабкам-дедкам — может, кто вспомнит чего, и я схожу к деду Егору... Ты, Коля, иди к учителю биологии. Завтра соберемся.

Больше всех повезло Серому.

— Ну, мужики, вот какие пироги... Дед о нем знает! Как я только рассказал, кого ты, Толян, увидел, дед забегал по двору, заругался по-мансийски: «Елнаер, кулнаер! Опять появился!» Он его зовет «комполен». Лесной мужик-дух, он как бы лес охраняет. Кто причиняет тайге или зверям вред, — он из леса выгоняет; весной, когда птица на гнезде, или у зверей детеныши маленькие, или если кто огонь разводит в опасном месте... Кричит диким криком, ужас нагоняет.

— Сказки... — заявил книжник Лека.

— Почему он нам открылся? — спросил Толян.

— Дед Егор говорит, может, пить он хотел. К воде вышел...

— А дед его видел?

— Нет, только он дважды деда из леса выгонял. Дед говорит, он молодой дурной был, ничему не верил. Ночью на тропе костер развел и лег спать... Комполен костер разжег, собак разогнал — такой шум устроил! Дед три года после в лес не ходил.

...Слух, который принесли ребята, не давал деду Егору спать. Он ворочался, кричал, злился на комполена: где он, хозяин леса, был, когда кедрач вырубали?! Появился на пустом месте!.. Ходил тогда дед и в Совет, и к лесному начальству — доказывал, что нельзя рубить кедрач, что им весь лес кормится. Даже внука Ваньку заставил написать письмо в газету, сам на почту отнес. Все bestолку. И вот когда все хождения кончились не-

удачей, вспомнил дед комполена, и если бы кто сказал, что видел его — дед пошел бы... Но тогда и Он исчез... Появился сейчас! Зачем? Стволы поваленные видеть? Детей пугать?!

Все началось с Золотой богини. Древнейшее божество угорских племен, по данным легенд и преданий, было спрятано в дремучих лесах Конды. Расспрашивая о ней, о ее местонахождении, я услышала и о ее телохранителях. Их оказалось три: водяной — витькар, змей — пуи-кар и лесной «мужик-дух» — комполен. О последнем многие говорили почти как о реальном существе. По-мансийски «ком», или «хум», — мужчина; комполен, или хумполен, — лесной человек.

Житель нашей деревни Тап манси Семен Яковлевич Чеканов, помню, рассказывал о мужике-духе, только мы не очень-то верили. Чеканова нет в живых, но один из его сыновей, Роман, помнит рассказ отца.

— Было это примерно в 1939 году, мы тогда на Ингате жили. Едет отец на маленькой лодке-долбенке и вдруг слышит крик, гортанный, сильный. Никто так из известных ему зверей — а отец охотник, вырос в тайге — не ревет и не кричит. Потом видит: из березняка в пойме речки вышел громадный мужик и пошел по берегу. Отец на лодке едет, мужик по берегу идет... Так и прошел с ним метров двадцать.

И вторая встреча была у Семена Чеканова с комполеном — в 1952 году. Об этом знала вся деревня. И сейчас ее подробности помнит манси Г. А. Тайлаков.

Чтобы сократить путь, местные жители кое-где на речке Тап пользовались перетасками: перетасят лодку с мыса на мыс и срежут пять, а то и все десять километров. На одном из перетасков и встретился Семену Яковлевичу комполен. На этот раз он решил поиграть с человеком или поймать его. Семен, как увидел — под сваленное дерево залез: ствол дерева на толстых сучьях держался. Комполен с одной стороны хотел вытащить Семена — тот быстро уполз на другую сторону... Дерево большое, сучковатое, но комполен не обходил, а легко перепрыгивал и все время пытался поймать человека. Так продолжалось несколько минут. Потом комполен ушел. Испуганный Семен Яковлевич вернулся в деревню и рассказал, что произошло с ним. Кое-кто, не веря, ездил на то место. Никого там не было, но дерево люди видели и убедились, что проползти там свободно можно. А вот тому, что можно перепрыгнуть огромное, сучковатое дерево, — удивлялись...

Подобные рассказы я помню с детства. И вот как-то сама рассказывала в школе о мансийских легендах, о комполене, и один из мальчишек, подтолкнув другого локтем, сказал:

— Скажи, как сам его видел... А то «дух», «дух»!..

Вот тогда-то они мне и рассказали. Наши мальчишки, не верящие ни в бога, ни в черта, встречают в лесу одного из героев мансийских сказок, охотятся за ним — они ведь не одну вылазку сделали тогда, надеясь выследить лесного мужика!

Не шагнул ли комполен из дремучих лесов и преданный в нашу жизнь, наш век?.. И я начала расширять и записывать.

БОГДАНОВ Александр Кириллович,
из деревни Луговая:

...Комполен? Нету его сейчас. Много лет я в лесу, хоть днем, хоть ночью иду — никого не вижу. А вот в 1933 году, мне тогда шестнадцать лет было, пришлось встретиться... Мы жили в деревне Елушкино. Поехал я на рыбалку на Пантрашкинские озера за карасями. Поставил вечером сети и почевал в балагане. Утром дождь начался, да такой обложной... Съездили я на озеро, трех карасей выпутал — с таким уловом домой не поедешь. Сварил уху и решил переждать дождь. Сажу в балагане, костер посередине горит, собака со мной. С одной стороны вход доской загорожен, с другой свободный. И вижу... Во входе на коленях кто-то стоит, как подошел — не видел, не слышал, и собака тоже... Нас как бы костер разделяет. Смотрю и понять ничего не могу: кто это? Лицо страшное... Жутко мне стало.

— Усь-уесь! — подтолкнул собаку, а она только славно рыкает.

Так и смотрели друг на друга через костер. Потом он рукой в сторону показал, и точно помню — рта не открывал, а мне услышалось, будто кто сказал по-мансийски:

— Тат нюркуль ильсеен. (Там лinya есть).

И исчез. Я подождал, вышел. Собака за мной. Никого. Обжегал вокруг — пусто. Собака уже влает, но крутится на одном месте. Тут уж мне не до рыбы стало — скорей в лодку, и был таков. Вот так было. А за последние годы никого не встречал. Думаю, ушел он: много стало народу, техники...

НОВОСЕЛОВА Мария Григорьевна,
из деревни Юмас, манси:

Отец рассказывал про комполена, называл он его «землячок».

Я уж взрослая была — мы, три пары, мужа с женами, поехали на рыбалку. Остановились ниже Юмаса, на берегу Конды. Мужчины сделали остов шалаша и ушли на реку, а мы накосили травы и покрыли шалаш. Поздно вечером вернулись мужчины, и все легли. Я еще не успела уснуть, как слышу, один из мужчин, Федор, что спал с краю, начал сильно хрипеть. Я растолкала его жену. Она разбудила Федора, а его трясет... Ничего сказать не успел — как налетел на нас вихрь, начал трепать шалаш. Мы похватали одежку, отбежали метров на десять и видим: траву из покрытия будто кто выхватывает... Вмиг все покрытие слетело, а потом и остов повалило. И все успокоилось. Тут Федор только и рассказал, что кто-то его толкал — требовал уйти. На рассвете мы посмотрели: шалаш на тропе прямо стоит. В траве-то да темноте мы и не заметили этого... Кто был или что — не знаю, никого не видела. С нами вихрь расправлялся.

РАГОЗИН Илья Николаевич,
из деревни Юмас, русский:

Всю жизнь прожил в этом крае. Много разного, необъяснимого было. Шел однажды из деревни Сосновки в Кипавлу ночью. Слышу, навстречу мне кто-то топает, совсем близко. О том, что мы встретились, я понял по тому, что даже теплым ветерком обдало. Кто это был? Ни медведь, никакой другой зверь так при встрече с человеком себя не ведет...

ВИСКУНОВА Любовь Филипповна,
из поселка Междуреченский, манси:

Со слов жителя деревни Чантырья Ивана Спиридоновича Аннина знаю такую историю. Произошла она за

год до войны с его односельчанином Яковом Кайдауловым. Ехал он по речке и видит: стоит лось, спокойно веточки с куста ест. Начал он к нему тихонько подлезать. А вдруг слышит: за ним еще кто-то едет. Оглянулся — брат его Иван гребет что есть силы на такой же лодчонке, быстро проехал за поворот. У Якова все внимание на лося, внимательно и не поглядел на брата, только подсадовал, что тот, вида, как Яков крадется, вел себя так неосторожно, веслом брэнчал. Лось вроде и не слышал шума: как стоял — так и стоит. Яков выстрелил. Лось упал возле куста. Яков — к берегу, подернул лодку и — бежать к тому месту. Прибежал... Ни стоящего, ни лежащего лося нет. Вот куст, где он стоял, вот место, где упал... А трава примята в одну сторону, будто что-то волоком тащили. Следи никакого нет — вода через несколько метров. Походил Яков, поудивлялся. А вечером дома у Ивана спросил: зачем он так шумел веслом? Иван удивился. «Я, — говорит, — из дома ныне и не выходил!» Так и не мог понять Яков, что все это значило.

МОШКИН, Алексей Яковлевич,
сборатель мансийского фольклора, радиооператор по профессии:

Порой услышанное кажется выдумкой местных старожилов, но иногда я задумываюсь: нет ли здесь доли правды... Лет восемьдесят назад, рассказывают старики, возле деревни Кельсино охотники наткнулись на огромного мужика; много раз стреляли, смогли убить. Захоронили на том же месте. И такие сказки про него ходят — будто у него лоб золотой... Охотников, возможно, ослепил не рост, а обличье существа. Да и с какой стати им стрелять в человека?! Но ведь не просто же иметь смертному лоб золотой... Вот я и думаю: не рыжим ли волосом было покрыто существо?.. Местные жители уверены, что в тех местах собаки всегда ведут себя беспокойно, даже трусливо. А собаки — не комнатные болошки, охотники по крупному зверю, им ли бояться, скажем, медведя? Может, в том бору продолжают жить и ходить другие, подобные убитому существо?

Про встречу Володи Холкина из поселка Междуреченский мне рассказывал его сосед Андрей Литвин. Страстный собиратель всего необычного, Андрей уговорил Володю рассказать про этот случай.

Володя тем не менее при встрече заявил:

— Все равно никто не верит, все думают, что я вру... Вот и вы не верите, а спрашиваете!.. Ну, раз обещал, ладно. В сентябре 1983 года пошли мы с отцом в лесную избушку. Прожили там несколько дней, как обычно. Как-то поздним вечером шел я по лесу и метрах в пятидесяти увидел лосиху. А у меня в обоих стволах только дробь... Я по-быстрому начал ружье перезаряжать. Только вогнал в ствол последний пулевой патрон, кто-то меня за плечо трогает. Я оглянулся и вздрогнул даже. Передо мной стоял громадный человек. Очень короткое время его видел — вот только обернувшись, и он исчез... Мне он понравился, хотя либо сутулый, либо горбатый... Волосы седые, не стрижены, до плеч. А лосиха и после стояла, до сих пор вижу, как она глазами хлопает... Но стрелять я не стал.

Шурка, Шурка — в этом имени есть что-то общее с тайгой, с шумом леса... Шурка учился в Тобольске, служил на Дальнем Востоке, дважды переходил экватор на военных кораблях; пять специальностей, военных и гражданских, имеет... Про встречу его в лесу я слышала от его матери. И когда увидела Шурку, попеняла ему:

— Почему сам молчал, не рассказывал?

— Вы, что, за дурака меня принимаете, кто поверит в такое?! Покажите хотя бы одного человека... Все же уверены, что на земле все давным-давно открыто... Меня даже в нашем поселке на смех поднимут. А напечатать такое в газете, в журнале — любопытные одолеют, последнее, что осталось в тайге, разгонят, выбьют, разнесут! Если есть на самом деле комполен, надо его защищать, охранять, а не кричать на весь мир. Он же человек, хоть и лесной...

— Шурка, я расскажу о твоей встрече? Тайга большая, мало ли где что могло быть.

— Да пишите уж... Только не называйте ни меня, ни наш край.

...Все началось с простого любопытства. Поехали мальчишки на рыбалку на глухое таежное озеро. Поставили сети, пошли осматриваться к бору. Только их в тот бор собака, Каштанка, сибирская лайка, не пустила. Стали мальчишки к бору подходить, она заметалась на тропе, ощерилась, залаяла в сторону бора... Колька попытался обойти ее, так она ему ногу до крови прокусила; чего только ни делала — загромождала дорогу, рычала. Наши охотничьи собаки, куда не надо, не пустят, они в лесу лучше человека все знают. Мы посчитали, что собака не пустила нас на бор, потому что там медвежья берлога.

— Вернулись мы, — рассказывал Шурка. — А меня любопытство одолело, забыть не могу этот случай... Как-то нас, школьников, я тогда в девятом классе учился, направили на сенокос. Я сбежал от ребят. Сел на мотоцикл — и туда. Каштанку еще дома привязал, чтобы не увязалась. Приехал на то озеро. Пошел по той же болотине перед бором. Поразило, что мох подо мной не проваливался. «Вот, — думаю, — везде бы так было, можно и по болоту на мотоцикле ездить». Прошел болотину и стал по пригорку к бору подниматься. Поднялся и увидел... качели. Да не одни, а двой... Метрах в пятидесяти от меня и, значит, от опушки: одни прямо впереди, другие — чуть наискосок. Это меня заинтриговало, и я пошел прямо на качели. Но дойти не успел: между мною и качелями кто-то встал.

Громадное существо, похожее на человека, но выше. Какое-то серое, даже темно-серое. Голова прямо из плеч. Лицо, как у человека, но все, кроме носа, покрыто коротким волосом, возле рта и глаз волосы расходятся веером. Подбородок сильный, но как бы вдавленный. Высок, пропорционально сложен, я сказал бы даже: красив... Я хорошо видел и его тень — день был спокойный, солнечный. Левая рука соответствовала росту, ладонь не обволочена была. Правую я не заметил, не увидел, а левую запомнил, потому что он держал ее у пояса, ладонью ко мне, будто останавливал или загромождал дорогу. Как бы на выдохе вышел у него такой звук: «Хо-хо! Хо-хо!» Взгляд хорошо помню: он как бы давил им, но при всем том был добр, спокоен.

Я понял, что он просит меня уйти. Повернулся и пошел назад. Еще обратил внимание, что там, где я шел теперь, мох был, как и везде на болоте. Страх я не испытывал.

БАБКИН Василий Семенович,
из Леушинского лесхоза, манси:

Я местный. Лесничий. Считаю, что ничего подобного в лесу нет. Хозяин в лесу зверь. В молодости я слышал от одного старика из деревни Богданы, что ходит в лесу кто-то, похож на человека, но оброс, как кочка болотная. Старик тот наблюдал за погодой, за всем происходящим, много записывал. Но мне встречаться не пришлось.

ДАВЫДЕНКО Валентин Михайлович,
старший егерь Кондинского охотобщества, манси:

Тут родился, вырос, всю жизнь провел в урмане... Кто-то в лесу есть! Различные косвенные обстоятельства, до того необъяснимые, не раз вводили меня на эту мысль. Но видеть так, чтобы он вышел на тропу, не удавалось. А то, что есть, — я уверен! Как бы там его не называли...

ШУЛИНИН Анатолий Алексеевич,
Кондинский леспромхоз, русский:

Я почти 29 лет в тайге: двенадцать лет — вздымщиком, три года — мастером лесхоза, тринадцать лет — техникумом на разных участках. Боюсь, что все эти рассказы относятся к области верований местного населения. Из всего этого важно только одно: в лесу есть свои непписанные законы, и их человек должен соблюдать — не быть жадным, не шуметь, не вредить. Плохого человека лес чувствует и сам от него как бы охраняется; у зверей и птиц инстинкт развит хорошо — если человек ведет себя, как хищник, они по поведению видят. Знаю я одного рыбака, он из местных. На речке, в лесу у него полное запрето: нельзя, не положено, не кричи — не шуми, рано... Так у него возле избушки целый зверинец: все звери ему доверяются, они же в нем защитника видят!

На этом я заканчиваю свое повествование о комполене, написанное по рассказам жителей нашего края. Он же «хозяин леса», он же «землячок-земляник», он же «хумполен», «лесбег»... Есть и другие названия этого полудеяндарного существа-призрака, чью тайну хранит сибирская тайга.

ВЫМЫШЛЕННЫЙ?.. РЕАЛЬНЫЙ?..

Сергей КЛУМОВ,

старший научный сотрудник Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР, член Ученого совета Государственного Дарвиновского музея

Вопрос о существовании на обширных областях северного полушария нашей планеты полумифического существа, которое в разных районах Земли называют по-разному — «снежный человек», «Йети», «дикий человек», алмас, мулена, бигфут и саскватч (два последних названия относятся к Северной Америке), чучунаа, тунгу, комполен и т. д., — стал особенно активно обсуждаться с начала пятидесятих годов. Высказывания о нем сводились, в общем, к двум противоположным мнениям.

Скептики считали, что все полученные данные представляют перепев древних легенд, сказаний, передаваемых из поколения в поколение; что всеми этими «сказками» должны заниматься не ученые-биологи, а фольклористы; что «снежный человек» — такой же вымышленный образ, как баба-яга, леший или кощей бессмертный, и ничего больше...

Оптимисты не соглашались с подобным отрицанием фактов, апеллировали к слепкам или фотографиям следов ног «снежного человека», оставленным на протяжении нескольких километров, предъявляли киноленту с изображением бигфута — большенога — в Северной Америке...

Вполне серьезно ко всем накопленным материалам отнесся член-корреспондент Академии наук СССР, профессор, доктор наук С. В. Обручев, выступивший в 1957 г. со статьей «Новые материалы о «снежном человеке» (йети)», опубликованной в «Известиях Всесоюзного Географического Общества». С. В. Обручев сделал такой вывод: «Можно считать, ряд достоверных фактов подтверждает существование в высокогорной области Гималаев антропоида, более высоко организованного, чем самые примитивные люди каменного века. Изучение этого животного представляет очень важную задачу, в разрешении которой могли бы принять участие также и советские антропологи и зоологи».

По инициативе профессора С. В. Обручева Президиумом Академии наук СССР было принято решение об образовании специальной комиссии при Академии наук СССР по изучению вопроса о «снежном человеке». Исследование вопроса стало официально оформленным, легализованным. В 1958 и 1959 гг. были опубликованы четыре выпуска «Информационных материалов по «снежному человеку».

Известный американский зоолог Айвен Сэндерсон в предисловии к своей большой монографии, вышедшей в 1961 году, высоко оценил работу советских ученых и особенно проф. Поршнева, с которым переписывался и обменивался информацией: «...деятельность советских ученых пролила новый свет на весь вопрос и подняла его в целом на такой высокий уровень, что западные научные круги вынуждены были почти кардинальным образом изменить свою позицию по отношению к нему...»

Монография Б. Ф. Поршнева «Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» вышла из печати в 1963 году. Б. Ф. Поршнев пишет в ней: «...Название «снежный человек» совершенно не соответствует изучаемому существу. Как мы видели, оно не является «снежным», да и не является «человеком» в общепотребительном смысле слова... Термин совершенно случаен...»

Что же это за существо? Живет ли оно на планете и есть ли тому какие доказательства? Выскажу точку зрения Б. Ф. Поршнева, которую разделяет ряд других ученых.

Профессор Б. Ф. Поршнев, с которым я был лично знаком многие годы, приводит в своей монографии такой случай. По просьбе рабочих московского завода имени Владимира Ильича Борис Федорович прочел однажды доклад о «снежном человеке». Доклад проходил в огромном цехе, вмещавшем более тысячи человек. После доклада какой-то мужчина попросил слова и вот что сказал:

— Моя фамилия Колпашиков. В 1939 году я участвовал в боях на Халхин-Голе в Монголии. Точно не помню дату, но было это в конце августа 1939 года... Вечером сообщили, что на правом фланге нашей группы прошедшей ночью убиты два японских лазутчика. Я сел на броневик, и на рассвете мы прибыли на передовой край нашей позиции. Там я увидел лежавшие на песке два трупа, размером со среднего роста человека. На мой взгляд, это были две человекообразные обезьяны, покрытые волосами рыжего или коричневатого цвета, с непропорционально длинными руками. Монгольские солдаты рассказали, а потом их рассказ подтвердил командир и наш инструктор: эти двое неспешно шли по вершине бархана; часовой окликнул их, но они продолжали идти; после нескольких повторных предупреждений часовой двумя выстрелами уложил обоих. Конечно, я тогда ничего не знал о «снежном человеке»... Я распорядился составить акт, а трупы захоронить.

Профессор Поршнев тут же спросил его:

— А где этот акт?

— Я отправил его в Улан-Батор, в советское посольство.

На следующий же день Борис Федорович написал в советское посольство в Монголии и, если такой акт действительно имеется в архиве посольства, просил выслать ему фотокопию. Через несколько дней фотокопию этого акта он получил!..

Второй случай. Там же, в Монголии, зоолог Улан-Баторского университета профессор Ринчен при раскопках нашел череп «снежного человека», о чем немедленно сообщил Б. Ф. Поршневу. Борис Федорович попросил его самым быстрым образом, ценной посылкой или через советское посольство, переслать ему этот драгоценный экспонат в Москву, так как боялся за его сохранность. В Монголии еще сильны предрассудки, и вера не разрешает монголам общаться с «дикими людьми», подходить к ним и тем более хранить их останки.

Профессор Ринчен сообщил Поршневу, что он сам на днях выезжает в Москву, лично доставит Б. Ф. Поршневу череп. Он писал также, что череп хранится в его университетском кабинете, ключ от которого всегда при нем. Кроме того, он заперт в личном шкафу, и Борис Федорович может не волноваться... Но все эти замки спустя несколько дней были взломаны. Череп неизвестной рукой был извлечен из шкафа, в котором хранился, и тут же, в кабинете профессора Ринчена, на его письменном столе истолчен в порошок.

...Американским ученым Роджеру Паттерсону и его помощнику Роберту Гимлину 20 октября 1967 года в глухих местах Северной Калифорнии удалось заснять «дикого человека» на кинолентку. Когда, по возвращении из экспедиции, пленка была показана американским коллегам, они посчитали снятые кадры подделкой... «Это не бигфут,— заявили они,— а человек, одетый в меховую шкуру для заранее придуманной киномистификации».

Друг Р. Паттерсона д-р Рене Дахинден в 1971 году взял пленку и для ее апробации поехал в Англию, а оттуда в Советский Союз, в Москву, чтобы получить объективное заключение английских и советских ученых. В Москве пленку передали в Государственный Дарвиновский музей, где тогда работал научный семинар по «снежному человеку». Для экспертизы были привлечены ученые разных специальностей: криминалисты, биомеханики, скульпторы, ортопеды-протезисты и другие.

Заключение о движении бигфута, после подробного и тщательного рассмотрения киноленты, дал профессор Д. Донской, заведующий кафедрой биомеханики Центрального института физкультуры:

«После многократного рассмотрения походки двуногого существа и детального изучения поз на фотоотпечатках с киноленты остается впечатление о хорошо автоматизированной, высокосовершенной системе движений. Все частные движения объединены в единое целое, в хорошо сложенную систему... Шаг существа энергичный, широкий; нога выносится далеко вперед. По широкому маховому движению рук можно предполагать, что они у существа массивные, мышцы сильные... Все это позволяет оценить походку существа как естественную, без заметных признаков искусственности, характерных для разного рода преднамеренных имитаций. Рассматриваемая походка существа для человека совершенно не типична.»

Выводы советских и английских ученых полностью совпали. Паттерсон снял на пленку действительное событие: он видел бигфута в естественной обстановке...

Более правильно, как считал профессор Поршнев, называть «снежного человека» реликтовым гоминоидом. Существо это — одно из отдаленных звеньев развития прапрапредка человека — реликтовая человекообразная обезьяна. Реликтовый гоминоид распространен был до не-

давнего времени в северном полушарии нашей планеты довольно широко, однако встречался он на ней не повсеместно, а лишь в отдельных местах и довольно редко, так как общая численность его невелика. В настоящее время процесс его вымирания идет еще быстрее, чем раньше: гоминоид не выдерживает столкновения с цивилизацией. В одних местах реликтовый гоминоид представлен очень крупными особями (например, убитый охотниками в 1845 году под г. Березовым был высотой в три аршина, то есть 216 см), в других, например, в Монголии — его рост не превышал среднего роста человека, 165—170 см.

...Насколько же достоверны рассказы очевидцев в очерке? Надо прямо сказать, что в собранных автором свидетельствах очень трудно отделить фантазию и выдумку от действительности. Прежде всего следует сделать одно общее замечание: реликтовый гоминоид, как читатель должен понять, — НЕ человек. Он не обладает способностью речи, находясь на такой стадии эволюционного развития, когда информация между отдельными особями бывает лишь на уровне первой сигнальной системы, то есть в виде нечленораздельных звуков. Эти звуки, конечно, тоже несут какую-то информацию, но даже отдаленно не напоминают речь человека. Например, профессор Н. А. Ладыгина-Котс, очень много и скрупулезно занимавшаяся изучением шимпанзе, начиная с «грудного» возраста их, зафиксировала у этих обезьян двадцать три различных звука, с помощью которых звери общались друг с другом. Но это, конечно, даже отдаленно не напоминает речь человека.

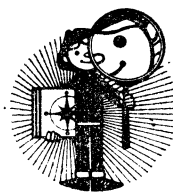
Следовательно, все рассказы «очевидцев», где комплен «сказал» какие-то слова, — чистейшая фантазия. Или же ими был встречен вовсе не реликтовый гоминоид, а просто человек, живший в лесу — охотник, лесник или человек, скрывающийся от властей.

Несколько раз автор описывает случаи, когда внезапно поднимался ветер, разбрасывал головешки и тушил костры, хотя присутствия комплена не замечено. Никакой «волшебной силой», особенно на расстоянии, реликтовый гоминоид не обладает. Вероятно, правильнее было бы эти случаи объяснить не таинственными силами, а естественными.

Лишь очень немногие, отдельные факты, сообщенные жителями далеких и глухих районов Крайнего Севера, могут считаться более или менее похожими на правду. Но найти истину в этих рассказах можно лишь путем подробных расспросов и пристрастного разговора с каждым из этих людей. Какие-то крупницы правды в этих рассказах, вероятно, все-таки есть.

Наступление цивилизации, освоение новых больших регионов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока не оставляет для гоминоидов обширных территорий, где не ощущалось бы воздействие, губительное для существования этих вымирающих животных.

Реликтовый гоминоид очень быстро исчезает с лица Земли. Я уже писал в одной из своих статей в журнале «Техника — молодежи» (№ 6, 1978 г.), что реликтовые гоминоиды в отдельных местах исчезли на наших глазах. Мы скоро будем горько сожалеть о наших, увы, непоправимых ошибках, о нашем непонятном пренебрежении к изучению этой важной научной темы. И, может быть, наши потомки, спустя столетие или даже полстолетия, смогут найти ископаемые останки реликтовых гоминоидов, которые сейчас еще живут рядом с нами, и удивятся нашему невежеству, нерадивости, нашему странному нежеланию отнестись серьезно к проблеме существования реликтового гоминоида...

МИР НА ЛАДОНИ

Лунная дорожка в «кошельке»

Сахалинские рыбаки славятся мастерством добычи. На каждую рыбу у них свои приемы. Среди разных способов промысла сельди есть, например, и такой, когда ее берут «на фосфор».

...Те, кому приходилось выходить в море вечером или ночью, не могли не видеть светящиеся струи, обтекающие лодку. Но стоит остановиться, как свечение пропадает, будто его и не было. Причина этого интересного явления микроорганизмы — ночесветки. И там, где проходит косяк сельди, море загорается призрачным фосфоресцирующим светом — так морские светлячки реагируют на движение воды.

Вот эту их особенность и используют рыбаки.

Темной осенней ночью сейнер выходит на промысел. На палубе выключены все огни, кроме ходовых. Не видно ни луны, ни звезд — они и не нужны. Пусть не обижаются поэты и влюбленные, но сейчас ночное светило — враг рыбаков. Свободные от вахты матросы пристально, до боли в глазах, всматриваются в бездонную глубину ночи.

Вот вдали тускло замерцало расплывчатое серебристое облачко. Косяк!.. Сейнер идет полным ходом — нужно успеть, пока косяк не залег на дно. Чем ближе скопление рыбы, тем больше и ярче делается облако на воде.

Не зевай, рыбак! Это не рыба — сама лунная дорожка, вдрызг разбитая на миллионы осколков, попала в кошельковый невод! Мечутся за бортом стремительные зигзаги молний, вскипают перламутровые фонтанчики. Бурлит море, плещется, шумит водопадом, а кругом — кромешная тьма... Удивительное зрелище — это волшебное свечение!

Рыбакам не до очарования, за богатый улов они платят бессонной ночью и свинцовой тяжестью мышц. Но вновь и вновь уходят в ночное море сейнера. Идут на поиски серебристого облака — за богатыми косяками сельди.

К. ЛАУВА

Что говорят ихтиологи...

Для Ямбурга сейчас заготавливается много гравия, который берется по профилям рек.

Вот что говорят по этому поводу ихтиологи.

Если «начисто» выбирать гравий, выскребать дно по всему профилю реки, это может привести к печальному результату. На равнинных реках вычищенное дно будет благом — создаются зимовые ямы для рыб; но при продвижении дальше, в гору, будет ущерб, и большой. Тяжелые грунты — щебень, валуны — и скорость потока не дадут рыбе подняться: первые же два оголенных переката станут для нее кладбищем. А до переката рыба, как в болото, будет откладывать икру, потому что весной течение прекратится — все будет выедено... Воспроизводства не будет, реки останутся без рыбы.

И это только потому, что со дна забрали гравий...

Человек-олень

...Ему, чемпиону России, аплодируют спортсмены Чукотки, Эвенкии, Сахалина... Сто пятьдесят участников соревнований в Ханты-Мансийске признали его превосходство. Александр Тосьманов, студент третьего курса Салехардского зооветеринарного техникума, перепрыгнул, поочередно, через 555 нарт! Далеко не каждый может продемонстрировать силу ног, крепких, как у оленя...

Александр Тосьманов — двукратный чемпион Российской Федерации по прыжкам через нарты, одному из национальных видов спорта.

Предки спортсмена занимались исконными делами народа ханты: рыболовством, охотой, пастушеством в оленеводческих бригадах. И вопрос выбора профессии перед Сашей не стоял. Сегодня в оленеводстве Ямала средний возраст — 28 лет. На ровесников Александра старики возлагают заботу о традиционных отраслях производства.

Но не хлебом единым жив человек тундры... Традиционные игры, от которых произошли национальные виды спорта, существовали с незапамятных времен.

Не случайно спортсмены Ямала шестой раз возвращаются чемпионами РСФСР. В округе уже сложилась система подготовки спортсменов высших разрядов.

А. ЛАПСУЙ

Дело предков

В дороге, когда бежит нарта, останапливает ее оленевод — прочищает оленям носы от сосулек, чтобы легче дышалось. Снег разгребет лопатой — поможет оленям добраться до ягеля...

Много тонкостей нужно знать оленеводу. Недаром на Сезере говорят: жить надо начинать с оленем в обнимку. Оленеводы, например, плетут мауты — двухрядные, пятирядные. А есть и девятирядные — им не то что оленя, трактор можно удержать! И надо уметь их плести, знать, из каких шкур брать полски.

Саамы — потомственные оленеводы. В Доме пионеров Лов-озера создан кружок «Юный оленевод», которым руководит Алексей Федотович Кириллов. Ребята отбирают оленей для своей упряжки, учатся ходить за ними, удало бросать аркан — а здесь нужна большая тренировка... В другом кружке потомственная оленеводка Анна Михайловна Сапельникова учит девочек шить традиционные саамские одежды, создавать узоры из бисера, кусочков сукна, кожи.

Не забывают ребята дело своих предков.

«Моторизованные» прыжки

У жителей Аляски традиционный вид спорта сегодня — езда и прыжки на санях. В езде участвуют и дети, и женщины. Устроители соревнований, которые обычно проходят в Анкоридже, выявляют трех победителей, считая и мужчин. К прыжкам на санях женщины и дети не допускаются, особенно если сани — с мотором.

Рекорд для прыжков на санях с мотором — «взлететь» через 17 автомобилей. Автомобили при этом стоят впритирку...

Ямбург первый, Ямбург второй...

Название перспективной площади на севере Ямала и селения Ямбург — не ново. На карте России многие века значился город Ямбург... В четырнадцатом веке он был просто крепость Ям, в восемнадцатом стал Ямбургом, в двадцатом

веке переименован в город Кингисепп.

А тюменский Ямбург, название мыса и селения в Тазовской губе, связан со своим «прототипом». В 1863 году экспедиция на шхуне «Таз» дала наименование губе. Селение же и мыс были названы в честь начальника экспедиции И. Кушелевского, который был родом... из европейского Ямбурга.

Об этом, кстати, наш журнал уже писал.

Из рецептов арктической кухни

«Чай птички» — рецепт женщины-наека, которые заваривали чай из листьев ежевики.

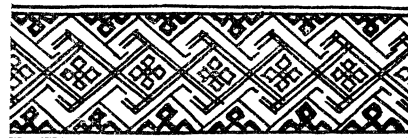
Сэбярин — эвенкийское блюдо из медвежьего сала, сердца и печени. Готовилось на парадный обед.

«Беличья конфетка» — желудочек белки вместе с содержимым из очищенных орешков поджаривался на костре. Лакомство у народа ханты.

Картофельная тала — недавний рецепт нанайцев и ульчей: сырой мелкий картофель режется соломкой, на несколько минут опускается в кипяток; добавляется соленая кета и растительное масло.

Урак — свежую рыбу потрошат, не солят, вздевают на деревянное жало, дают стечь, затем кладут над жаром или дымом рядками — огонь разводит только из осины или тальника; держат, переворачивая, до готовности и кладут досушиваться на плетеных полках над костром. Манси обычно над огнем возводили крытые сушилки.

Рыба «колодкой» — тоже мансийское блюдо. Свежую рыбу — чебака, мелкого язя и др. — не разделявая, кладут в ящики слоями: слой рыбы, слой соли; сверху кладется доска с тяжелым грузом-гнетом. За две недели слизь из рыбы стекает, она просаливается; ее вынимают, промывают холодной водой, слегка просушивают — и рыба готова к употреблению.

КОРАБЛИ — «ЛЕЙТЕНАНТЫ»

Сергей ПОПОВ

Шел 1893 год. В муках рождалась жизненно важная для страны Транссибирская железнодорожная магистраль. Для доставки строительных материалов и рельсов водным путем из Англии были построены колесный буксир «Лейтенант Малыгин», двухвинтовой пароход «Лейтенант Овцын» и стальной парусный лихтер «Лейтенант Скуратов». Разнотипные мелкосидящие суда, суммарное водоизмещение которых едва превысило тысячу тонн, по признанию возглавлявшего их переход на Енисей лейтенанта Л. Ф. Добротворского, были построены англичанами «на фуфу и для проформы». И тем не менее шесть офицеров и сорок три матроса Кронштадтской базы в суровых арктических условиях с честью выполнили задачу.

Они практически осуществили мечту лейтенантов Великой Северной экспедиции, имена которых носили их корабли и которые за полтора века до них пытались проложить морской путь в Сибирь...

В той «самой дальней и трудной и никогда прежде не бывалой» экспедиции, как говорилось в постановлении Сената, нанесшей на карту водные пути от Петербурга и Архангельска до Северной Америки, участвовали тысячи людей и не один десяток лейтенантов. Но именно этим трем удалось больше других сделать для карты Западного сектора Арктики...

Лейтенант майорского ранга Степан Гаврилович Малыгин был назначен начальником отряда, которому поручалось пройти морем с запада в Обскую губу вместо не оправдавших доверие лейтенантов Муравьева и Павлова, «записанных в матросы за многие неординарные, нерадетельные, нелестные и глупые поступки». К этому времени Малыгин уже девятнадцать лет, после окончания созданных Петром I навигацкой школы и Морской академии, служил на флоте и успел написать первое в России руководство по кораблевождению.

Но и ему в первый год не удалось обогнуть Ямал — пришлось зазимовать в устье речки Кары. Лишь летом 1737 года одномачтовые весельные боты «Первый» и «Второй» с трудом пробившись в Обскую губу, пройдя между Ямалом и островом Белый. Сто сорок один год спустя первопроходец Северного морского пути Норденшельд назовет это место проливом Малыгина.

Этот, в сущности, небольшой, длиной каких-то шестидесят километров, пролив не раз испытывал моряков. Сам Малыгин девятнадцать суток преодолевал его на своих парусных судах. А вот последующим мореплавателям даже на паровых судах это долго не удавалось. Так, капитан парохода «Лена» Х. Иоганнесен в 1878 году не смог выполнить поручение Норденшельда пройти проливом Малыгина и вынужден был повернуть назад. Не смог пройти в 1893 году и пароход «Лейтенант Малыгин», имевший осадку всего на полфута больше, чем бот «Первый». Штурман В. И. Семенов записал тогда: «Быстрые приливо-отливные течения, бесчисленные мелки, извилистый фарватер, самое существование которого являлось сомнительным, достаточно выяснили несудоходность пролива при современном состоянии карты».

Впервые после Малыгина проливом прошли лишь в 1920 году на гидрографическом судне «Иней». Впослед-

ствии им пользовались как отдельные суда, так и целые экспедиции, но плавание здесь, несмотря на хорошую изученность пролива, всегда было трудным и опасным.

Так получилось, что автору этих строк довелось начинать свой путь гидрографа именно в этом проливе. С Р. Грыжелоком после четвертого курса «Макаровки» летом 1953 года мы проходили производственную практику в лоцмейстерском отряде на гидрографическом судне «Вихрь». Для Василия Никитича Богданкова этот рейс тоже был дебютом, правда, в роли капитана. Ох, и попотели мы тогда, прежде чем «выполнили» навигационное ограждение! И это несмотря на то, что стоял полярный день, солнце не заходило за горизонт и нам сопутствовал полный штиль. Мы тыкались то в одну брову замысловатого фарватера, то в другую, забирались в какие-то «аппендиксы», из которых приходилось выбирать задними ходами, так как их ширины не хватало для циркуляции судна. Ограждение пролива Малыгина стало темой моего дипломного проекта. Но много лет еще потребовалось гидрографам, чтобы обуздать своенравный пролив...

Приведа корабли в Березов на Оби, Малыгин выехал с отчетом в Петербург и больше в экспедицию не возвращался. Он еще без малого тридцать лет служил в русском флоте, командуя боевыми кораблями, Рижским портом, Казанской адмиралтейской конторой и умер в 1764 году в чине капитан-командора.

Экспедицию же в Березове принял лейтенант Алексей Иванович Скуратов, командовавший ботом «Второй» с 1735 года — со времени его постройки на Соломбальской верфи. 30 июня 1738 года Скуратов повел суда в обратный путь в Архангельск. Обскую губу прошли за 24 дня. Дальнейшее плавание проходило во льдах. Часто приходилось проталкиваться шестью, разбивать перемычки пешнями. Несмотря на это, Скуратов вел наблюдения за погодой и морскими течениями, снимал берег в местах, где он не был картирован.

Попытка пройти от Шараповых Кошек к Новоземельским проливам напрямую успехом не увенчалась, пришлось возвращаться и продолжать путь вдоль берегов Байдарацкой губы. На подходах к устью Кары шторм и льды едва не погубили суда. С большим трудом с помощью пенцев Скуратову удалось поставить боты на отстой и оборудовать зимовье.

Лишь в 1739 году Скуратов привел боты в Архангельск. А еще через год он докладывал в столице о результатах шестилетних попыток, как своих, так и предшественников, «уточнить общую карту от Архангельска до Березовска». Позже известный русский мореплаватель Ф. П. Литке напишет: «Они исполнили все, что им было возможно, из них особенно Малыгин и Скуратов отличались всеми достоинствами, которыми мы удивляемся в первых прославленных мореходцах: решительностью, осторожностью, неутомимостью. Но прешества физически были столь велики, а средства, им данные, столь незначительны, что более должно удивляться тому, что совершено ими, нежели тому, что не сделано».

Скуратов служил на кораблях Балтийского флота до 1765 года, когда вышел в отставку в чине капитана

2 ранга и поселился в родном селе Журавино в Черном уезде Тульской губернии. После его смерти село стало называться Большим Скуратовым (кстати, известный опричник Ивана Грозного Малюта Скуратов тоже происходил из этих мест). Уже в наши дни, в 1948 году, в трех километрах от знаменитой Ясной Поляны возник рабочий поселок Скуратовский.

В 1895 году начальник гидрографической экспедиции по изучению устьев рек Енисея и Оби А. И. Вилькицкий, исправляя карту Скуратова, переименовал северо-западную оконечность Ямала в мыс Скуратова. В Арктике есть также полуостров, пролив и еще один мыс Скуратова, находящийся в районе Диксона. Они названы А. И. Вилькицким в честь лихтера «Лейтенант Скуратов», работавшего в его экспедиции.

В 1975 году на здании райисполкома в Усть-Каре установлена мемориальная доска с именем Скуратова, а недавно группа тульских спортсменов-лыжников установила памятник Скуратову на ямальском мысе его имени.

Мало, очень мало известно нам об одном из первых исследователей Обь-Енисейского района лейтенанте Дмитрие Леонтьевиче Овцыне. Сохранился лишь один его портрет, выполненный весьма условно и стилизованно. Писателю Валентину Пивкулю он представляется малюго роста, но стройным. Брови черные, густые. Красноярский писатель Леонид Шипко так его описывает: «Лицо у Дмитрия Овцына тонкое. Чуть выпирают скулы, губы маленького рта сомкнуты, когда слушает, а заговорит о своих планах, столь в его словах страсти и уверенности, здравого смысла и расчета, что сразу видно — человек большого ума». В кинофильме «Баллада о Беринге» роль Овцына играет известный актер Георгий Юматов, что вообще трудно связать с сохранившимся портретом. Но так ли это важно? Ценно, что художники помогли документалистам воссоздать внутренний мир этого, пожалуй, самого интересного после Беринга человека в Великой Северной экспедиции.

В 1733 году Овцына назначили начальником Тобольского отряда, которому поручалось отыскать морской путь с Оби на Енисей. Три года кряду тщетно пытался он выйти из Обской губы. Но три года лед и цинга заставляли отряд поворачивать назад. В 1735 году от цинги потеряли четверых. Сам Овцын, как он писал в рапорте Берингу, страдал «цинготною болезнью так, что ни на которую ногу приступить не мог и имел животную и грудную болезнь, отчего хромал и харкал кровью».

Сначала он победил цингу. Уже на следующий год Овцын доносил в столицу: «А от цинготной выспе мы никакой тягости не имели». Биограф Овцына В. К. Тренев уже в наши дни сказал: «Такое «бесцинготное» плавание, быть может, единственное в истории полярных плаваний той эпохи, не было, конечно, делом случая».

Но только в 1737 году на новом боте «Оби-Почтальон», который сопровождал старый «Тобол», Овцыну удалось выбраться на морской простор. 7 августа он записал в шканечном журнале о том, что вода здесь «зело солона и горька, глубина 14 саженей, грунт густой». Эти слова дали повод Леониду Шипко назвать цитируемую нами выше документальную повесть — «Солона вода морская».

До нас не дошла подлинная карта пути Овцына с Оби на Енисей. Сохранилась лишь копия с итоговой ландкарты Великой Северной экспедиции. Цепочка измеренных спутниками Овцына глубин показывает, что его суда жались к берегу. Это не помешало им нанести Гыданский залив и губу Юрацкую, но остров Олений Овцын принял за материк. А вот остров, позже назван-

ный островом Сибирякова, и отделяющий его от материкового бережья пролив показан на ландкарте четко. Через весь пролив, который спустя сто пятьдесят лет получит имя Овцына, — размашистая надпись: «камня нет». Так Дмитрий Леонтьевич извещал своих потомков о том, что проливом плавать можно.

Прежде чем выехать в Петербург для отчета, Овцын составил инструкцию своему помощнику штурману Федору Минину о том, как продолжить обследование берегов к востоку от Енисея. В ней он дважды повторил: «Как здешних окрестностей жителям и другим, так и самоеде и прочим народам обид и налог никаких ни в чем не чинить, но поступать с ними ласково».

Зато самого Овцына по злому навету арестовали в Тобольске за связь с семьей политического ссыльного князя Алексея Долгорукова, которая жила в Березове. Дознание и суд в те суровые времена были скорыми: разжаловать в матросы и сослать в команду Беринга.

Капитан-командор очень тепло встретил своего опального ученика, назначив его своим адъютантом. Он всегда считался с мнением матроса Овцына. Уже после того, как были открыты берега Северной Америки и судно «Святой Петр» с большим трудом подошло к острову, который теперь носит имя Беринга, лишь он и Овцын на корабельном совете высказали уверенность, что это не берег Камчатки. Мало того, Овцын — единственный из команды считал, что севший на прибрежные камни корабль можно спасти. За ошибку своих подчиненных Беринг заплатил жизнью. Открытый им остров стал его последним прибежищем...

После прихода к власти Елизаветы Петровны Овцыну был возвращен офицерский чин. Однако он вскоре вышел в отставку. Но долго сидеть без моря не смог и снова вернулся на службу. Он командовал яхтой «Транспорт Анна», пакетботом «Меркуриус». В 1749 году его произвели в капитаны 2 ранга. Еще восемь лет он командовал военными кораблями.

Корабли-лейтенанты исправно служили и в советское время. «Лейтенант Овцын» — до 1924 года, гидрографам Белого моря, а «Лейтенант Малыгин» под названием «Лейтенант Шмидт» в составе Байкальского отряда Сибирской флотилии громил в 1920—1921 годах остатки колчаковских банд.

Много сделал для освоения Арктики ледокольный пароход «Малыгин». Купленный во время первой мировой войны у Канады под названием «Брюс», он стал в России «Соловьем Будимировичем». Под этим названием он известен как объект первой советской спасательной операции в Арктике. Дело в том, что отступавшие под ударами Красной Армии белогвардейцы бросили его с экипажем во льдах Баренцева моря. Пароход вынесло дрейфом в Карское море. В. И. Ленин лично следил за его спасением. С приходом в Архангельск летом 1920 года он был переименован в «Малыгин».

А через восемь лет корабль сам стал спасателем пропавшей во льдах в районе Шпицбергена итальянской экспедиции У. Нобиле, за что был награжден орденом Трудового Красного Знамени. На «Малыгине» начинал свою деятельность в Арктике созданный по ленинскому декрету Плавающий морской научный институт.

Свои новейшие суда, оснащенные по последнему слову науки и техники, полярные гидрографы также называли именами лейтенантов Великой Северной. Помимо «Харитона Лаптева», «Дмитрия Стерлегова» это — «Дмитрий Овцын» и «Степан Малыгин». Они сейчас, продолжая дело лейтенантов, несут вахту по обеспечению безопасности мореплавания на Северном морском пути.

Леонид СТАШКЕВИЧ,
директор государственного
заповедника «Остров Врангеля»

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ = УМКА ИЛИ ОШКУЙ?

Человек никогда не жил в мире с крупным хищником. Их ступени развития на Великой Пирамиде Жизни вознеслись высоко, но близость друг к другу обусловила жесткую конкуренцию. В поведение крупного хищника чуть ли не генетически закладывается почтение к человеку, и, когда хищник встречает это более слабое физически существо, он не спешит воспользоваться правом сильного. Нарушение неписаного закона влекло за собой гонение на все племя — оно становилось менее многочисленным и более осторожным.

Охота на крупного зверя никогда не носила у людей массовый характер, оставаясь делом трудным и опасным. А культ зверя существовал у многих народов: для вогула, например, бурый медведь был сыном верховного божества Торума, эскимос считал белого медведя своим братом...

Для современного цивилизованного общества нет сдерживающих начал в уничтожении крупного хищника, за исключением разве что чувства долга перед будущими поколениями — за оставленное после себя наследство, за лицо Земли.

Наш рассказ — об одном из интереснейших видов крупных хищников, населяющих край ойкумены, — о белом медведе.

В последнее время о белом медведе много пишут даже те, кто видел его только за железными прутьями зоопарка или в передачах голубого экрана «В мире животных». Очень часто он предстает перед читателями в образе доброго «мишутки», как вот в этой газетной заметке, которую ее лаконичность позволяет процитировать полностью.

«К жителям чукотского поселка Иультина наведалься полярный гость — большой белый медведь. Он спокойно разгуливал меж домами и выскивал, чем бы полакомиться. У столовой наконец что-то обнаружил и спокойно принялся за съестное. В последнее время белые медведи появлялись в нескольких населенных пунктах: на приiske «Красноармейский», в городе Певеке, близ поселка Эгвекинот. Полярные гости, как правило, ведут себя степенно, принимают подношения от жителей, позируют перед фотолюбителями».

Плохое это дело, когда природоохранная тема и сама любовь к Дикой Природе превращаются в моду...

У подобных выступлений есть логическое продолжение. На Чукотском побережье за последние годы распространилось лояльное отношение жителей к хищнику: его приручают, подкармливают. На мысе Шмидта одно время даже серийно выпускали «портреты» белого медведя, принимающего из рук человека банку со сгущенным молоком... Живой медвежонок бродил по улицам поселка... И вдруг на страницах районной газеты «Огни Арктики» прозвучал недоуменный голос: «Почему убили умку?» Корреспондент поведал, как это произошло: «Медвежонок, которого на мысе Шмидта знал каждый, больше не придет к человеческому жилью... Его застрелили... Днем, на глазах у множества людей, а вместе со взрослыми тут находились и дети».

Совсем другого порядка идет информация от тех, кто знаком с проблемой взаимоотношений человека с крупным хищником не понаслышке. Ее попытался объединить в ста-

ть, вышедшей в первом номере журнала «Северные просторы» Владислен Леонтьев. Что стоит одно только название статьи — «Разбойник из Красной книги!»

Белый медведь на Чукотском побережье действительно становится частым гостем в поселках геологов, оленеводов, на охотничьей тропе. Пять лет назад в Инчоуне медведи вытащили из-под льда восемь сетей с нерпами; в следующем году в селе Энурмино один из их собратьев вломился в жиротопный цех, разбил бочку и съел жир. Можно продолжить список действий, причиняющих беспокойство и даже материальный ущерб человеку.

Белого медведя заклеить легко, но хорошо бы помнить, что действия его вызваны неправильным поведением самого человека. Закон сосуществования на одной территории с крупным хищником накладывает на человека сложные обязанности и ответственность. И это вопрос не сентиментальных сентенций и наивного восторга.

Несколько десятилетий назад численность белого медведя на севере Чукотки, как и по всей Арктике, резко сокращалась. Сложность контроля в условиях Арктики допускали браконьерство, и изъятие зверя под разными предлогами. Даже сейчас, по данным окружной Госохотинспекции, незаконная добыча составляет на побережье ежегодно четыре-пять особей. На заповедном острове Врангеля труп медведицы, погибшей от огнестрельного оружия, был обнаружен в последний раз всего пять лет назад. Введение ограничений, а затем и полного запрета добычи белого медведя у нас в стране с 1956 года все-таки создали условия для сохранения вида.

Вместе с мероприятиями по охране редкого животного проводилось изучение его. Первые целенаправленные исследования проведены в нашем заповеднике в 1964 году биологами С. М. Успенским и Ф. Б. Чернявским. Эти исследования позволили выделить остров Врангеля в один из основных очагов воспроизводства белого медведя в Арктике, организовать здесь государственный заповедник.

По результатам учета берлог на островах Врангеля и Геральд за последние двадцать лет количество размножающихся самок примерно удвоилось и составляет ежегодно 250—300 особей. Около пятисот медвежат уходят с острова вслед за своими мамами в мартовские и апрельские солнечные дни к дымящимся разводьям.

По многолетним данным оцениваем общую численность белого медведя в арктическом бассейне Чукотского полуострова на уровне 3500—4000 особей. Много это или мало? Сколько должно быть животных, чтобы полбжение с белым медведем считалось благополучным?

Однозначно ответить не удастся. Мы имеем дело с крупным хищником, у которого морское побережье входит в активную зону жизни, а там происходят не всегда приятные встречи с человеком... Оценивать количественную сто-

рону популяции, исходя из объема пищевых ресурсов, нужно с большой осторожностью: здесь должен быть «запас прочности», иначе в трудный час хищник придет к человеку.

Как выглядит сегодня белый медведь на заповедной земле острова Врангеля: добрым умкой, злым ошкуем? Быть может, отвечая на этот вопрос, мы легче найдем пути решения «медвежьей проблемы» Чукотского побережья.

На острове Врангеля очень часты встречи с белым медведем. В период массового вскрытия и оставления берлог мы проводим наблюдения за поведением самок.

Трудно представить, что уничтожение медведиц на берлогах могло когда-то называться охотой. Вынудить медведицу к нападению из берлоги можно лишь с большим трудом — назойливым или уж очень настойчивым поведением. И то, почти наверняка, это будет всего лишь демонстрация ее силы и гнева.

Редкий случай произошел у сотрудников заповедника Малышева и Стишова под высокими скалами мыса Уэринг. Издалека заметив людей, медведица покинула берлогу на крутом снежнике и бросилась к ним навстречу. Один из наблюдателей, отступая, упал и, не решаясь выстрелить, протянул в сторону нависшего над ним зверя карабин. Медведица выдохнула в лицо человека все свое раздражение и торопливо ушла в берлогу.

К сожалению, жители Чукотского побережья, многие из которых недавно приехали из центральных районов страны, проявляют большое беспокойство, если обнаружат рядом с поселком берлогу.

— Что делать?! — спрашивают нас. — У села Рыркайпий медведица залегла в берлогу!..

— Вкопайте столб, — отвечаем, — в плотный снег неподалеку. Повесьте табличку: «Осторожно. Берлога белого медведя. Охраняется законом».

Насколько же человек при встрече с дикой природой привык что-то делать! А делать ничего и не надо... После полярной ночи придет солнце, растопит верхнюю часть снежного покрова и... столб с табличкой упадет; медведица с медвежатами-сеголетками в это время будет уже далеко от села Рыркайпий, во льдах Чукотского моря...

Медведица очень привязана к своим медвежатам (чаще их бывает двое), особенно в первый год жизни. Даже если медвежонок по какой-то причине гибнет, медведица остается надолго с ним. Такую трагическую картину мы наблюдали на мысе Блоссом.

Взрослые медведи часто навдываются к островитянам. В прошлом году было девятнадцать заходов в «запретную» для них зону жилья человека. В основном они идут проходом, с любопытством приглядываясь к постройкам, собакам и людям, будто припоминая что-то уже не раз виденное. Трудно представить себе в наше время белого медведя, не знакомого с человеком и плодами его дея-

тельности. Даже на заповедной территории в тундре, на песчаных косах много железа — следы прошлой хозяйственной деятельности. На Чукотском побережье ведется промысел песка — это целые горы приманки, разложенной руками человека.

Некоторые звери проявляют настойчивость. В таких случаях, если не удается окончательно выпроводить медведя с помощью техники и стрельбы из ракетниц, применяем отлов. Первоначально попадание в просторную ловушку мало беспокоит животное. В августе минувшего года крупная медведица, которой удалось приподнять решетку и уйти из ловушки, проделывала это еще дважды, не забывая каждый раз насытиться приманкой — копальхеном. И это в то время, когда здесь же был выловлен ее двухгодовалый медвежонок...

Транспортировка белых медведей в тесной клетке — процедура для них неприятная. Хотя мы выпускаем их всего в шестидесяти километрах от места вылова на песчаной косе мыса Блоссом, но возвратов пока не наблюдалось.

И опять параллель — Чукотское побережье. Населенные пункты практически не имеют приспособлений для вылова назойливых зверей. А ведь изготовление ловушек дело очень несложное. Кто должен заниматься этим? Один заместитель председателя райисполкома признался мне: «Черт бы побрал и ловушку, и приманку... Мы до сих пор не знаем, куда списать затраты, особенно сгущенку: скормили целый ящик — никто не поверит! А медведя не поймали...»

Не с этих ли элементарных затрат под руководством районных охотоведов должно начинаться управление поведением популяции!

На острове Врангеля нередки случаи, когда зверь как бы бесцельно, мимоходом бьет стекла в пустующих полярной ночью стационарах, портит двери в балках. Поживиться ему там нечем. Нам кажется, что на такой «хулиганский» шаг более всего толкает любопытство и приобретенный где-то ранее опыт безнаказанности за свои действия.

Исключительно редки агрессивные действия белого медведя. Два года назад медведица в бухте Сомнительной разорвала трех ездовых собак, бывших на привязи, припугнула людей и бросилась к чукче Ульвелькоту. После двух ранений, нанесенных копьём, медведица ушла в торосы, где ее поджидали взрослые медвежата. В течение нескольких дней мы следили за ней, ожидая разрешения высокой инстанции на отстрел опасного зверя.

Когда-то централизовать выдачу разрешения на отстрел крупного хищника, занесенного в Красную книгу, было необходимо для пресечения браконьерства. Сейчас нет опасности, что старые арктические традиции, предпи-

сывавшие каждому полярнику иметь шкуру белого медведя, смогут быть восстановлены. Опасность в другом — восстановить жителей северного побережья против хищника, перед которым мы сами себя сделали беспомощными. Решение в необходимых случаях должно приниматься на месте представителями советских органов, разумеется, при условии оценки его специалистами и контролирующими организациями.

По поводу белого медведя нельзя ни благодушеествовать, ни паниковать — одинаково не нужно. С чьей-то легкой руки массовые выходы белых медведей на сушу, скопления их в определенных местах преподносятся чуть ли не как попытки организованных, угрожающих действий его против человека.

Белый медведь — отшельник и большой индивидуалист. Единственно долговременна у него семейная группа — медведица с медвежатами. Медведи не знают «коллективных» охот.

В большом количестве они собираются у трупов моржей или кита, выброшенных морским прибоем. Мы наблюдаем одновременно до сорока особей на местах лежбищ моржа. Осенью прошлого года около ста белых медведей собралось у трупа кита в бухте Песцовой. Нередко мигрирующие звери задерживаются на суше из-за неблагоприятной для них ледовой обстановки, когда льды отходят далеко от берега. Можно ожидать, что один из них в этих условиях проявит активность вблизи населенного пункта. Но рассматривать скопление зверей как подготовку к нападению на человека нет оснований. Очень важно в таких случаях держать группу зверей под наблюдением, но не гонять их понапрасну.

Три десятилетия понадобилось для того, чтобы исчезающий вид животного почувствовал себя прочно на арктической земле, чтобы численность его увеличилась вдвое. Это успех науки, практиков в области охраны природы, жителей северных окраин нашей страны.

Да, белый медведь — крупный и сильный хищник, способный не только на мелкое баловство, но и на опасные действия. Численность его в хозяйственных районах должна оставаться относительно невысокой. Решительные меры к «злomu онкую», вторгающемуся в человеческое жилище, — этот способ регулирования, но не буйная кампания и не охота...

Дальнейшее повышение экологической культуры людей, проживающих на Чукотском побережье, позволит избежать многих конфликтных ситуаций с «добрым и умным умкой».

Подумаем о будущем белого медведя...

Остров Врангеля.

ГЕРОИ ФИЛЬМОВ — СЕВЕРЯНЕ

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

...После проверки документов и проведения специального инструктажа поднялась на ледокол «Мурманск» съемочная группа Свердловской киностудии. Предстоял долгий и трудный путь. Так началась работа над фильмом «Рожденные летать» режиссера И. Персидского. За окном, вернее, за иллюминаторами была Арктика, трехметровые льды и белые медведи. Медведи — не для красного словца, они вошли в эту картину.

Другой фильм этого же режиссера «Курс — на Ямал» снят о мужественных людях — опытных полярниках с ледокола «Сибирь». От Мурманска до Ямала 740 морских миль, две трети пути — тяжелые льды. Арктика есть Арктика, каждый шаг по ее просторам труден и неизвестен... Никогда еще так рано ни один ледокол не отправлялся в эти широты, но «Сибирь» идет уверенно — она ведет караван судов с грузом для нефтеразведчиков Харасавэя...

На Ямале сняты два фильма: «Пушная ферма» С. Рапопорта, завоевавший в свое время диплом на Международном фестивале в Венеции, и «Там, где бежит олень» В. Григорьева, тоже заслуживший диплом на фестивале в Сан-Франциско.

Северные широты — Камчатка, Чукотка, Ямал, Заполярье, Таймыр — постоянная съемочная площадка Свердловской киностудии. Целую серию «заполярных» фильмов создал режиссер Б. Урицкий: картина «Навигация», поэтическая кинолента «Таяжная песнь», «Счастье быть первым» — в этой научно-популярной ленте запечатлена история освоения знаменитого Норильского месторождения, «Север — навсегда», «Право на карьеру»...

Объекты съемок фильма «Харасавэй» режиссера С. Маркова — Карская экспедиция, испытание скважин.

О судьбе ненецкого художника, меткого снайпера и храброго разведчика К. А. Панкова, погибшего на фронте, о его жизни, похожей на легенду, снял документальный фильм И. Богуславский.

Картина Ю. Дубровина «Чуткая природа Севера» — просветительская, она рассказывает о ранимости северной природы, о необходимости бережного отношения к ней.

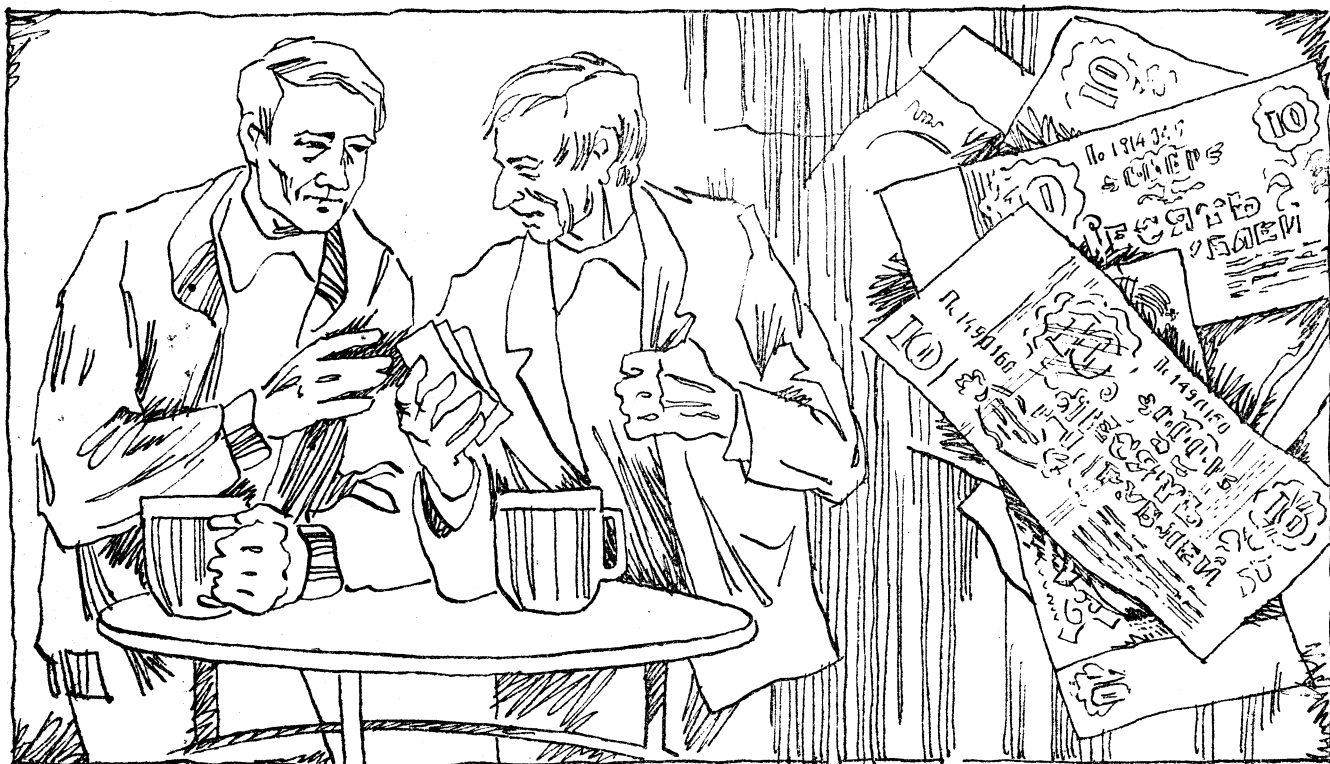
Интересен и познавателен фильм А. Морозова «Под килем — вулкан», снятый на берегу Охотского моря, у подножия вулкана Алаид, на материале широких исследований современной вулканической деятельности. Малоизвестный мыс Африка на восточном берегу Камчатки обязан своим названием русскому крейсеру «Африка», офицеры которого в начале восьмидесятых годов прошлого века проводили гидрографические работы у берегов Камчатки и Командорских островов, и тоже прославлен свердловскими кинематографистами.

Цветной полнометражный фильм режиссера Д. Радовского «Там, на земле магаданской» переносит зрителя туда, где начинается день, где на стыке двух океанов, Ледовитого и Тихого, раскинулся суровый и красивый край горняков и геологов.

Поморам, отважным северным мореплавателям, посвящен документальный фильм «Встречь солнцу». Режиссер Б. Кустов рассказал в нем о жизни потомственного помора Дмитрия Буторина.

...Подробно, пристально вглядываются в северный край авторы кинолент. Их рассказ одушевлен раздумьями о красоте его, о судьбах людей, для которых Север — это навсегда, на всю жизнь.

ТРАЕКТОРИЯ

Повесть

Александр ЛЕОНИДОВ

Рисунки Н. Павлова

10.

Понедельник день тяжелый. Лишний раз убеждаюсь в этой истине, откапывая в восемь утра занесенный снегом гараж.

Сажусь в машину. Повернув ключ зажигания, замечаю оживленно заблестевшие глазки костяной фигурки оленевода, выполняющей прозаическую роль брелока. Покуривая трубочку, оленевод вместе со мной прислушивается к мерному гудению двигателя и довольно шурится, покачиваясь в теплых струях воздуха, поступающего из печки.

Включив фары, медленно тащусь по улицам. Скользко. Личных машин почти не видно. Автолюбители предпочитают не рисковать.

Хотя девяти еще нет, в кабинете надрывается телефон. Быстро открываю дверь, однако теле-

фон зловредно замолкает. Но ненадолго. Снова звонок.

— Доброе утро, с вами будет говорить Борис Васильевич,— официальным тоном сообщает Семирамида из стройуправления, словно соединяет меня с генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

Мизеров бодрым голосом информирует, что заявление Хохлова, о котором шла речь, обнаружилось, и он может его прислать.

— Минут через двадцать буду у вас, дождитесь, пожалуйста,— прошу я, кладу трубку и выбегаю из прокуратуры.

Еду довольно быстро, но когда вхожу в приемную, сталкиваюсь с одетым в пальто Мизеровым. Он виновато улыбается.

— Думал, вы уже не приедете... В трест вот вызвали...

Продолжение. Начало см. в № 11.

— Я вас задержу самую малость...

В его кабинете читаю напечатанные на старенькой «Москве» с прыгающими буквами текст и узнаю, какие непорядки возмущали Хохлова. Тот негодовал по поводу равнодушия прораба и его нежелания вести борьбу с пьяницами Жижиным и Бабарькиным, удивлялся, почему Дербек делает вид, будто не замечает, как Жижин торгует налево и направо кафельной плиткой. Прочитав, пристально смотрю на Мизерова.

— Кто занимался проверкой?

— Честно говоря, не успели...

— По чьей вине?

— Вы знаете, Лариса Михайловна, — изображая простодушие, произносит Мизеров. — Непостижимым образом оно оказалось у меня в столе.

Его лицо напоминает лик невинного младенца.

— Скажите, вы с Дербекко закадычные друзья? Или он ваш сват?

— Не понимаю...

— Вот и мне непонятно, что вас так тесно связывает.

Его взгляд становится тяжелым. Всем существом чувствую, как хочется ему выдохнуть: «Вон отсюда!», но делает он другое — смотрит на часы и поднимается.

— Меня ждут в тресте.

11.

В бухгалтерии СУ-15 — как во всех бухгалтериях: тишина и покой. Мое появление не вызывает никакой реакции, во всяком случае у женщин. Они продолжают сидеть, уткнувшись в ворохи бумаг, которыми, словно застывшей пеной, покрыты столы. Только глаза бегают к калькуляторам и обратно. Зато пожилой мужчина со впалыми щеками схимника мгновенно убирает что-то в ящик стола. Мне впервые приходится видеть в жизни, а не на экране такой классический тип главного бухгалтера. Сдвинутые на лоб очки, остро отточенный карандаш, черные сатиновые нарукавники. Но я ошибаюсь. Главным бухгалтером оказывается суровая на вид женщина с короткой стрижкой. Узнав, что мне требуются ведомости на зарплату второго участка за последние два года, она просит девушку с румянцем на скулах:

— Вероника, покажи.

Румяная Вероника плавно поднимается и, мягко ступая, идет к двери. Следую за ней.

Вдоволь надышавшись многолетней пылью в небольшой квадратной комнатке без окон — «архиве», — остаюсь удовлетворенной результатами раскопок. Кудрявый Бабарькин не обманул.

Действительно его пытались «заинтересовать»: в первый месяц работы начислили почти на сто рублей больше, чем в последующие. Другая находка не менее любопытна. Некий Тропин, поступив на работу плотником, первые три месяца получал так себе, а на четвертый, получив почти вдвое больше, почему-то решил расстаться с участком, уволился.

Вероника оказалась словоохотливой девушкой. Пока я просматривала ведомости, она рассказала массу занятных вещей и даже под большим секретом поведала тайну о человеке в черных сатиновых нарукавниках. Интуиция не подвела меня. Иван Иванович Косарев много лет проработал главным бухгалтером управления; но три года назад пришел к начальству с необычной просьбой: попросил перевести в рядовые.

Все долго гадали, что произошло с Иваном Ивановичем, почему он променял солидную должность и приличный оклад на работу, с которой — при его квалификации — справлялся за два часа. Однако вскоре стали замечать: Косарев сидит за столом не разгибаясь. Строчит и строчит. Заинтриговал всех до невозможности. А как-то раз даже испугался. Побледнел, на глазах слезы, воздух ртом хватает. Думали — инфаркт, подбежали, а он смотрит мимо и, шевеля посиневшими губами, шепчет: «Билл задыхается... Метеорит пробил обшивку... Кислорода на две минуты... И на сотни парсеков ни одного корабля...» Никто ничего не понял, но с того дня к Ивану Ивановичу стали относиться еще бережнее.

Вместе с Вероникой возвращаюсь в бухгалтерию и благодарю Валентину Петровну. Она, чуть запнувшись на первом слове, спрашивает:

— Кто из наших понесет ответственность за несчастный случай?

— Правила техники безопасности нарушили Дербекко и Омелин, — не вдаваясь в подробности, отвечаю я.

— Омелин?

— Он дал указание допустить Хохлова к работе без медицинского осмотра, — поясняя я и боковым зрением замечаю, как Косарев резко поднимается и выходит в коридор.

12.

Инспектор по кадрам, высокая женщина с круглыми бедрами и простуженным голосом, переспрашивает меня:

— Адрес Тропина? Он же давно не работает.

— Вот и хотелось бы узнать, почему.

— Я вам скажу. С Дербекко не поладили. Ну

и психанул Тропин. Сейчас знаете какой народ пошел? Чуть что — заявление.

Не вдаваясь в дискуссию, прошу личные листки по учету кадров рабочих второго участка.

— Все? — удивляется инспектор.

— Их так много?

— Нет, пожалуйста.

В ее голосе чувствуется обида человека, от которого скрывают нечто очень интересное. Но что я могу сказать, если сама толком не знаю, зачем мне эти листки.

Шадринка... Шадринка... От кого-то я слышала название этой алтайской деревни, в которой родился плотник Данилов, чьи анкетные данные попадают мне на глаза. Кажется, жена Хохлова говорила. Там вяжут свитера из козьего пуха и, надо сказать, очень приличные.

— Вам адрес Тропина нужен?! — досадуя, что ее не слышат, повторяет инспектор.

— Нужен, — спохватываюсь я...

Проходя мимо двери главного инженера, невольно замедляю шаг. Оттуда доносятся возмущенные голоса. Один, без сомнения, принадлежит хозяину кабинета. А вот чей голос срывается на крик, понять не могу. Но тут дверь с шумом распахивается, и в коридор вылетает красный как рак Иван Иванович Косарев.

— Так и знай, промолчишь, сам к следователю пойдешь!!!

Отскакиваю в сторону. Дурацкое положение! Еще решит, что подслушивала. Но Косарев, не замечая меня, устремляется в сторону бухгалтерии. Любопытно. Из-за чего же поссорились Иван Иванович с Федором Афанасьевичем?

13.

Застать Тропина дома среди бела дня не очень надеюсь, но поскольку все равно проезжаю мимо, решаю заскочить. Мне везет.

Худая, похожая на спортсменку женщина с крупнокалиберными бигудями на маленькой голове, открыв дверь, сообщает, что муж дома, и, видимо, считая своей обязанностью доложить следователю, в связи с чем они оба не на работе, поясняет:

— Мы сегодня во вторую смену... Да вы проходите в залу.

Вскоре в комнату, где я расположилась за столом, входит круглолицый мужчина с торчащими ушами-блюдечками. Он усаживается на диван рядом с зеленым глуповатым зайцем, выжидательно смотрит. Его жена сидит напротив меня, словно я пришла побеседовать с ней, а не с Игорем Геннадьевичем. Чисто по-женски понимаю ее, поэтому не прошу оставить нас наедине. Достав бланк протокола, записываю анкетные данные Тропина, предупреждаю его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний, а когда он расписывается, спрашиваю, работал ли в СУ-15 у прораба Дербеко.

— Заинтересовались наконец этим деятелем? — хмыкает Тропин.

— Вы не могли бы яснее? — сухо прошу я.

— Действительно! Объясни толком! — вспыхивает его супруга.

— Ты-то хоть сиди, — огрызается Тропин. — Чего объяснять-то?

Четко выговаривая каждое слово, произношу:

— Как прораб Дербеко завывал вам наряды.

— Я его не просил, — буркает Тропин. — Он сам подкатился. Вначале завыл, потом подкатился, дескать, давай полсотни...

— А вы?

— Уволился... Без отработки отпустили. Дербеко побоялся, что шум подниму... А зачем мне это. Скажут, склочник. Не люблю я всего этого...

Сдерживая прорывающийся сарказм, растягиваю губы в улыбке:

— А я просто обожаю.

— Чего? — пододвигаясь ближе к зеленому зайцу, косится Тропин.

— Склочничать, вынюхивать, выведывать, жаловаться, рыться в чужих грехах, — неизвестно на кого злясь, поясняю я. — Закрыли ставни и сидите. Ко мне в дом не лезут, и слава богу! Не мои деньги Дербеко ворует, государственные. Пускай! А я уволюсь! Сбило человека машиной — отвернулся и пошел. Я жаловаться не люблю.

— Он правда не любит, — вступает за мужа Тропина. — Раковина у нас лопнула, третий месяц не могу допроситься, чтобы в домоуправление сходил.

— Не жаловаться это называется, — вздыхаю я. — Это самое элементарное исполнение своих

гражданских обязанностей... Игорь Геннадьевич, к кому еще «подкатывался» Дербек с подобными предложениями?

Словно перешагивая через какой-то внутренний барьер, Тропин неохотно отвечает:

— Жижин ему отдавал... Я сам видел. В «Вертерке», рядом с участком... Я после полочки сигарет зашел купить. Они пиво пили. Жижин червонцы отсчитывал, Дербек сгреб их, похлопал по плечу Жижина и пошел. По-моему, они меня не заметили.

Покидаю квартиру Тропиных удовлетворенная сознанием того, что теперь разговор с горбоносим Жижиним и его начальником будет более предметным.

14.

Рабочий день закончился. Только не для меня. Все равно дома никто не ждет. Еду к рядовому бухгалтеру СУ-15 Косареву.

Нахожу дом и поднимаюсь по лестнице.

Кручу допотопный звонок, врезанный в самую середину двери. Он издает шелест испорченного сигнала детского велосипеда.

— Вы к кому? — скользя по мне внимательным взглядом, спрашивает пожилая женщина, открывшая дверь.

Отвечаю после легкой заминки. Очень уж экзотический на женщине халат. По плотному черному шелку порхают, перелетая с ветки на ветку, бегают, высоко вскидывая голенастые ноги, и просто мирно пасутся фазаноподобные жарптицы.

— Вы из «Амальтеи»? — спрашивает хозяйка.

Всеми силами пытаюсь сдержать наползающее на мое лицо до неприличия глупое выражение, но оно, должно быть, все-таки появляется.

— Вы не из клуба любителей фантастики? — переспрашивает женщина.

— Я сторонница реализма, — улыбаюсь в ответ. — В основном пишу протоколы... Я следовательно.

Пока снимаю шубу, в коридор выходит Косарев в стареньких брюках, в толстой серой рубашке. Увидев меня, застывает, потом спохватывается, приглашает в комнату. На пороге оборачивается:

— Маша, сделай одолжение, чайку с вареньем...

Маша вместе со своими птичками выпархивает на кухню, ловко минуя торчащий в коридоре дорожный велосипед.

В освещенной настольной лампой комнате прямо напротив двери — то ли топчан, то ли узкая

тахта; у окна — широкий, с подшпиленными ножками старый письменный стол, рядом с которым громоздкое кожаное кресло на «куриной ноге»; на стене — книжные полки.

Начинаю издали:

— Вы давно работаете в управлении, Иван Иванович?

Косарев ерошит волосы. Задумывается.

— Давненько... Больше тридцати лет назад сюда пришел, сразу после института. А если прибростить и те годы, что в системе треста проработал, получится все сорок... Двое нас мастодонтов в тресте осталось: я да Федька Омелин.

Судорожно соображаю, какой же это Федька. Никонец догадываюсь.

— Вы имеете в виду главного инженера?

— Его, — кивает Косарев. — Мы же с ним еще с фронта знакомы. Вместе из Новосибирска призывались. Всю войну рядом. Только на время ранений и расставались... Знали бы вы, какой Федька боевой парень был! Разведчик, медалей куча. Даже две «Отваги»!.. С ним в огонь и в воду можно было... Я ему по гроб обязан. Не он, пришлось бы вам с кем-нибудь другим чай пить. Спас меня в бою... Вместе и демобилизовались. На стройку каменщиками пришли. В один год в институт поступили. Так вдвоем в управлении и оказались. Только я в бухгалтерии, а он прорабом стал... Вот и работаем.

— Мне Омелин почему-то не показался решительным человеком, — говорю я.

Косарев вздыхает, словно давно ожидал, что разговор пойдет именно на эту тему.

— Да-а... Твердости у него не хватает. Инженер — дай бог каждому. Но вот метаморфоза какая: на фронте лихой был, а на гражданке ступешался.

— Чрезмерно привержен субординации?

— Не в этом дело... И объяснить-то трудно. Мягкий он, что ли...

— Может и чужую вину на себя взять?

Иван Иванович бросает на меня цепкий взгляд.

— Уж другого под удар не поставит.

— Вы не из-за этого сегодня ругались?

— Не ругались мы, просто я ему мозги вправлял! — возражает он.

— И все-таки, Иван Иванович, в связи с чем между вами состоялся столь крупный разговор? — настаиваю я.

Косарев опускает глаза, потом оживает, как человек, внезапно нашедший выход из трудного положения.

— Лариса Михайловна, можно отложить до завтра? Думаю, Федор сам ответит, из-за чего у нас сыр-бор разгорелся.

Прикинув, не помешает ли небольшая затяж-

ка расследованию, соглашаюсь. Косарев благодарно улыбается, а я снова спрашиваю:

— Что за человек ваш начальник Мизеров?

— Человек или руководитель? — осторожно уточняет Косарев.

— Вы видите между этими понятиями разницу?

Немного подумав, он извиняющимся тоном произносит:

— Не хотелось бы, чтоб была, но она есть.

— В таком случае начните с Мизерова-руководителя.

— Современен, пунктуален, не лоботрясничает, — перечисляет Косарев, — в меру суров, увлечен работой, стремится быть первым... Минус один — карьерист! Руководит по принципу: цель оправдывает средства. А цель у него на данном этапе — кресло управляющего трестом. Бориса Васильевича уже сейчас в главные инженеры треста прочат. Говорят, и документы в Москву на утверждение отослали.

— Опасные принципы у вашего начальника... — замечаю я.

— В том-то и дело... От этого могут пострадать люди... — раздумчиво кивая, соглашается Косарев. — К сожалению, Борис Васильевич, выражаясь фигурально, в своих интересах любого утопить может.

— Образ Мизерова-руководителя у меня вырисовался, — говорю я.

— А Мизеров-человек? Что он из себя представляет?

— Тут я вам не очень помогу... Знаю только — в семье у него все в порядке, на людях вроде не пьет, достаточно воспитан...

— Чтобы уточнить другого?

Косарев краснеет, и мне становится неловко за свой вопрос.

— Я имел в виду внешнюю культуру поведения, — отвечает он. — А в целом вы правы. Для того, чтобы быть истинно воспитанным человеком, Мизеров слишком любит себя.

15.

Первым утренним посетителем оказывается молодой человек в слегка затемненных очках. Заглянув, он интересуется, в этом ли кабинете работает следователь Привалова. Кидаю взгляд на прикрепленную к двери табличку. Она на месте.

— Вы угадали, — улыбаюсь.

Молодой человек не без эlegantности склоняет голову:

— Технический инспектор Бруев... Ян Андре-

евич. Мне передали, что вы вчера звонили и просили зайти.

Предлагаю ему раздеться и, когда он усаживается, говорю:

— Ян Андреевич, у меня только один вопрос: на основании каких данных в своем заключении пришли к выводу, что Хохлов упал именно с четвертого этажа?

— Это свидетельство очевидцев.

— В ваших материалах я фамилий очевидцев, видевших, с какого этажа упал Хохлов, не нашла.

Бруев просит разрешения взглянуть на свое заключение, несколько минут листает его, потом потирает ладонью лоб.

— Мда... Забыл указать... Как же это получилось?.. Кто же мне говорил?.. Прораб? Точно!

— Он видел, откуда упал Хохлов?

— Нет, — снова мрачает Бруев. — Сам он никак не мог видеть. Он в вагончике был. Пойдите, почему же тогда Дербекко уверял, что пострадавший упал именно с четвертого этажа?

— Вот и я думаю...

Бруев продолжал разматывать нить своих размышлений:

— Но ведь, если бы рабочий упал со второго, таких последствий не было бы. Верно?.. И с третьего маловероятно...

— А если с пятого или с шестого этажа?

— С пятого?.. Не исключено. А на шестом и выше были ограждения.

— А если через них?

— Нереально, — качает головой технический инспектор. — Шахта узкая, да и траектория падения была бы иной... Одежду я осматривал, никаких следов от досок...

В душе благодарю Бруева за дотошность. Кто знает, смогу ли я когда-нибудь увидеть эту одежду своими глазами.

— Одежда была в порядке? — осторожно спрашиваю я.

— В целом да, только не доставало одной пуговицы на телогрейке, верхней...

По-хорошему бы, надо показать найденную мною пуговицу, но при всем желании в данную минуту сделать этого не могу. Пуговица направлена на экспертизу для определения: время ли перетерло оставшиеся на ней нитки или внезапный рывок. Опережать события не хочется, но знаю, когда хватают за грудки, в первую очередь отлетает верхняя.

16.

Не успевает за Бруевым закрыться дверь, в кабинет бочком, склонив бритую голову, входит

главный инженер стройуправления. Пряча глаза, он произносит:

— Разрешите?.. Каяться пришел.

Стараясь не выдать нетерпения, каждый раз охватывающего меня, когда чувствую, что одно из белых пятен уголовного дела вот-вот исчезнет, предлагаю Омелину сесть. Вижу, как ему трудно начать, но прийти на помощь не спешу. Хочется, чтобы инициатива полностью исходила от него.

Омелин приглаживает несуществующие волосы.

— Вот, пришел... Стыдно мне... Заврался на старости лет...

— Что заставило вас оговорить себя? — не выдерживаю я.

— Дурость собственная...

— Только ли собственная?

— Вы правы, поддался на уговоры,— вздыхает Омелин.

— Чьи? — предугадывая ответ, спрашиваю я.

— Мизерова... Одним словом, не я давал указание допустить Хохлова к работе без медосмотра, а Мизеров... А в тот день, когда вы первый раз появились в управлении, к вечеру уже вызвал меня Борис Васильевич. Разговор издалека завел. Стал спрашивать, собираюсь ли на пенсию, здоровьем интересовался. Я вначале решил: приглядел он кого-нибудь помоложе на мое место. Потом вижу, куда-то не туда клонит. Так и вышло. Напомнил про случай с Хохловым, посетовал, что в горячке разрешил Дербeko допустить Хохлова к работе. А я это и без него прекрасно помнил. При мне Дербeko подходил.

— И все же, что вас побудило взять на себя чужую вину?

— Как вам сказать... Мизерова пожалел. Думаю, действительно я свое прожил, отработал, какой от меня толк. А ему еще работать да работать. Что же из-за несчастного случая губить человека будущее...

— О своей судьбе не думали? Ведь за преступление, которое вы на себя взвалили, предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

— Какое лишение?! — искренне удивляется Омелин.— Борис Васильевич сказал, ничего серьезного мне не будет.

Вспоминаю одну из бесед с Мизеровым, с горечью роняю:

— Он у вас большой специалист в юриспруденции... Какие еще юридические тонкости он вам разъяснял?

— Что я, как участник войны, под амнистией попадаю, что характеристику хорошую даст, общественного защитника выделит, адвоката хоро-

шего найдет... Даже имя называл, Зиновий какой-то... Честно говоря, этим он меня и убедил...

Меня так и подмывает прочитать мораль этому пожилому, много пережившему человеку, сказать, что таких людей, как Мизеров, нужно не жалеть, а хватать за руку и стаскивать с начальственного кресла. Ведь он, не задумываясь, пытается прикрыться другим!.. Но я молчу. Гораздо полезнее и действеннее — представление следователя, направленного в вышестоящую организацию.

17.

В вагончике кажется еще жарче, чем в прошлый раз. Наверное, оттого, что на улице сегодня не такой лютый холод. Здравуюсь с бородатым Зайцевым и спрашиваю:

— Где остальные?

Зайцев откладывает свой фолиант.

— Бабарыкин с обеда не вернулся,* Жижин только что ушел в свой подъезд, Данилов в столовке всегда обедает, Дербeko домой уехал.

— Если вас не затруднит, пригласите Жижина,— прошу я.

Когда приходит Жижин, особой радости на его лице не вижу. Горбатый нос плиточника-мозаичника глядит куда-то выше моей головы, словно Жижин не замечает моего присутствия и ему вообще нет дела до того, чем вызван интерес следователя к его персоне.

— Здравствуйте, Жижин,— делаю приветливую мину, говорю я.

Тот, буркнув в ответ что-то нечленораздельное, косится на вошедшего в вагончик Дементьича.

— Доброго здоровьца,— улыбкой приветствует меня Данилов.— Помешал, поди?

Отвечаю на приветствие и поворачиваюсь к Жижину.

— Я бы хотела с вами побеседовать... Пройдемте со мной.

— Здесь нельзя? — хмурится он.

— Нежелательно.

Дементьич стаскивает рукавицы и, опустившись на корточки возле калорифера, протягивает руки к спирали. Заинтересованно поглядывает на нас снизу вверх.

— Тимофей Дементьевич, — обращаюсь к нему. — Появится Дербеко, передайте, пожалуйста, чтобы сразу ехал в прокуратуру.

— Обязательно, — с видимым чувством удовлетворения кивает Данилов. — Не беспокойтесь, все в точности исполню.

В моем кабинете Жижин становится похож на карася, привезенного в корзине с травой и сомлевшего от долгой дороги. Спрашиваю, как давно и какие суммы он передает Дербеко за выполняемые объемы работ. Глаза Жижина выпучиваются, рот медленно открывается и закрывается, но совершенно беззвучно.

— Я жду ответа, — напоминаю ему.

— Какого? — выдавливает Жижин..

— Откровенного.

Но он продолжает молчать.

— Ладно, дело ваше. Не хотите отвечать на этот вопрос, ответьте на другой.

Жижин впирается глазами в мою переносицу.

Спрашиваю:

— Чем вам не угодил Хохлов?

— Хотите сказать, что это я столкнул его? — кривя рот, хмыкает Жижин.

— Зачем вы передавали Дербеко деньги?

— Когда? — осторожно любопытствует он.

— По моим данным, довольно часто. Напомнить?

— Зря стараетесь, не было этого.

— А в «Ветерке»? Десятирублевыми купюрами? — спрашиваю я и, уже блефуя, добавляю: — Еще напомнить?

Жижин, крутнув плохо выбритым кадыком, с усилием выговаривает куда-то в сторону:

— Не надо... Отдаю ему каждый месяц по пять червонцев.

— И как давно?

— Тысячу двести уже выложил, — угрюмо признается Жижин.

Произвожу в уме несложные расчеты, после чего уточняю:

— Два года?

Жижин кивает. Делает это он с таким прискорбием, будто был беззащитной овечкой, с которой только и знали, что стригли шерсть. Поэтому снова уточняю:

— Сколько денег вы оставляли себе? Имеются в виду незаконные.

Жижин буркает:

— Рублей шестьдесят — семьдесят...

— Жижин, — укоризненно произношу я. — Вы знаете, как называется то, чем вы с Дербеко занимались?

— Преступление, — неохотно роняет он.

— Тяжкое преступление, — поясню я. — Хищение и дача взятки. А у Дербеко — получение взятки. Вам раньше это в голову не приходило?

— Догадывался.

— И все-таки продолжали?

— Куда деваться, раз Дербеко меня втянул, — жалуется он.

— Значит, Жижин, вас это устраивало, — констатирую я.

Не найдя сочувствия, допрашиваемый срывается на злобное шипение:

— А кого бы это не устроило?! Все хотят поменьше работать, а жрать получше. Только красивыми словами прикрываются! Знаю я этих передовиков — бессеребренников! Им еще не так завышают! Небось не отказываются!

Широко раскрыв глаза, разглядываю нахала. Потом ставлю его на место:

— Вы лучше помолчите. «Втянули» его! Плитку воровать вас тоже кто-нибудь учил?

— Какую плитку?

— Кафельную!.. Конечно, вас устраивало, что Дербеко все видит и молчит. А Хохлов молчать не хотел.

— Что вы все этого Хохлова ко мне приплещаете?! Сдался он мне!

— Где вы находились, когда раздался крик Хохлова?

— На пятом этаже. В ванной плитку докладывал.

— В одном подъезде с Хохловым! — утверждаю я.

— Ну и что? Он же с четвертого свалился.

— Откуда вам это известно?

— Все говорят.

— После крика вы сразу вниз побежали?

Жижин менее уверенно, чем прежде, отвечает:

— Ну, да...

— Спустились по лестнице того же подъезда, в котором работали?

— Кажется...

— Откуда такая неуверенность?

Нос Жижина целится в лужицу талого снега под его валенками, руки сжимаются и разжимаются, словно он хочет размять затекшие пальцы.

— Как вы оказались в соседнем подъезде? — тороплю я.

— Не знаю... Когда услышал крик, почему-то сразу побежал через лоджию туда.

— Вам не кажется странным подобный маршрут?

— Так получилось...

— Жижин, не кривите душой. Ведь в ваших интересах говорить правду.

Жижин вздыхает.

— Ящик с кафелем в бабарькинском подъезде прятал, на восьмом этаже.

— Он и сейчас там лежит? — недоверчиво интересуюсь я.

— Продал...

— И, естественно, не знаете кому?

— А что смеяться? Я паспортов не спрашиваю.

— Мужчина в папаче в тот день к вам приходил?

Жижин не понимает.

— В папаче?

— Они с Бабарькиным бежали по лестнице впереди вас, — поясняю я.

— А-а-а... Видел кого-то. Но я его не знаю. Да он сразу, как из подъезда выскочил, за угол шмыгнул.

— Вот так, — раздумчиво произношу я, потом неожиданно даже для себя спрашиваю: — К вдове Хохлова вас отправлял Дербeko? Или сами пошли?

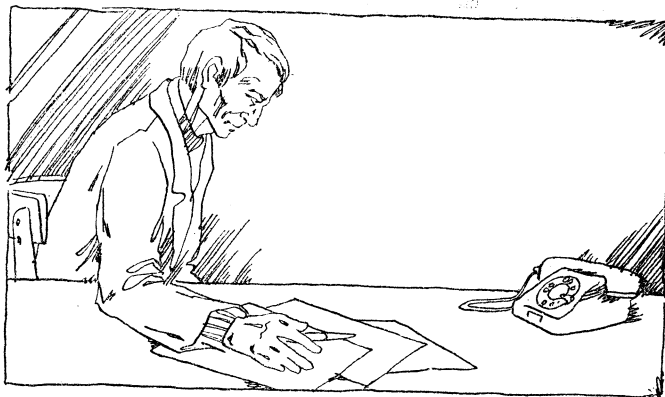
— Что я там забыл?

На лице Жижина такое неподдельное недоумение, что становится ясно — все мои расспросы об одежде, в которой погиб Хохлов, повиснут в воздухе.

18.

Дербeko, узнав, что всего лишь час назад плиточник-мозаичник Жижин, он же взятокодатель, взят мной под стражу и направлен в следственный изолятор, становится сговорчивым и, тяжело вздохнув, просит несколько листов бумаги, на одном из которых, несмотря на мои настойчивые разъяснения, что документ не может называться явкой с повинной, поскольку пишется уже после того, как следствию стало известно о совершенном преступлении, все-таки выводит крупными красивыми буквами именно этот заголовок. Работает он усердно. Время от времени беззвучно шевелит губами, очевидно, производя свои нехитрые расчеты, отирает тыльной стороной ладони выступающий на лоб пот, сосредоточенно покусывает колпачок шариковой авторучки. Закончив сочинение, Дербeko перечитывает его, словно проверяя, нет ли в нем орфографических ошибок, после чего передает мне.

На исписанных аккуратным почерком страни-

цах он полностью признает себя виновным в нарушении правил техники безопасности; повествует о том, как начальник управления Мизеров, пообещав ему должность главного инженера, просил в случае чего дать показания, что распоряжение о допуске Хохлова к работе дал не он, а Омелин; рассказывает о завышении объемов работ Жижину, получении с него за это взятка и даже про то, как пытался склонить на ту же махинацию Бабарькина и Тропина.

Но, услышав мой вопрос, не по его ли указанию исчезла спецодежда Хохлова, Дербeko снова ошетинивается:

— Это у вас фантазия, извините, разыгралась... Я же помню, как вы на меня посмотрели, когда нашли оторванную пуговицу.

— Ну и как? — любопытно спрашиваю я.

— Будто я вашего Хохлова столкнул... Бросьте вы все это. Никто его не толкал. Да, занудный мужик был, но таких сколько хочешь. Да и не повод это. Сам он упал, уж поверьте моему опыту. Бывает такое.

— Антон Петрович, вы не задумывались над тем, что если это не несчастный случай, ваша ответственность за нарушение правил безопасности исключается? — говорю я таким тоном, словно эта мысль пришла мне в голову только сию минуту.

— Даже если бы и задумывался, на другого валить не стал бы, — отрезает Дербeko. — Мой срок за взятки от этого меньше не будет.

— Со многим из сказанного вами я согласна, но до сих пор не могу понять, откуда вам стало известно, что Хохлов упал с четвертого, а не с какого-нибудь другого этажа?

— Это всем известно, — недоуменно смотрит Дербeko. — Я из вагончика на крик прибежал, спрашиваю, что произошло, как? Мне говорят: упал с четвертого этажа.

— Кто «говорят»?

— Там Данилов стоял, — неуверенно тянет

прораб. — Зайцев этот, бородатый... Кто-то из них, ведь Жижин с Бабарыкиным позже подбежали.

— Кто?

Дербеко, плотно сжав губы, втягивает носом воздух и, задержав его на некоторое время в груди, выдыхает:

— Все-таки, кажется, Данилов.

Тимофей Дементьевич? Любопытно?.. Насколько мне помнится, тот говорил, будто не видел падения Хохлова. Перебираю в памяти беседы с Даниловым — ничего настораживающего. Зайцев? Тоже какая-то нелепость. Что же получается? Бабарыкин был в соседнем подъезде. Там же Жижин и неизвестный в «пирожке». Дербеко сидел в вагончике. Зайцев направлялся за карандашом и находился в это время на улице. Данилов проходил мимо подъезда... А пуговица оторвана!.. Может, довериться опыту Дербеко?

— Лариса Михайловна, — негромко окликает прораб. — Вы меня арестуете?

Рассеянно киваю.

— Да, да... Безусловно.

Дербеко снова шумно вздыхает.

— Могу я от вас позвонить домой?

— Звоните...

Набрав номер, он отворачивается к окну.

— Катя, это я... Нет, не с работы... Неприятности у меня. Короче, меня арестовали... Рассказывать долго... Да не вой ты, не вой! Без тебя тошно!.. Собери мне теплое белье, телогрейку, сапоги кирзовые, они в кладовке лежат, пожрать чего-нибудь... Куда привезти? — Дербеко вопрошительно смотрит на меня.

— Если в течение часа, то сюда — подсказываю я.

Дербеко повторяет мои слова жене, добавив от себя: «Только рысью!» — и резко кладет трубку.

19.

Разглядываю красную прокурорскую печать на постановлении об избрании Дербеко меры пресечения в виде содержания под стражей, вдруг соображаю, что с минуты на минуту должна появиться его супруга, у которой наверняка гораздо больше вопросов, чем у Павла Петровича. Ох уж эти женские слезы. Мужчины переносят их легче, поэтому спешу к Селиванову, на чье попечение оставлен Дербеко.

Под стрекот селивановской пишущей машинки объявляю Дербеко постановление об аресте и обращаюсь к своему коллеге:

— Евгений Борисович, ты куда не собираешься?

Пальцы Селиванова висят над клавишами. — Я?! Ты что?! У меня такое обвинительное заключение, что часов до десяти из-за стола не вылезу!

— Мне уехать надо.

Селиванов машет рукой:

— Езжай, езжай. Присмотрю за твоим подопечным, пока машина за ним не придет.

Благодарю отзывчивого коллегу, прощаюсь, выскакиваю из прокуратуры и, промчавшись на «Ниве» по улицам сумеречного города, успеваю в проектный институт, где работал Алексей Иванович Хохлов.

В конце коридора, устланного мягким линолеумом, упираюсь в высокую дверь вычислительного центра. Из машинного зала раздается мерное гудение, изредка прерываемое очередями печатающего устройства.

Отыскиваю кабинет начальника и стучусь.

— Щедловский Олег Львович, — представляется похожий на актера Калягина, начинающий полнеть мужчина в темно-синем костюме, голубой рубашке и широком, как салфетка, галстуке, когда я сообщаю ему цель своего визита.

Предложив мне сесть, он опускается за стол и терпеливо ждет моих вопросов. Его белые руки в редких веснушках, пухлые, почти женские, так же терпеливо покоятся на столешнице.

— Олег Львович, когда вы пришли на ВЦ, Хохлов уже работал здесь?

— Да, Алексей Иванович у нас старожил. С основания ВЦ трудился. — Пальцы Щедловского постукивают по столу. — Сильный был специалист, сильный...

— Поэтому и использовали на стройке? — негромко роняю я.

Щедловский почти без укора смотрит на меня и мягко упрекает:

— Зачем вы так?.. Ведь прекрасно знаете сложности с трудовыми ресурсами у нас в Сибири...

— Извините, Олег Львович, — виновато улыбаюсь я. — Вы не могли бы более приземленно?..

Его пальцы замирают на полированной поверхности.

— Думаете, от хорошей жизни таких специалистов на стройку отправляем? Отнюдь... Приходит разрядка на ВЦ — откомандировать на помощь строителям, к примеру, двух человек. А кого направить? У одного — ишемическая, у другого — остеохондроз, этот — молодой специалист, та — молодая мама, а эта — в декретный отпуск собирается... Алексей Иванович как раз в том доме квартиру должен был получать. Вот и пришлось направить.

— Вам не было известно о его близорукости?

— Вы знаете, об этом я даже как-то не подумал, — слегка тушуетса Щедловский, но тут же находит выход. — Стройуправление должно было позаботиться о медицинском осмотре! Это их прямая обязанность!

Он с таким ударением произносит «их», что становится ясно — брать на себя чужие грехи Олег Львович не намерен.

— Отчего Алексея Ивановича недолюбливали?

Вопрос задан почти риторически, однако Щедловский принимает его на свой счет:

— Я недолюбливал?!

В этом восклицании столько искреннего удивления, что мне понятно — и он тоже.

— Нет, я к Алексею Ивановичу очень ровно относился, — продолжает защищаться начальник вычислительного центра.

Если бы я преследовала цель доказать обратное, я бы еще поспорила, но мне не до этого. Спрашиваю:

— А другие?

— Как вам сказать?.. Хохлов был очень, иногда даже чересчур, прямолинеен. Резал, как говорится, правду в глаза, невзирая на должности и не задумываясь о последствиях.

— И они бывали?

Щедловский многозначительно разводит руками.

— Хохлов давно мог бы руководить группой...

— Или ВЦ, — в тон ему продолжаю я.

Чуть отстранившись, Олег Львович окидывает меня взглядом своих выпуклых глаз, проверяя, не шучу ли. Убеждается, что я говорю серьезно, вздыхает.

— Да-а. Ведь он раньше меня пришел, да и программист был от бога...

И столько грусти звучит в его словах, что не могу понять, то ли он печалится о том, что Хохлов не стал начальником ВЦ, то ли расстроен потерей квалифицированного специалиста. Повздыхав, Щедловский продолжает:

— Но в науке этого мало. Нужно подтверждать свои знания работами, учеными степенями, публикациями... А он как-то... Презирал все наши стремления защититься, занять место поприличнее и с соответствующим окладом... Мы отпуска на что тратим? В библиотеках сидим. На пляж бы сбежать, а ты сидишь, над списком литературы голову ломаешь. Другие по вечерам в театры, а ты в дисплей глазеешь. Защитил кандидатскую, волей-неволей за докторскую принимаешься... А Хохлову все это до лампочки было. Каждый отпуск бежал из суеты городов и потоков машин... Последний раз, например, Хохлов бродил по Алтаю. Я себе представить не могу, как можно целый месяц созерцать и ничего не делать? А ему нра-

вилось. Я жене невзначай обмолвился, что Алексей Иванович решил отпуск на Алтае провести, так она прямо загорелась. Заставила меня попросить его привезти какой-нибудь адресок, куда можно с семьей вырваться. Я согласился. Решил, что и там поработать можно будет.

Упоминание об Алтае заставляет меня настояриться.

— Алексей Иванович выполнил вашу просьбу?

— Конечно. Он человек очень обязательный. Если пообещает, непременно исполнит. Поедем теперь в эту Шадринку летом, посмотрим, где Хохлов провел свой последний отпуск.

— В Шадринку? — задумчиво повторяю я.

Щедловский кивает:

— Да. Он там с каким-то трактористом договорился. У того молоко настоящее, из-под коровы, огородище, пасака. Я обычно фамилии плохо запоминаю, а тут как раз книгу Орлова читал, вот и отложилось по ассоциации — тракторист Данилов.

— Повторите, пожалуйста, фамилию тракториста, — прошу я.

Щедловский улавливает напряжение, прозвучавшее в моем голосе, осторожно повторяет:

— Данилов...

— Данилов из Шадринки, — машинально произношу я, пытаюсь понять, почему Дементьич, плотник со второго участка, не упомянул о том, что Хохлов был в гостях у его родственника.

Стоп! А с чего я взяла, что Дементьич — родственник тракториста Данилова?

— Олег Львович, Хохлов называл вам только фамилию?

— Нет, — нерешительно, словно ожидая подвоха, отвечает Щедловский. — У меня записаны имя и отчество... Посмотреть?

— Будьте добры.

Он извлекает из пиджака книжечку в тисненном кожаном переплете и сообщает:

— Данилов Михаил Дементьевич.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1986 ГОДУ

ПРОЗА

- Бутин Э. Лицом к лицу. № 8, 9.
Гостомыслов А. Артисты из Атлантики. № 6.
Данилов В. Временно исполняющий. № 1, 2.
Дойл Конан А. Происшествие в Старом Пскоме. № 9.
Дудников Н. Последний перелет. № 5.
Задереев С. Дымы над горой. № 8.
Зуев В. Возвращение к матери. № 7.
Иванов В. Хромая машинка. Сердолики. № 3.
Кудрявцева В. Игрушка для учителя. № 4.
Леонов Ю. Особое поручение. № 3.
Леонидов А. Траектория. № 11, 12.
Машин В. Колодец. № 5.
Немтушкин А. В Месяц Больших Холодов. № 12.
Нечволода В. День первый. № 1.
Никонов Н. Северный Запад. № 10, 11, 12.
Пантюхин О. Три дня и жизнь. № 9.
Ромов А. Ротмистр авиации. № 1, 2.
Чернов Ю. Дуэль у березы. № 6.
Чумичев Л. Пустовала малуха... № 4.
Юхнов И. Двое в лесу. № 5.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

- Андреев Я., Беляев И., Максимов В., Молчанов Э. Где звезды отважно светят... № 11.
Галязимов Б., Сулейманов Б., Шамсутдинов Н. Белым-белая в летний день Россия... № 7.
Денисов Н., Ругин Р. Когда пряма дорога и честна. № 8.
Ермолов О., Кердан А., Тер-Акопян А., Тихомиров В., Тулин В. Странна моя, земля родная. № 6.
Иванов Г. Каждый день, который вместе прожит... № 3.
Иванов Г. За той чертой... № 10.
Кымытваль А. Снова поучает солнце, что весь мир из света соткан... № 12.
Мережников Н. Магнитогорск, музей Ручьева. № 5.
Найдич М. Деревья вскинули зарю... № 4.
Поскребышев О. ...Надо хлеб покруче послодить. № 1.

- Поскребышев О. Над белой Обскою губой... № 8.
Сибирев В. Мимо никак никому не пройти. № 9.
Сорокин Л. Слово о партбилете. № 2.
Сорокин В. Через годы. № 7.
Шульгин М., Явтысы М. Мне дана в наследство тундра... № 12.

МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА

- Арбитман Р. Фантастика и читатель. № 7.
Балабуха А. Поле надежды. № 5.
Брандис Е. Он между нами жил... № 4.
Грибовский В. Все равно не поверят... № 8.
Другаль С. Василиск. № 4.
Другаль С. «Стремление печататься огромно»... № 9.
Жилин В. Беглец. № 2.
Крапивин В. Тополиная рубашка. № 6, 7.
Левитин К. Жизнь невозможно повернуть назад. № 10, 11.
Орехов Н., Шишко Г. Эмоскафандр. № 8.
Палей А. Р. Пушки... для мира? № 6.
Ревич В. Сфера разума. № 3.
Ревич В. Генератор чудес. № 11.
Соловьев С. Светильник. № 9.
Худяков В. Экзамен. № 9.
Н. Ф. Калейдоскоп. № 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11.

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ. НАЙТИ СЕБЯ. ТОВАРИЩ ВРЕМЯ. ЛЮДИ ПОДВИГА. ЮНОСТЬ ОТЦОВ. ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ. ДИАЛОГ- КЛУБ «ПОДРОСТОК». ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ

- Андреев Я. Четырехжды Невский. № 7.
Барвиш Б., Дьякова Л., Шинкаренко Ю. Понять, что творится на свете... № 4.
Березовский Н. Интернат имени Гагарина. № 4.
Борисихин Ю. Неприкосновенная земля. № 4.
Борисихин Ю. Неизвестный океан. № 5.
Борисихин Ю. Арктика: пробуждение исполнителя. № 6.
Борисихин Ю. Мыс Дежнева: богатство России. № 7.
Борисихин Ю. Дальний Восток: тихоокеанский цит. № 8.
Бриль Ю. Голубой свет Тусавея. № 2.
Васькова Е. На полпути из Чистоглазово в Надеждино. № 6.
Вильяминов Л. Земной и космический хлеб Мина Ивановича. № 6.
Галин А. Знак Наташи. № 12.
Гальперович Н. На родине начдива. № 9.
Голубев Л. Выбирай дело по душе. № 2.
Давыдов И. Суть дела. № 7.
Долматов В. 600 мгновений войны рядового 178-й Сибирской дивизии Кондратьева. № 10.

- Дорохова Л. У родного порога. № 1.
Ефимова Т. Размышления у «белой башни» № 3.
Иванов И. Приговор приведен в исполнение. № 8.
Иванов Ю. Ветер океана. № 10.
«Какими бы мы были умными и добрыми людьми...» № 11.
Калинин А. Черная тропка. № 6.
Козлов Л. Заботы Ильича. № 2.
Корниенко И. Письма из седьмого «Б». № 2.
Курамин В. Строить и жить! № 2.
Курбатов В. Анкалин с мыса Туманов. № 12.
Лившиц Д. Тени солнечной стороны. № 8.
Лычагин И. Женское ли дело — водить танк? № 8.
Ляпустина А. Международный мастер фотографии. № 9.
Макашина Л. Редатор «Уральской газеты». № 2.
Минин А. Пить — значит не жить. № 6.
Моисеев А. Языком улиц. № 9.
Морковкин Ю. Встретимся в эфире!.. № 6.
Новоселов В. У роля — Михаил Кедров. № 1.
Олешко В. «Войди в огонь, в котором я горю...» № 2.
Парфенов С. Дежурный по рейхстагу. № 5.
Паруса и шпаги «Каравеллы». № 8.
Подростки уральского города Режа размышляют, мечтают, задают вопросы... № 6.
Рыков С. Бригада № 6.
Савина Н. Директор станкостроя. № 9.
Самсонов В. Отчий дом. № 9.
Селянин Ф. Огонь с соломой не дружит. № 5.
Смирнова С. Учитель, гражданин. № 12.
Тетерюков И. Восемь героев из одной школы. № 9.
Толмачева Н. Зеленый тополь среди снегов. № 11.
Федорова Г. Чудесный сплав. № 4.
Шумков С. Мужество высшей пробы. № 7.
- КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА. ПО БЕЛУ СВЕТУ. ДАВНЫМ-ДАВНО. СТРАНА ТОПОНИМИЯ. ТРОПОЙ ПОИСКА.**
- Андреев Я. Автограф Ивана Демидова. № 10.
Барков А. «Кладовки» странницы-кедровки. № 1.
Боже В. Златоустовский академик. № 4.
Бурукowska Т. В нем дивно все переплелось... № 5.
Васильев В. Тюменские воздухоплатели. № 7.
Васильев В. «Слух о моей смерти сильно преувеличен...» № 5.
Владимиров С. Канин Нос. Остров Колгуев, Кольский полуостров. Святые Носы. Хайпудырская губа. Шараровы Кошки. Ямал. № 12.

Горюн А. Подземная Русь. № 11.
 Данилов Л. Демидовская премия. № 9.
 Дашкевич Л. Улицы помнят прошлое. № 6.
 Енакаев Р. Ближайший друг Грибоедова. № 11.
 Ермаков В. Памятник дороге. № 1.
 Ефремов В. Однозвучно гремит колокольчик... № 7.
 Жерновников В. Бальмонтистики из Тюмени. № 10.
 Зеличенко Б. Рядом с Нетте. № 1.
 Зеличенко Б. Служила... песня. № 2.
 Клепиков В. Мать городов сибирских. № 7.
 Константинов А. Зимова на Гыдане. № 12.
 Копнов В. Шагнувшим в бой со школьного порога. № 2.
 Копылов Д., Ретунский В. Открытие века. № 7.
 Кошетович В., Кратохвилл М. Корсар наихристианнейшего короля. № 6.
 Курбатов В. Серый рыцарь. № 1.
 Курочкин Ю. История и судьба «Уральской коллекции». № 11.
 Максимов С. Плавня. № 4.
 Матвеев А. Русский Север. № 6.
 Ненеин И. Пермский летописец. № 5.
 Омельчук А. Фолиант бургомистра. № 12.
 Павлов В. Под инициалами «П.С.». № 8.
 Пашнина Г. Кого рисовал А. С. Пушкин? № 7.
 Пашин В. Бестселлер прошлого века. № 7.
 Пашин В. Мишка, Яшка и Дуняшка. № 8.
 Пихоя Р. Книголюбы Пушкины. № 10.
 Повилейко Р. Чулымские всадники. № 9.
 Попов С. Новая встреча с горой Янченко. № 2.
 Попов С. Корабли-лейтенанты. № 12.
 Походов А. Купец наблюдает комету. № 1.
 Рафиков М. Там, на Лисьей горе... № 9.
 Савельзон В. Пугачев неустрашенный. № 6.
 Сахновский Н. Три Ивангорода. № 11.
 Семченко Н. Охотские камушки. № 6.
 Семянников В., Субботин Е. Авангардист Озанфан. № 10.
 Сергеева Л. Ключи от Севера. № 2.
 Сонин Л. Ошибка ученого. № 9.
 Стахеев В. Найден домик декабристов. № 1.
 «Уральский следопыт» на Ямале. № 4.
 Филатов А. Бирюковские чтения. № 5.
 Хлебников А. Писал ли Айвазовский зиму? № 1.
 Хохлачев В. Свидание с Софией. № 8.
 Чаплин С. Наперекор стихии. № 9.
 Челышев Б. История портрета. № 11.
 Чистяков С. Самолеты Дроблета. № 10.
 Чук Р. Корни человеческие. № 12.
 Шакинко И. Птенцы гnezда Петрова. № 3.
 Шамов Б. «Придали здесь название...» № 2.

Широкова Н. Там, где сближаются берега... № 10.
 Шумов В. На него ссылался Лев Толстой. № 5.
 Южиков А. Олений пробег. № 12.

НАУКА И ТЕХНИКА. КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ. РУКОМЕСЛА. НА ВСЕ РУКИ.

Андреева Н. Здесь русский дух, здесь Русью пахнет... № 3.
 Браиловский Г. Карманный музей. № 3.
 Булгакова О. Зов космоса. № 4.
 Вайсберг Б. Беречь! № 3.
 Вайсберг Б. Корректировка. № 10.
 Гуревич Ю. Как предвидеть землетрясение? № 10.
 Давыдов И. Робот нашего времени. № 11.
 Демидова В. Сувениры «Орнаменты». № 11.
 Ефимов Л. Уроки катастроф. № 7.
 Звонок в будущее, или Урок информатики. № 1.
 Зигуненко С. Есть идеи! № 9.
 Игошев Б. Что может микрокалькулятор? № 1.
 Ищенко Е., Любарский М. Необъективный объектив. № 10.
 Каменецкий Ф. Книги и моря. № 3.
 Кострикин В. Часы остановила память. № 11.
 Марихин Н. В душе былое сбереги. № 3.
 Молчанов Э. Юности причал. № 11.
 Мосин А. Почему — Атос, Парос и Арамис?.. № 7.
 Нестеров А. Небо семнадцатого века. № 11.
 Пантелеев В. Знаки из Иркутска. № 5.
 Пашин В. «За полтавскую баталию». № 10.
 Петрунин А. Такси... в историю. № 11.
 Пинаева М., Пинаев Б. Реставрация памятника. Цветы на подоконнике. № 3.
 Сакнынь Ю. Честь издания. № 3.
 Сергеева Л. С компьютером наедине. № 1.
 Сузин Ф. Все и чуть больше! № 6.
 Трошин А. Как создавали пароходы. № 2.
 У океана мыслей. № 11.
 Хрипко М. Сказка Щукина. № 5.
 Что такое ЛОК? № 11.
 Шеваров Г. Что за кварками? № 8.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ

Беляев И. Растения-красители. № 5.
 Беляев И. Травы лесного края. № 10.
 Гребеников В. Степь рукотворная. № 6.
 Иванов А. Красноклювые эмигранты. № 9.
 Клумов С. Вымышленный?.. Реальный?.. № 12.
 Кошелев В., Прудаев В. Хозяин в двух лицах. № 12.

Линник Ю. Маскарад с участием лимонницы. № 5.
 Малышев И. Симон. № 2.
 Манец А. «Бочка с дымом», зимники и другое... № 12.
 Капорейко О. Там, за синей далью. № 11.
 Николаев В. Прогулки по городу. № 9.
 Подшибякин В., Рождественский Ю. К богатству добавить богатство, а не отнять! № 12.
 Рябинин Б. Тысяча писем и еще одно... № 5.
 Рябинин Б. Двое и необитаемый остров. № 10.
 Рытхэу Ю. Окраина планеты. Век XX... № 12.
 Семченко Н. Аптека Дерсу Узала. № 7.
 Снегирев В. В урмане. № 9.
 Стахеев В. Кедрачи Трифона Матвеевича. № 9.
 Сташкевич Л. Белый медведь-умка или ошкуй? № 12.
 Тапит О. Комполен. № 12.
 Фролов Ю. Встреча на рассвете. № 8.
 Цаур Т. Сокровища в песке. № 1.
 Чазов В. Куда стреляет рогатка? № 9.

ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЬ. НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНЕЙКЕ. ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ. МУЗЕЙ ОДНОГО ЭКСПОНАТА. СТАРТЫ. ЮМОР.

Баранов А., Кузьмин М., Пермин Д. Мудряшки. № 10.
 Булавин В. Дороги молодых. № 2.
 Горячев И. Уфа, улица Крупской... № 4.
 Демин В. Манеж из воздуха. № 8.
 Дудолодов А. Бах — и готово! № 10.
 Зеличенко Б. Герои фильмов — северяне. № 12.
 Зубков Ю. Дробь... из космоса? № 10.
 Евилевич Р. На войне, как на войне... № 10.
 Енакаев Р. Фуат Булатов, друг Джалиля. № 5.
 Козлов Л. Всесоюзный староста в Копейске. № 4.
 Кононченко Е. Муки творчества. № 2.
 Константинова Л. Волшебный мир керамики. № 3.
 Матюнин Б. «А ты, Маринка?..» № 10.
 Мир на ладони. № 1, 4, 6, 9, 11, 12.
 Незнание или служебная халатность? № 7.
 Онищук П. «С пулей в сердце я живу на свете...» № 10.
 Орлицкий Ю. Тигр — какого цвета? № 1.
 Паромова Н. На холстах — история. № 7.
 Пиров А. Странная встреча. № 10.
 Хлебов Г. Красоту показать... № 6.
 Чаплин С. Портрет Ильича. № 4.
 Челышев Б. Документ из первых рук. № 5.
 Широкова Н. Еще не весь Урал открыт... № 3.
 Шумков С. И пуля, и слово... № 5.

О. Булгакова

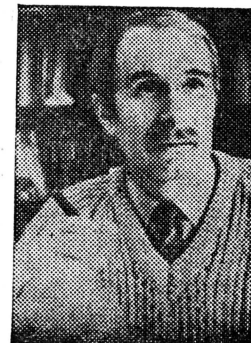
В. Гребенников

С. Другаль

Г. Пашнина

Д. Ромов

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

По решению редакционной коллегии отмечаются лучшие публикации 1986 года и награждаются призами журнала «Уральский следопыт»:
 документальный рассказ о пионере космонавтики Ю. Кондратюке «Зов космоса» Оксаны Булгаковой [№ 4];
 очерк «Степь рукотворная» Виктора Гребенникова [№ 6];
 научно-фантастическая повесть Сергея Другалья «Василиск» [№ 4];
 краеведческая публикация Галины Пашниной «Кого рисовал А. С. Пушкин!» [№ 7];
 приключенческая повесть Анатолия Ромова «Ротмистр авиации» [№ 11, 12].

Поздравляем, друзья!

НА ПРИЗ ЖУРНАЛА

Нынче была проведена четырнадцатая юношеская велогонка на приз журнала «Уральский следопыт».

Комментирует состязания молодых гонщиков главный судья соревнований Вячеслав Алексеевич Черемисин, который, кстати, был и организатором этой традиционной велогонки:

— Прежде чем назвать призеров, хотелось бы сказать вот о чем. Гонка год от года обязательно должна быть живее, интереснее. Но... работники Госавтоинспек-

ции отводят трассу, как стол, ровную. По ней приятно прокатиться, но на ней не возникает острой, азартной борьбы. Нет спусков, подъемов, крутых поворотов. Более сложная трасса помогает и повышать мастерство.

Теперь — о победителях. Выпускник школы Павел Павлов [г. Асбест] был самым активным на всех этапах, включая финишный. За ним — первое место.

Призерами стали также Сергей Радионов [Свердловск] и Александр Рукавишников [Магнитогорск].

Команда «Труд-1» (спортсмены Уралмаша и Асбеста) завоевала переходящий приз-кубок журнала «Уральский следопыт».

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. главного редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРЬКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, г. Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в
 Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-63 (краеведения)

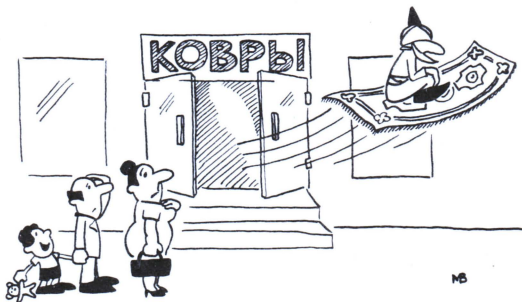
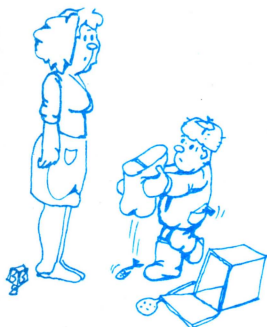
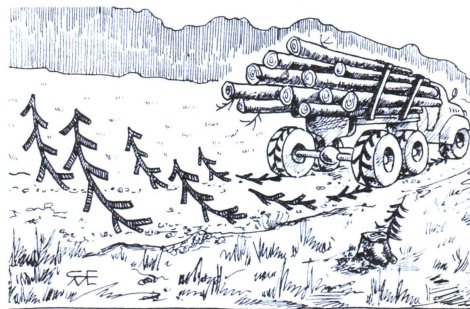
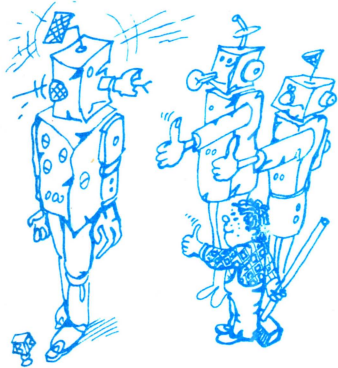
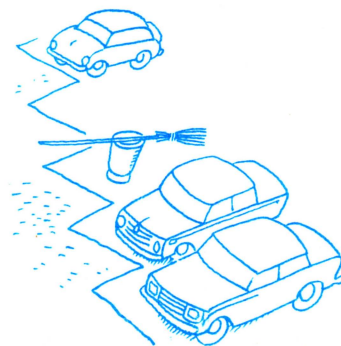
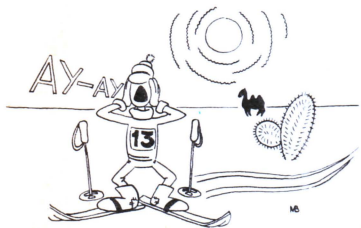
Сдано в набор 28.08.86. Подписано к печати 09.10.86. Формат бумаги 84×108^{1/8}. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 385 000 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 478. Цена 40 коп.

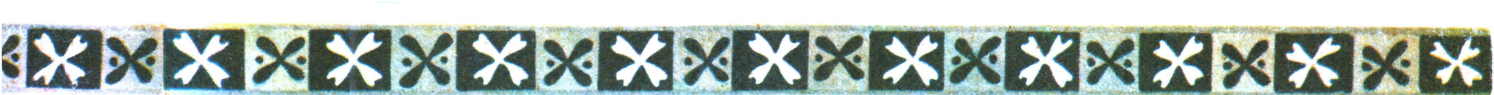
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

НОВОГОДНИЕ СКАЗКИ

художников СТАНИСЛАВА АШМАРИНА,
МИХАИЛА БУРЗАЛОВА,
ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВА,
ВАЛЕРИЯ МЕРКУЛОВА,
ЕВГЕНИЯ СКАРИДОВА

Участники чукотско-эскимосского ансамбля «Уэлен» побывали нынче в Гренландии. Они продемонстрировали свое национальное искусство, провели много встреч, приобрели новых друзей на другом континенте.

Гренландские эскимосы — сильный и красивый народ. Но им не удалось донести до сегодняшнего дня свое фольклорное искусство: европейская культура, нахлынувшая на континент с господством Дании, задавила творческую самобытность этого северного народа. Гренландцам было удивительно, что на огромных пространствах арктического побережья нашей страны сберегаются и расцветают таланты небольших по численности народов, сохраняются древние промыслы; что этому учат детей в кружках художественного творчества; что самодеятельные ансамбли могут выступать на сценах Дворцов культуры и даже ездить на гастроли. Эскимосы Гренландии узнавали в выступлениях «Уэлена» ритуальные танцы — то, что было корнями и их национального искусства...

Концерты чукотских самодеятельных артистов показывались по телевидению, записывались студиями грамзаписи.

Солист ансамбля «Уэлен»
Афанасий Тнауквутагин
Фото В. Шумкова

На снимках: танцы ансамбля «Уэлен»; солистка ансамбля Татьяна Тулюкак демонстрирует костюм — подарок гренландских эскимосов; еще один северный ансамбль (вверху) — «Белый парус» (бухта Св. Лаврентия).
Снимки А. Шумкова

Счастья нищенские крохи
Мой народ ценить умеет.
Но считалось, что сполохи —
Это вестники несчастий.
И едва прекрасный танец
Возникал в вечернем небе,
Завывали псы, пытаясь
Разорвать тугую упряжь,
Бормоча свои угрозы,
Бил шаман в священный бубен
И в испуге эскимосы
Разбегались по ярангам...
Так невежество сгушалось,
Обволакивало души,
Даже в мыслях запрещалось
Восхищаться красотой!
Мне сегодня вновь не спится —
Что там в небе полыхает?...
Это женщины-зарницы
Пляшут в праздничных камлейках!..

ЗОЯ НЕНЛЮМКИНА,
эскимоска.

